

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pslav
685
3(1892,109)

P Slav 685.3 (1892, no. 9)

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT FROM THE
AMEY RICHMOND SHELDON
FUND

1. 1. 9

P Slav 685.3 (1892, no. 9)

**HARVARD COLLEGE
LIBRARY**

**BOUGHT FROM THE
AMEY RICHMOND SHELDON
FUND**

1000

ТРУДЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

Томъ XV

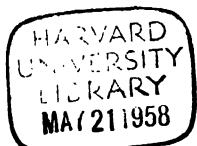
ЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

1892

Приложеніе къ журналу
„Всемирная Иллюстрація“

1892

△
P Slav 685.3 (1892, no. 9)

Scho

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 20-го августа 1892 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ОГЛАВЛЕНИЕ XV-го ТОМА

1) Беллетристика

	Стран.
По горячимъ слѣдамъ, романъ И. И. Ясинскаго, гл. ЛII—LXVIII. Окончаніе	1, 241
Маіоръ Весоновъ, разсказъ И. Д. Ахшарумова.	481
Вѣднѣй докторъ, разсказъ Луджи Бапуана, переводъ съ итальянскаго И. А. Гриневской	36
Призраки, очеркъ Е. Величкова, переводъ съ болгарскаго Н. Н. Филиппова	75
Бурная натура, романъ Эмилии Флигаре-Барленъ, переводъ со шведскаго барона В. Э. Ф-леса.	104, 301
Тернистымъ путемъ, историческій романъ Георга Эберса переводъ Д. Л. Михаловскаго, часть II, гл. XXV—XXXV. Окончаніе.	157, 424, 634
Голубой цвѣтокъ, разсказъ Жипъ, съ французскаго	357
Въ необъятное пространство, романъ Роберта Кроми, переводъ О. П. Павловой.	532
Приключенія трости и ея владѣльца, разсказъ Вольслава Пруса, переводъ съ польскаго А. К. Гриневскаго	576
Тетя Мальвина, разсказъ Анны Эдгренъ-Леффлеръ, герцогини де-Баянелло, переводъ со шведскаго барона В. Э. Ф-леса	618
Темная весна, эскизъ Боррадо Риччи, переводъ съ итальянскаго И. А. Гриневской	630

2) Стихотворенія

Султанъ Мурадъ. Изъ В. Гюго, переводъ О. Н. Чюминой	27
Сонъ Весталки, М. А. Лохвицкой	55
Сонетъ, ея же	356
Еслибъ мысли мои разгадать ты могла, А. В. Круглова	74
Пѣсни: 1) Что не ласточка-касаточка поеть. 2) Рано солнышко, С. Д. Дрожжина.	102
Разъигралось сине море, Н. П. Аксакова.	155
Вой. Вылина, его же	237
Грустно мы слушаемъ ночь голубую, К. М. Фофанова	300
Расказанье рыцаря, его же	529
Молитва, графа П. А. Валуева	347

Списокъ

Царевничь мостъ, изъ народныхъ сказаній А. А. Кориѳскаго	404
На мотивы Петра Прерадовича. 1) День и ночь, 2) Погибшая любовь, 3) Сердце, переводъ съ хорватскаго, его же	615
Мигъ, П. А. Куснова	516
Изъ восточныхъ мотивовъ, В. Л. Величко	565

3) Науки, искусства, критика, библиографія

Вечерняя звѣзда, статья Камилла Фламаріона, переводъ М. В—скаго.	31
Жители планетъ, очеркъ его же, переводъ М. В—скаго.	340
Древнія науки чудесъ. Алхимія. — Астрологія, статья С. И. Уманца	86, 394
Спиритизмъ съ точки зрѣнія современной психологіи. статья А. А. Верса.	57
Море и его мнѣя, очеркъ М. А. Ордова.	277
Сношенія между Старымъ и Новымъ свѣтомъ до Колумба, статья Д. А. Корочевскаго	404
Дѣтская любовь. По поводу книги Ломброзо, статья И. А. Гриневской.	144
Миссіонеръ конца вѣка, по поводу романа Луиса Колома, статья Арведа Баринъ	517
Лордъ Вайронъ въ Италіи, очеркъ Стендаля, переводъ В. П. Горленко.	602
Новыя книги: А. Кривошь-Несмѣяновъ. Ночи. Маленькія новеллы, А. В. Круглова (238). Энциклопедическій словарь. Изданіе . А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. V. А. К. Гриневскаго (239). А. В. Греминъ. Шурочка, рассказъ, А. А. Е—скаго (240). Рассказы, очерки и наброски, Петра Добротворскаго, А. А. Е—скаго (479). Э. Е. Ватсонъ. Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ А. Е. Гриневскаго (479). D-r Ernst Schulze. Lebensbeschreibung des Prinzen Ludwig Gruno von Hessen-Nomburg. Д-ръ Э. Шульце. Биографія принца Людвига Груно гессенъ-гомбургскаго. Е. Ф. (713). М. Я. Хашевсь. Стихотворенія, А. Е. Г—скаго (714). Свой судъ, рассказъ В. Выстренина. Счастливое открытіе. Рассказъ Каронина, А. А. Е—скаго (715); Евгеній Вѣловскій. Правда и вымысль. Рассказы А. А. К—скаго (716).	
Научныя новости: Поддѣлка конфетъ и лакомствъ. — Состязаніе въ бѣгѣ лошади съ собакой. — Говорящія часы. — Дѣйствіе электрическаго свѣта на растенія. — Гармонизація птицѣихъ напѣвовъ. — Необыкновенный урожай пшеницы. — Последнія цифры почтовой статистики. — Новый славъ золотого цвѣта. Новая экспедиція къ сѣверному полюсу. — Новый способъ искусственнаго вызыванія дождя. — Незаданныя произведенія Виктора Гюго. — Германскій императорскій повѣдь.	

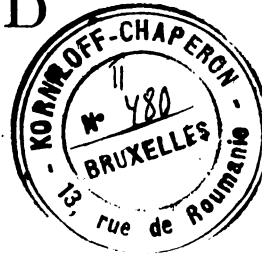

МАЮРЪ БЕЗСОНОВЪ

РАЗСКАЗЪ

И. Д. Ахшарумова

I

Весною 1878 г. передовыя войска наши стояли въ С. Стефано, подь Константинополемъ. Прелестный городокъ этотъ, еще недавно тихій и спокойный, кишѣлъ народомъ. Война была окончена, пушки замолели, и заговорилъ другой языкъ—человѣческій, началась мирная жизнь, съ ея торговыми и промышленными интересами. Масса разнаго народа—турокъ, грековъ, итальянцевъ, французовъ—нахлынула въ С. Стефано; множество лавокъ, ресторановъ, театровъ, кафе-шантановъ появилось, какъ волшебствомъ, на берегахъ Мраморнаго моря. Маленькое мѣстечко закипѣло жизнію большаго города и превратилось въ столицу; въ немъ находилась русская главная квартира, и на него обращены были взоры всей Европы.

Тѣсно стало въ С. Стефано отъ наплыва войска, купцовъ, военныхъ агентовъ, корреспондентовъ разныхъ газетъ и другаго разношерстаго и разноплеменнаго люда, до того тѣсно, что вновь прибывающій находилъ съ трудомъ для себя помѣщеніе.

Близость моря и Константинополя ($\frac{1}{2}$ часа ѣзды по желѣзной дорогѣ или часъ на пароходѣ) придавала всему

этому особую окраску, а военный лагерь и яркое, весеннее солнце довершали картину.

Хорошо и весело жилось тогда въ С. Стефано. Общество было многолюдное и самое разнообразное; къ нашимъ офицерамъ, отдохавшимъ отъ тяжелыхъ трудовъ похода, наѣхали ихъ жены изъ Россіи, и всѣ чаяли скорого возвращенія на родину, хотя суровую, но милую сердцу.

Погода стояла великолѣпная, южное солнце свѣтило и грѣло, все цвѣло и благоухало вокругъ, а днемъ становилось такъ жарко, что мы, русскіе, не привыкшіе къ теплу, уже начинали купаться въ синихъ волнахъ моря.

По вечерамъ въ городѣ, въ разныхъ концахъ его, грѣмѣла музыка и зажигалась цѣлая иллюминація, состоявшая изъ ярко освѣщенныхъ лавокъ, театровъ и ресторановъ.

Да, хорошо жилось тогда въ маленькомъ городкѣ, обращенномъ волею судьбы въ своего рода столицу, и кто самъ не видалъ этой жизни, тотъ не можетъ составить себѣ о ней понятія по однимъ рассказамъ и описаніямъ. Чего тамъ ни было въ то время: даже итальянская опера открыта была на площади, въ какомъ-то досчатомъ сараѣ, и услаждала звуками оперъ Верди и Россини волшебные берега Мраморнаго моря.

Сарай былъ въ одну доску, совсѣмъ сквозной, и отдѣлялся такой же перегородкой отъ ресторана, куда входъ былъ бесплатный. Спросивъ себѣ стаканъ чаю или бутылку пива, легко было прослушать всю оперу даромъ, чѣмъ и пользовались меломаны, не любившіе платить за мѣсто въ театрѣ.

Днемъ на рейдѣ виднѣлись военныя и коммерческія суда, прибывшія изъ Россіи, и противоположный берегъ залива съ силуэтами его живописныхъ горъ въ туманѣ, а вдали дымились большіе пароходы, спѣшившіе со всѣхъ концовъ свѣта къ Босфору.

Въ числѣ ресторановъ, открытыхъ въ С. Стефано, былъ одинъ, совсѣмъ лѣтній, на берегу моря, въ роцѣ изъ

старыхъ, тѣнистыхъ липъ и дубовъ. Буфетъ и кухня помѣщались въ шатрахъ, а для публики были поставлены столы и столики на свѣжемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ. Столы эти были почти всегда полны въ обѣденное время, такъ какъ въ ресторанѣ кормили недурно, хотя и дорого.

Въ ресторанъ этотъ мы пришли какъ - то разъ пообѣдать въ большой компаніи и заняли цѣлый столъ подъ сѣнью столѣтняго дуба.

Обѣдъ былъ веселый, шумный, а воздухъ и видъ на море такіе, за которые охотно можно было простить многія погрѣшности противъ кулинарнаго искусства.

Обѣдъ нашъ близился къ концу, когда къ одному изъ сосѣднихъ столиковъ подошелъ толстый армейскій маіоръ въ сопровожденіи мальчика, одѣтаго въ русское платье съ примѣсью турецкаго костюма. Маіоръ сѣлъ, а мальчикъ остался стоять возлѣ него; онъ спросилъ обѣдъ на одного, вслѣдствіе чего ему поставили одинъ приборъ; но при всякомъ новомъ блюдѣ происходило слѣдующее: маіоръ бралъ къ себѣ на колѣни ребенка и предоставлялъ ему кушать сколько угодно изъ своей тарелки, за симъ снималъ его съ колѣнъ и ставилъ опять возлѣ себя, а самъ доѣдалъ остатки и запивалъ ихъ обильно пивомъ, давая по нѣсколько глотковъ и мальчику.

Такой способъ насыщенія обратилъ на себя мое вниманіе, тѣмъ болѣе, что раздѣлявшіе трапезу были вовсе не похожи другъ на друга и нельзя было допустить, чтобы они были связаны между собою близкимъ родствомъ: маіоръ былъ толстъ, съ одутловатымъ лицомъ, имѣлъ бѣлокурые, съ просѣдью, волосы и плѣшь на головѣ, маленькій красный носъ и добродушнѣйшую улыбку, — спутникъ его былъ худощавый смуглый мальчикъ, съ черными, какъ смоль, волосами и строгимъ красивымъ профилемъ; глаза у него горѣли, какъ уголья, и онъ озирался ими испуганно кругомъ.

Послѣ третьяго кушанья маіоръ, нѣсколько раскраснѣвшійся, такъ какъ, кромѣ пива, употреблялъ за обѣдомъ и водочку, обратился ко мнѣ, ближе всѣхъ къ нему сидѣвшему, и, погладивъ ребенка по головѣ, добродушно сказалъ.

— А вотъ Богъ мнѣ сына далъ въ походѣ.

— Какъ такъ? спросилъ я, заинтересованный его словами.

— Да такъ. И онъ словоохотливо рассказалъ, какъ, всходя на Шипку со своимъ баталіономъ въ одно холодное декабрьское утро, онъ нащелъ близъ дороги, въ канавѣ, ребенка полузамерзшаго въ снѣгу, поднялъ его изъ жалости и положилъ въ свой тарантасъ, ѣхавшій сзади съ войсковымъ обозомъ; какъ, придя на ночлегъ, онъ отогрѣлъ маленькаго больнаго, напоилъ его горячимъ чаемъ и уложилъ собственноручно спать, укутавъ буркою. На другое утро мальчикъ проснулся совсѣмъ здоровый, и съ тѣхъ поръ они неразлучны.

— Вотъ уже вернемся домой, продолжалъ онъ: — возьму съ собой; куда же его дѣвать? Сирота!

— А можетъ быть у него родители здѣсь найдутся? спросилъ я у добраго маіора.

— Гдѣ тамъ, батюшка, отвѣчалъ онъ: — ужъ я искалъ вездѣ, даже объявленія вывѣшивалъ съ переводомъ на турецкій и болгарскій языки, ни, ни, никто не откликнулся, должно быть родители погорѣли, какъ деревни жгли въ походѣ.

— Куда же вы его дома дѣнете? полюбопытствовалъ я: — вы женаты, семью имѣете?

— Нѣтъ никого, одинъ, какъ перстъ, а теперь вдвоемъ будемъ.

Онъ съ любовью посмотрѣлъ на ребенка, и я невольно подумалъ, что найдись родители, онъ счелъ бы это для себя большимъ горемъ и неохотно отдалъ бы имъ свдего найденыша.

Скоро вся наша компанія заинтересовалась разсказомъ маіора и его пригласили пересѣсть къ нашему столу и выпить шампанскаго, на что онъ охотно согласился, но, осушивъ бокаль, объявилъ, что заморскія вина, конечно, не худы, въ особенности въ мирное время, но что въ походѣ наша русская водочка не въ примѣръ лучше.

Мы приласкали и ребенка, стали пичкать его разными сластями, которыя онъ кушалъ исправно, но продолжалъ глядѣть на насъ испуганно и ничего не отвѣчалъ на наши вопросы.

— Дикарь, пояснялъ маіоръ: — точно волченокъ, только ко мнѣ сталъ привыкать немного, а то всѣхъ боится.

— По русски понимаетъ? спросилъ кто-то изъ нашей компаніи.

— Начинаетъ понимать немножко, отвѣчалъ маіоръ: — и то больше, когда я говорю съ нимъ, а вотъ деньщикъ мой совсѣмъ съ нимъ столкнуться не можетъ—не понимаютъ другъ друга, хоть убей!

— Какой онъ націи?

— А Богъ его знаетъ, должно быть турченокъ, кабы болгарушкой былъ, все понималъ бы по нашему хоть немножко, а то бормочетъ что-то по своему—не разберешь ничего. Ну, да все равно, продолжалъ маіоръ, выпивъ еще шампанскаго: — я его окрестилъ въ православную вѣру и Александромъ назвалъ — въ честь нашего царя - батюшки; меня Николаемъ зовутъ, вотъ и будетъ Александръ Николаевичъ. Ужо, какъ вернемся въ Россію, усыновлю его и фамилію свою дамъ — будетъ Безсоновымъ и еще родъ нашъ дворянскій продолжитъ; самъ я старый холостякъ и на это дѣло негожъ.

Маіоръ Безсоновъ крикнулъ и проглотилъ рюмку коньяку, такъ какъ шампанское очевидно его не удовлетворяло. Его примѣру послѣдовали и мы, выпивъ за здоровье новаго представителя рода Безсоновыхъ и пожелавъ ему счастья и всевозможныхъ успѣховъ въ жизни.

— Я его въ военную службу отдамъ! воскликнулъ маіоръ, воодушевляясь: — генераломъ будетъ!

И онъ съ такою гордостію посмотрѣлъ на будущаго генерала, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ уже прославилъ и воскресилъ вымирающій родъ Безсоновыхъ.

Вообще отношенія маіора къ своему приемному сыну были трогательны. Маіоръ былъ старый холостякъ, очевидно любившій выпить, о чемъ свидѣтельствовали его красный носъ и пристрастіе къ коньяку и водочкѣ. Въ жизни своей онъ испыталъ много невзгодъ, какъ я узналъ впоследствии, но никогда не ропталъ на судьбу и сохранилъ свѣжесть сердца и способность увлекаться, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ съ хвостикомъ. Вотъ эту-то способность онъ и перенесъ всецѣло на посланнаго ему Богомъ сынка, какъ называлъ своего приемыша, и полюбилъ его такъ нѣжно, какъ можетъ любить только преданная мать свое родное дѣтище.

Обѣдъ нашъ окончился, но случайное знакомство мое съ маіоромъ Безсоновымъ не прекратилось. Онъ такъ полюбился мнѣ, что мы стали часто видѣться и скоро съ нимъ подружились.

Николай Гавриловичъ Безсоновъ былъ типъ стараго холостяка, рѣдко встрѣчающійся въ наше время.

Люди эти черствѣютъ обыкновенно съ годами и становятся крайними эгоистами, но маіоръ былъ добръ до безконечности, готовъ былъ снять съ себя послѣднюю рубашку и отдать ее ближнему. Онъ былъ не глупымъ человѣкомъ, хотя получилъ весьма плохое образованіе, но много видѣлъ на своемъ вѣку и умѣлъ наблюдать; рассказы его изъ походной жизни и вообще о своей службѣ въ полку были очень интересны и даже назидательны. Командуя ротой и баталіономъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, онъ изучилъ основательно своего подчиненнаго—русскаго солдата, а въ походѣ сжился съ нимъ, какъ съ товарищемъ.

— Солдатикъ, говорилъ онъ, прихлебывая чай обильно

разбавленный ромомъ: — это, сударь мой, такой субъектъ, котораго понять надо; понялъ ты его — и онъ тебя уразумѣетъ, а не понялъ — все дѣло дрянъ выйдетъ. Видывалъ я много на своемъ вѣку офицеровъ, но не всякій это дѣло разумѣлъ. Иной и близко къ солдату подойти боится, брезгливо смотреть на него: пахнетъ отъ него родименькаго и насѣкомыя въ одеждѣ его водятся, безъ этого нельзя, особливо въ походѣ. За это ты не взыщи съ него и не все въ морду тычь, а приласкай иногда солдатика, вѣдь онъ тоже сирота. Вотъ и ищеть онъ къ кому бы привязаться на службѣ и ежели откликъ найдетъ въ сердцѣ начальника, тогда ты спи спокойно — не выдастъ онъ тебя ни въ мирѣ, ни въ войнѣ, и ты изъ него, что хошь, то и дѣлай, хоть веревки вей, все стерпитъ и роптать не станетъ.

— А какъ же, перебилъ я его: — Николай Гаврилычъ. дисциплина въ войскѣ, вѣдь она строгихъ мѣръ требуетъ?

— Еще бы! воскликнулъ онъ: — на солдата палка нужна и въ морду его ткнуть можно — ничего, особливо въ походѣ, да только ты не все его бей, а приласкай хоть изрѣдка, онъ и возлюбитъ тебя, да какъ возлюбитъ! пуще самого себя.

Николай Гаврилычъ замолчалъ и сталъ опять прихлебывать свой чай съ ромомъ, а я подумалъ, что солдаты навѣрно любили своего маіора, хотя, можетъ быть, онъ и поучалъ ихъ, отечески, собственноручно.

Разговоръ этотъ происходилъ вечеромъ въ ресторанѣ возлѣ театра, гдѣ шла въ это время опера »Трубадуръ« Верди. Маіоръ былъ со мною одинъ, безъ своего маленькаго адъютанта. На вопросъ мой — что онъ дѣлаетъ? — отвѣтилъ, что спитъ — Христось съ нимъ, умаялся. День деньской за мной топчется, а я, какъ маятникъ, болтаюсь съ утра до вечера и по дѣлу, и по бездѣлью. Вотъ уложилъ его спать, да къ вамъ и пришелъ сюда.

Маіоръ всегда самъ укладывалъ спать своего пріемнаго сына, чему я неоднократно былъ свидѣтелемъ, и никому не

довѣрять этого важнаго дѣла; онъ, какъ нянька, ухаживалъ за нимъ, умывалъ, раздѣвалъ, укладывалъ въ постель, крестилъ его на сонъ грядущій и не отходилъ отъ него, покуда ребенокъ не засыпалъ.

Въ эту минуту теноръ за стѣной театра запѣлъ вдругъ такъ громко и затянулъ такую высокую ноту, что даже маіоръ обернулся.

— Экъ его разбираетъ! сказалъ онъ, улыбаясь: — вѣдь тоже жрать хочеть, оттого и воетъ. Поди ты, вѣдь и имъ трудно, все равно что на канатѣ ходить.

— Что вы, Николай Гаврилычъ, артиста, пѣвца, съ канатнымъ танцоромъ сравнили, развѣ это можно?

Но маіоръ махнулъ рукой—въ знакъ того, что считалъ ихъ на одной ступени той лѣстницы, которая называется практической пользой въ жизни человѣческой, и мы вышли съ нимъ изъ ресторана.

Ночь была волшебная, звѣзды ярко горѣли на небѣ, море тихо плескалось о берегъ; тепло было такъ, какъ у насъ въ іюлѣ.

— Экая ночь! сказалъ я, вдыхая въ себя теплый ароматный воздухъ.

— Благодать Господня! возразилъ мой собесѣдникъ: — поди-ка у насъ теперъ въ Питерѣ или Москвѣ снѣгъ глыбами лежитъ, а здѣсь цвѣты цвѣтуть.

— Хорошо здѣсь, Николай Гаврилычъ, вѣкъ бы, кажется, прожилъ.

— Соскучитесь, батюшка, домой потянетъ, на родину.

— Можетъ быть, но на родинѣ холодно, а здѣсь тепло; смотрите ночь наступила, а мы съ вами гуляемъ въ ките-теляхъ. Какъ хотите, а первое благо въ жизни тепло и солнышко.

— Первое благо въ самомъ человѣкѣ, сказалъ маіоръ, помолчавъ съ минуту: — внутри его, а не снаружи, и въ Сибири люди живутъ и какъ еще! Жизнь наша, скажу

я вамъ, все одно, что зеркало: какъ помотришь въ него, такъ оно тебѣ и отвѣтитъ.

— Э, да вы, я вижу, философъ!

— Какой тамъ философъ! Я и не знаю, что такое ваша философія, не читалъ никогда.

— Хотите почитать? у меня книжка чудесная: обзоръ всѣхъ философій въ переводѣ на русскій языкъ, очень интересно.

— Не пойму я вашей книжки, отвѣтилъ маіоръ: — не по мнѣ она писана, мы на мѣдныя деньги учились. Вотъ уже подростеть мой мальчишка, мы его не такъ воспитаемъ, всему научимъ, всякой премудрости.

И тотчасъ, увлекшись своими мечтами, онъ сталъ развѣивать цѣлый планъ воспитанія, широко задуманный.

— До сихъ поръ я жилъ какъ скотъ, заключилъ онъ: — для себя одного и, грѣшнымъ дѣломъ, водочкой занимался, но теперь шабашъ—цѣль въ жизни есть, сынокъ, хоть не по плоти и крови, а все равно сынъ, Богомъ данный. Вотъ я и долженъ о немъ заботиться, коли принялъ на попеченіе, какъ о родномъ дѣтищѣ.

Я нисколько не сомнѣвался, что маіоръ исполнить свой долгъ и свои обязанности по отношенію къ приемному сыну, и боялся только одного, какъ бы сынъ не измѣнилъ своимъ обязанностямъ и не понялъ, не оцѣнилъ такого отца. Но я, конечно, не высказалъ своихъ сомнѣній маіору и замѣтилъ только, что высшее образованіе дорого стоитъ и не всякому по средствамъ.

— Чтожъ, мы не нищіе, отвѣчалъ Николай Гавриловичъ: — есть у меня кое-какой грошъ, накопленный, да имѣннице небольшое, оставшееся послѣ родителя; недостанетъ наличныхъ—имѣніе по боку, а ужъ не пушу мальчишку неучемъ по свѣту, вотъ какъ я грѣшный.

Мы все шли далѣе разговаривая и, выйдя за городъ, подошли къ русскому лагерю. Часовой окликнулъ насъ, но, узнавъ своихъ, отдалъ честь и пропустилъ.

— Спать родимые, сказалъ маіоръ, указывая на патки: — а сколько ихъ тамъ полегло, позади, въ чужой землѣ... о-охъ! онъ вздохнулъ и набожно перекрестился.

— Случай, замѣтилъ я: — слѣпой случай, какъ много дѣлается онъ въ жизни! на войнѣ, напримѣръ, шальная пуля...

Но маіоръ перебилъ меня.

— Не случай, сударь мой, воскликнулъ онъ сердито: — а воля Божія! пуля чтѣ, слѣпая дура, ударить кого по нашему не нужно, а кому жизнь надоѣла, кто самъ на смерть лѣзетъ, того пощадить. Вотъ что съ нами случилось въ походѣ, я вамъ доложу, по истинѣ удивительное, хотите расскажу?

— Сдѣлайте милость.

— Было это въ самый разгаръ войны, началъ свой рассказъ маіоръ: — прислали къ намъ въ полкъ офицера и къ моему баталіону прикомандировали; молоденькій такой былъ, бѣленькій, румяненекій, точно красная дѣвица. Ну, думаю, этотъ въ огнѣ не бывалъ, какъ-то мы съ нимъ поладимъ? Изнѣженный такой, набалованный былъ, не приведи Богъ! сундуковъ однихъ да чемодановъ цѣлую кучу навезъ. Такъ нельзя, говорю ему, Иванъ Александровичъ: въ походѣ подъ васъ однихъ генеральскій обозъ нуженъ, половину вещей надо бросить. Онъ на дыбы: — какъ, говорить, бросить?—все мнѣ необходимо!—Я махнулъ на него рукой, и какъ онъ ужь тамъ размѣстился со своими чемоданами—не знаю; денегъ у него была куча, одѣтъ съ иголочки—ну, маменькинъ сынокъ, одно слово; только добрый такой былъ, со всѣми ласковый, даже съ простымъ солдатомъ. Вотъ пошли мы далѣе, и онъ съ нами; все спрашиваетъ:—гдѣ-жъ это непріятель, и скоро ли мы съ нимъ встрѣтимся?

— Увидите, говорю, не беспокойтесь.

— Съ нетерпѣніемъ, говорить, жду, для того и къ вамъ пріѣхалъ. Мать не выпускала меня на войну, на ко-

лѣняхъ умоляла не ѣздить, но я не послушалъ ее: извѣстно бабы всего боятся.

— Ладно, думаю я, посмотримъ, какъ-то ты расхрабришься. Только недолго пришлось ему ждать: вечеромъ того же дня шли мы подъ дождичкомъ къ лѣску; онъ въ буркѣ кавказской храбро такъ шагаетъ. Направо поле и деревня, налево лѣсъ. Только мы поравнялись съ лѣскомъ, какъ оттуда пафъ, пафъ, пули непріятельскія на насъ такъ и посыпались. Оглянулся я, вижу мой офицерикъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, да вражьи пулямъ такъ и кланяется.

— Что это значить? спросилъ я, какъ статскій, не бывавшій въ бою.

— А это значить, другъ ты мой, отвѣчалъ маіоръ, все больше и больше увлекаясь своимъ рассказомъ: — кто съ непривычки, тотъ пулямъ и кланяется, т. е. летитъ это пуля мимо него, онъ и нагнетъ голову, думаетъ укроется отъ нея; ну вздоръ, конечно, гдѣ-жъ тутъ укрыться, ударить она тебя куда ни попало: въ животъ, либо въ ногу, или въ ту же голову.

— Братцы, за мной! крикнулъ я, продолжалъ маіоръ свой рассказъ, — и самъ бросился въ лѣсъ. Дали два залпа такъ, не цѣлясь, туда, откуда пули сыпались; только должно быть горячо попало: послышались крики, стоны, и увидѣли мы, какъ непріятель, сидѣвшій въ засадѣ въ лѣсу, побѣжалъ оттуда, мелькая своми красными фесками. Преслѣдовать было некогда—ночь наступала, да и торопились мы къ большому нашему отряду, выступавшему на другое утро. Ну, стрѣльнули еще раза два въ догонку непріятелю, и я скомандовалъ—стой!

Стали считать своихъ, — чтожь бы вы думали: всѣ цѣлы до одинаго солдатика, ни на комъ ни царапины, только офицерикъ мой новый пропалъ куда-то; ну, думаю: спрятался вѣрно въ канаву, сробѣлъ, а теперь вылѣзть стыдно; только успѣлъ я подумать это, а фельдфебель мой и кричить: »сюда ваше высокоблагородіе, сюда пожалуйста, здѣсь

они!« Я подбѣжалъ, гляжу лежитъ сердечный ничкомъ на травѣ у самой опушки лѣса; мы перевернули его: пуля въ груди навылеть, кровь такъ и сочится. Такъ мнѣ его вдругъ жалко стало и сказать не могу; солдатикъ одинъ побѣжалъ къ ручью, водицы досталъ, смочили мы ему лобъ, испить дали, онъ и очнулся. Доктора не было съ нами, я самъ ему раскрылъ рану, гляжу плохо, а онъ шепчетъ мнѣ: »помогите, умираю!« а гдѣ тутъ помочь, капуть совсѣмъ; кровь хлынула горломъ, откашлялся и опять шепчетъ что-то; я наклонился къ нему ухомъ, а онъ на кольцо на рукѣ своей показываетъ, дорогое такое, такъ и блеститъ, »если умру, говорить, ей отдайте«, а кому ей и не сказалъ; сталь на крестикъ на груди показывать, на золотой цѣпочкѣ висѣлъ: »это, говорить, матери; не послушался я ее и вотъ...« Опять кровь хлынула у него изъ горла, и онъ не договорилъ. А кто мать, гдѣ живетъ, такъ и не добились мы отъ него: вздохнулъ еще разъ и померъ. Я даже заплакалъ, продолжалъ майоръ,—повѣрите ли? И солдатики мои, кто поближе стоялъ, тоже заморгали. Ну, сняли мы шапки, перекрестились, я ему глаза закрылъ и молитву надъ нимъ прочелъ замѣсто попа.

Снял я съ него крестикъ и кольцо, бумаги какія при немъ были и деньги изъ кармана вынулъ (они и по сей-часъ при мнѣ); ужъ вернемся въ Россію, все матери его отдамъ, коли разыщу ее, а ужъ кольцо пускай сама отдаетъ кому знаетъ—вѣрно невѣстѣ.

Здѣсь майоръ прервалъ свой разговоръ, видимо самъ взволнованный.

— Чтожь дальше было? спросилъ я его.

— А дальше чтѣ: вырыли мы ему могилу, опустили туда, въ барабанъ забили и землей засыпали; крестъ надъ нимъ поставили изъ сухихъ вѣтвей — какой сдумѣли. Къ тому времени ночь наступила, продолжалъ онъ: — небо расчистилось и луна взошла, освѣтила она могилу и насъ грѣшныхъ, безъ шапокъ, вокругъ. Какъ теперь вижу

все это: лѣсъ и могилку, и мостъ черезъ ручей, который мы перешли всѣ, оставивъ покойника одного на чужой землѣ. Такъ вотъ, сударь мой, какіе случаи бываютъ, заключилъ свой разговоръ маіоръ: — одинъ былъ между нами никогда огня не видавшій, младенецъ, такъ сказать, его одного и пристукнуло, а насъ грѣшныхъ Господь помиловалъ. Ты говоришь случай, а я говорю воля Божія, какъ знаешь, такъ и называй.

Собесѣдникъ мой началъ говорить мнѣ ты для большей назидательности, но я не обратилъ на это вниманія, самъ растроганный его разговоромъ.

Мы повернули назадъ и опять прошли чрезъ спящій лагерь, теперь ярко освѣщенный взшедшею полною луною.

— Николай Гаврилычъ, спросилъ я: — бывало ли вамъ когда нибудь досадно на то, какъ убійственно равнодушна природа къ намъ людямъ, къ нашимъ радостямъ и печалямъ. Вотъ луна, поглядите на нее—она одинаково свѣтитъ надъ живымъ и мертвымъ, надъ этимъ многолюднымъ спящимъ лагеремъ и надъ одинокою могилою вашего бѣднаго офицера, такъ безвременно павшаго на чужой землѣ.

— Что дѣлать, батюшка, что дѣлать! повторилъ маіоръ: — на то воля Божія.

— Конечно такъ, отвѣтилъ я,—но все-таки жалко, и за кого онъ погибъ такъ рано, во цвѣтѣ лѣтъ? изъ-за этихъ дрянныхъ братушекъ (такъ называли у насъ въ походѣ болгаръ), которые, повѣрьте, намъ, пожалуй, и спасибо не скажутъ за то, что мы проливали кровь за ихъ свободу.

— Это все равно, сказалъ маіоръ: — не за спасибо добро дѣлаютъ.

— А за что же? спросилъ я, желая услышать его часто оригинальные отвѣты.

— За что? и онъ задумался на минуту, — а за то, что братушка, хотя и дрянь человекъ, а все же намъ братъ по Христу и по вѣрѣ.

— Ну, а еслибы онъ былъ нехристь. За турку, напримеръ, пошли бы вы сражаться?

— Пошелъ, коли бы было приказано, на то я солдатъ, а, впрочемъ, что же и турка человѣкъ; вотъ мы разъ въ походѣ одного изъ нихъ подстрѣлили; лежитъ онъ и стонетъ; товарищи его всѣ тягу дали, онъ одинъ остался. Солдатики мои хотѣли его покончить, да я не позволилъ, за что? говорю, онъ тоже человѣкъ, живъ еще, можетъ и поправится.

Ну перевязали мы ему рану, напитокъ дали—раненные всегда воды просятъ—и донесли на носилкахъ до ближайшаго госпиталя.

— Что-жъ онъ живъ остался, поправился?

— А ужъ не знаю, батюшка, не знаю, на все воля Божья; только какъ уходили мы, схватилъ онъ меня за руку и такъ поглядѣлъ, что я даже смутился. »Аллахъ, Аллахъ!« воскликнулъ онъ и еще что-то бормоталъ по своему, пожимая мою руку, да я не понималъ.

Лагерь, который мы проходили съ Николаемъ Гавриловичемъ, былъ только однимъ звеномъ цѣпи, окружавшей Константинополь, такъ какъ по другую его сторону, примыкая къ Босфору, были тоже выдвинуты русскія войска. Стоило только сжать эту цѣпь, и многолюдная столица Оттоманской имперіи была бы въ нашихъ рукахъ. Но судьба рѣшила иначе — войска были отодвинуты назадъ, главная квартира переведена въ Адрианополь и С.-Стефано вымерло вдругъ такимъ же волшебствомъ, какимъ оно воскресло къ жизни.

Адрианополь не представлялъ ничего новаго для чиновъ главной квартиры; они проходили его на пути къ Царьграду, но тогда была весна въ сердцахъ и въ природѣ, а теперь наступила осень повсюду. Блестящія надежды на будущее не осуществились, и грозныя тучи надвигались на политическомъ горизонтѣ. Онъ висѣли и на небѣ надъ нами; свѣтлые дни стали рѣдки, не видать было больше синяго моря и теплаго солнышко, а мнѣ не видать было и моего милаго маюра.

Онъ уѣхалъ еще изъ С.-Стефано со своимъ полкомъ въ Россію. Сначала онъ писалъ мнѣ изъ Москвы и Рязани, но понемногу письма его стали приходиться рѣдко, наконецъ совсѣмъ прекратились, и я потерялъ его изъ виду.

II

Прошло нѣсколько лѣтъ. Многое пережитое было забыто, новые интересы возникли въ жизни, многихъ товарищей, знакомыхъ и родныхъ не стало больше на свѣтѣ.

Въ числѣ послѣднихъ оказалась одна старая тетушка моя, которой я былъ наслѣдникомъ.

Разъ какъ-то вернувшись домой со службы, я засталъ у себя на письменномъ столѣ телеграмму, извѣщавшую, что тетушка при смерти больна и чтобы я пріѣзжалъ немедленно. Вечеромъ того же дня я катилъ съ курьерскимъ поѣздомъ изъ Петербурга въ Москву, откуда мнѣ предстоялъ дальнѣйшій путь, по другимъ желѣзнымъ дорогамъ, во внутреннія губерніи. По пріѣздѣ въ деревню, гдѣ жила тетушка, я однако не засталъ ее въ живыхъ и мнѣ пришлось только похоронить покойницу со всею пышностію, которую допускала мѣстная обстановка.

Имѣніе, которое досталось мнѣ, было большое, хорошо устроенное, и я обратился сразу изъ чиновника, жившаго своимъ жалованьемъ, въ независимаго человѣка. При домѣ, гдѣ тетушка прожила свой вѣкъ, состоялъ цѣлый штатъ домашнихъ и прислуги, который она поручила моему попеченію, и первымъ моимъ долгомъ было распорядиться такъ, чтобы никого не обидѣть и не увольнять безъ нужды. Штатъ состоялъ изъ управляющаго, человѣка, повидимому, толковаго, буфетчика, старика Осипа, ключницы Степаниды, пользовавшейся, какъ говорили, большимъ авторитетомъ у покойницы, двухъ приживалокъ, дальнихъ родственницъ тетушки, и затѣмъ прислуги очень многочисленной. Сверхъ того былъ сѣрый попугай, въ большой металличе-

ской клѣткѣ, безпрестанно повторявшій: »барыня, барыня«, и двѣ собаченки, которыя неистово лаяли, покуда не привыкли ко мнѣ.

Въ письмѣ, оставленномъ на мое имя, тетущка просила меня: стариковъ оставить доживать свой вѣкъ въ имѣніи, въ томъ числѣ стараго попугая и двухъ собаченокъ, поручивъ ихъ попеченіямъ ключницы Степаниды, молодыхъ же разрѣшила уволить, если они мнѣ не нужны, но наградивъ каждого и каждую, по моему усмотрѣнію, за ихъ вѣрную службу старой барынѣ.

Письмо тетущки заканчивалось благословеніями и просьбой заказать сорокоусть по грѣшной душѣ ея и соблюдать въ чистотѣ и благолѣпіи ея могилу.

Соблюденіе необходимыхъ формальностей задержало меня нѣкоторое время въ деревнѣ, и я уже начиналъ скучать одиночествомъ, какъ вдругъ судьба послала мнѣ неожиданное утѣшеніе.

Разъ какъ-то утромъ, въ дождливый день (осень все болѣе и болѣе вступала въ свои права), я сидѣлъ въ бывшемъ кабинетѣ покойной и разбиралъ ея бумаги, когда вошелъ старикъ Осипъ и доложилъ, что пріѣхалъ какой-то господинъ, который желаетъ меня видѣть.

— Кто такой? спросилъ я.

— Маіоръ Безсоновъ, отвѣчалъ Осипъ.

Я вскочилъ и быстро пошелъ на встрѣчу посѣтителю.

Неужели это онъ? думалъ я, мой милый маіоръ? Да, это онъ: знакомый голосъ послышался въ сосѣдней комнатѣ, дверь распахнулась, и маіоръ упалъ въ мои объятія.

— Вотъ радость! воскликнулъ я, усаживая его на диванъ и горячо пожимая ему руки.

— Николай Гавриловичъ, повѣрите ли, еслибы меня спросили за минуту передъ тѣмъ кого я болѣе всѣхъ желаю увидѣть здѣсь, въ моемъ одиночествѣ, я бы назвалъ васъ, и вдругъ вы сами являетесь! Да что обо мнѣ толковать,

лучше вы расскажите — какъ поживаете и какимъ чудомъ сюда попали?

— А сюда попалъ я, отвѣчалъ маіоръ:— по волѣ Божіей. Назначень я былъ опекуномъ къ одной дальней родственницѣ-сироткѣ; вотъ я и сталъ принимать сиротское имущество; вижу между прочимъ другимъ имѣніемъ, въ нашемъ уѣздѣ, 200 слишкомъ десятинъ земли, усадьба, лѣсъ, покосы хорошіе, и все это по доходу значитъ минусъ 5 рублей ежегодно. Нѣтъ, думаю, шалишь, самому посмотрѣть надо; вотъ я и пріѣхалъ, а усадьба въ 6-ти верстахъ отъ васъ — »Дядкино« прозывается. Тутъ я и услыхалъ про васъ и про ваше наслѣдство: фамилію вашу и имя, отчество не разъ при мнѣ поминали. Дай, думаю, съѣзжу я, посмотрю — не мой ли это Василий Петровичъ, анъ онъ и есть.

И мы снова обнялись. Маіоръ провелъ у меня цѣлый день и даже ночевать остался по моей просьбѣ. Мы въ волю наговорились. Я узналъ, что онъ въ отставку, на пенсіи, украшенъ Георгіемъ за храбрость и Владиміромъ съ бантомъ, что пріемный сынъ его здоровъ и невредимъ и живетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Москвѣ.

— И какое мнѣ Богъ въ немъ утѣшеніе послалъ — вы не повѣрите! говорилъ маіоръ: — одинъ я вѣдь былъ, какъ персть, родные всѣ перемерли, жениться хотѣлъ, семьей обзавестись, да не выгорѣло.

— Что такъ?

— Да какъ вамъ сказать — карта не выпала.

И маіоръ рассказаль, какъ онъ въ молодости былъ влюбленъ въ одну дѣвицу; красавицы такой, по его словамъ, не было другой на свѣтѣ; хороша была, умна и образована, ну, словомъ всѣ совершенства въ себѣ соединяла; онъ же, Безсоновъ, ничего ровно въ себѣ не имѣлъ и самъ сознавалъ это.

— Чучеломъ съ молодю былъ, говорилъ онъ совершенно искренно.

— Куда мнѣ съ неумытымъ рыломъ къ такой красавицѣ? —

вицѣ свататься? Такъ нѣсколько лѣтъ и промаялся, все собирался посвататься, да не рѣшался, а она тѣмъ временемъ за другаго замужъ вышла.

— Напрасно, сказала я, — вы такъ нерѣшительно дѣйствовали: да за васъ бы всякая разумная дѣвица и теперь замужъ пошла, такой вы человѣкъ прекрасный.

— Ну, ужъ теперь! засмѣялся маіоръ: — а тогда похрабрѣ быль бы, пожалуй бы и выгорѣло.

— Вы представьте себѣ, Василій Петровичъ, продолжалъ онъ съ примѣсью грусти: — встрѣтился я съ ней нѣсколько лѣтъ спустя, уже когда она замужемъ была, — узнать нельзя: похудѣла, выпвѣла, дѣтей цѣлая куча; мужъ негодникъ попался, мазурикомъ первой руки оказался. Жалко мнѣ ее стало, печальная такая, со мною ласковая. Я и брякнулъ ей: Марья Михайловна, говорю (ее Марьей Михайловной звали), а какъ я васъ любилъ! знаете ли вы? — Знаю, отвѣчала она, вздохнувъ.

— И все собирался предложеніе вамъ сдѣлать. — Напрасно не сдѣлали, сказала она: — я долго ждала и вышла бы за васъ, не задумавшись ни минуты.

— Какъ сказала она мнѣ это, меня даже за сердце захватило; три дня потомъ ходилъ какъ потерянный. Ну, да что дѣлать, вздохнулъ Николай Гавриловичъ: — назадъ не вернешь, близокъ локоть, да не укусишь. Такъ и остался бобылемъ на всю жизнь.

Вообще жизнь моего пріятеля была невеселая.

По его рассказамъ, онъ еще съ дѣтства много натерпѣлся. Отецъ его, небогатый помѣщикъ, жилъ въ деревнѣ и рано овдовѣлъ; матери своей Николай Гавриловичъ почти не помнилъ, а когда въ домѣ появилась мачиха, то она отравила молодую его жизнь, поѣдомъ ѣла ребенка и не только его, но и мужа и всѣхъ въ домѣ. Рассказы о злой мачихѣ очень обыкновенны въ нашей жизни, но въ устахъ Николая Гавриловича они получали особый колоритъ, какъ и все то, что онъ рассказывалъ.

— Ребенокъ, сударь мой, говорилъ онъ, — это такое растеніе, которое ухода требуетъ, забрось его, оно и одичаетъ. Ласка ребеночку нужна, все равно какъ тепло и солнышко травкѣ Божіей; а я вмѣсто ласки только затрешины получалъ отъ мачихи, какъ ни подойдешь къ ней — хлопъ въ ухо, либо за вихорь ухватить, да и отца била, чего грѣха таить. Разъ такъ въ него вцѣпилась, что я не вытерпѣлъ, заступился за него, какъ ни былъ малъ, и пошла у насъ тутъ потѣха: дрались мы всѣ трое, дрались до остервенѣнія, ужасъ какъ долго, такъ что прислуга даже вмѣшалась и розняла. Сраму чтѣ было, синяковъ, вою, плачу, и не приведи Богъ. Мачиха трое сутокъ въ постели пролежала, я горячкой захворалъ, чуть не померъ; а какъ выздоровѣли всѣ, опять давай драться. Я одичалъ совсѣмъ, повѣрите ли, Василій Петровичъ, въ лѣсъ убѣгалъ изъ дому, или въ деревню, тамъ у меня были пріятели, бабы и мужики, которые меня жалѣли. Одну бабу, въ особенности, по сію пору помню; теткой Аленой ее прозывали; какъ вздуютъ меня бывало дома, я сейчасъ къ ней съ воемъ и плачемъ; она меня утѣшитъ и приласкаетъ, вымоетъ лицо и голову, холодной водицей синяки примочить.

— Желанный ты мой, бывало причитаешь она надо мною, обнимаетъ меня и цѣлуетъ, а сама такъ и заливается слезами; добрая такая была, молочной сестрой моею покойной матери приходилась, и кабы не она, кажись не выжилъ бы. Отецъ мой тоже былъ добрый, продолжалъ свой разсказъ Николай Гавриловичъ, да только слабый, очень ужъ мачиха его заѣздила. Бывало какъ останемся мы съ нимъ вдвоемъ, онъ двери запретъ, высмотритъ все кругомъ — нѣтъ ли кого — и давай меня цѣловать.

— Бѣдный ты мой, Николаша! И оба мы въ слезы.

Наконецъ мы придумали съ отцомъ, что надо меня въ школу отдать въ ближайшій городъ, и мачиха на это согласилась. Но, повѣрите ли, и школа оказалась никуда не годной; содержалъ ее какой-то семинаристъ, не попавшій

въ попы; и что онъ только съ нами, школьниками, ни выдѣлывалъ, упаси Боже! Учить почти что не училъ, а наказывалъ строго: линейкой по головѣ билъ и голодомъ морилъ. По цѣлымъ днямъ мы на дворѣ въ бабки играли, да проходимъ на улицѣ скандалы устраивали. Учился я въ этой школѣ до того плохо, что даже экзамена на юнкера не выдержалъ и отдали меня въ полкъ простымъ солдатомъ. Къ тому времени отецъ мой померъ, и мачиха осталась хозяйничать въ имѣніи; у ней былъ свой сынъ, сводный мой братъ, и ему-то она и хотѣла передать все наслѣдство, а меня устранить какъ нибудь. Денегъ она мнѣ не высылала въ полкъ ни копѣйки, и я жилъ вмѣстѣ съ простыми солдатами, несмотря на то, что былъ дворяниномъ. Тутъ-то я и узналъ солдата, что онъ за человѣкъ такой, и всегда помнилъ и послѣ; когда въ офицеры попалъ. Тѣмъ временемъ къ намъ поступилъ въ полкъ одинъ поручикъ, изъ гвардіи за какой-то поступокъ переведенный. Этому поручику я и обязанъ всѣмъ въ жизни: онъ обратилъ на меня вниманіе, какъ на своего брата-дворянина и сталъ учить уму-разуму. И сколько онъ возился со мной — просто даже удивительно, бесѣдовалъ по цѣлымъ часамъ, книжки давалъ читать; я даже пристрастіе получилъ къ чтенію до того, что бывалъ за это штрафованъ по службѣ неоднократно. Онъ же, поручикъ этотъ, помогъ мнѣ и отъ мачихи отвязаться. Сынъ ея, мой сводный братъ, померъ, и я остался единственнымъ наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія. Мачиху мы живо скрутили, меня въ офицеры произвели, и съ тѣхъ поръ я все служилъ въ военной службѣ, дослужился до маіорскаго чина, былъ въ походѣ, какъ вы знаете, а теперь въ отставкѣ на полной пенсіи и живу себѣ припѣваючи съ Богомъ даннымъ мнѣ сыномъ. Здѣсь онъ вернулся опять къ рассказамъ о своемъ Сашѣ и къ планамъ о его воспитаніи.

Я сталъ говорить о нашей жизни въ С. Стефано, о нашихъ прогулкахъ у береговъ синяго моря, но маіоръ все

возвращался къ своему пріемышу. Оказалось, что онъ усыновилъ его, отдалъ въ кадетскій корпусъ въ Москвѣ, откуда мечталъ перевести въ какую нибудь академію, чтобы былъ ученымъ и карьеру военную могъ сдѣлать. Онъ самъ жилъ зимою въ Москвѣ, чтобы не разлучаться съ сыномъ, и только лѣтомъ, на каникулярное время, увозилъ его въ свою деревню.

Узнавъ печальную исторію жизни моего милаго маіора, я еще болѣе полюбилъ его и понялъ вполне его горячую привязанность къ своему пріемышу. Доброе сердце его всегда жаждало любви, но, по странной случайности, любовь не давалась ему, какъ кладъ. Въ дѣтствѣ злая мачиха отравила ему жизнь, въ молодости неудачная привязанность къ дѣвухкѣ-красавицѣ, которой онъ не признавалъ себя достойнымъ и не рѣшился сдѣлать предложенія. Затѣмъ одинокая жизнь, безъ семьи, безъ родныхъ, безъ цѣли существованія, и вдругъ онъ нашелъ на дорогѣ, въ чужой землѣ, маленькое существо, полузамерзшее, беззащитное, всѣми покинутае. Онъ поднялъ его, пригрѣлъ и воскресилъ къ жизни; онъ тотчасъ же и полюбилъ его всѣми силами своей души.

Своего собственнаго, роднаго сына онъ не могъ бы любить такъ сильно: у родныхъ дѣтей бываютъ кромѣ отца мать, братья, сестры, они не такъ беззащитны и беспомощны, какъ круглые сироты; ихъ любятъ, ласкаютъ и грѣютъ въ семьѣ. Пріемышъ же былъ одинъ на свѣтѣ, и его единственною связью съ жизнію оказался старый маіоръ; порвись эта связь, онъ погибъ бы вѣроятно; но связь эта не порвалась, она, напротивъ, окрѣпла и выросла, обратилась въ горячую, самоотверженную любовь, которой давно жаждало сердце добраго старика. И онъ замѣнилъ сиротѣ все въ жизни: заботливую няньку, мать нѣжнѣйшую, отца, сестеръ и братьевъ.

»Дай Богъ,« подумалъ я, невольно, »чтобы такая любовь не была обманута!«

III

Завѣщанное покойной тетушкой имѣніе такъ мнѣ понравилось, что я рѣшился перевезти туда на лѣто свою семью и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Весь штатъ тетушки я оставилъ въ цѣлости съ небольшими только сокращеніями, оставилъ въ неприкосновенности и всю обстановку въ домѣ, носившую на себѣ несомнѣнную печать старины; за нее какойнибудь любитель далъ бы хорошія деньги, но я пожелалъ сохранить все какъ было въ старомъ гнѣздѣ на память о доброй старушкѣ, прожившей въ немъ столько лѣтъ.

Я только измѣнилъ нѣсколько конюшенный штатъ, въ которомъ тетушка мало понимала толку, да пригласилъ майора Безсонова со своимъ сыномъ провести будущее лѣто съ нами въ деревнѣ, на чтѣ онъ охотно согласился.

Я никогда не забуду первыхъ дней нашего пріѣзда въ деревню въ маѣ слѣдующаго года. Все цвѣло и благоухало, воздухъ былъ такой, что, казалось, никакіе цѣлебные источники въ мірѣ не могли бы замѣнить его и никакая болѣзнь въ человѣческомъ тѣлѣ не устояла бы противъ его живительнаго дѣйствія. Имѣніе находилось въ той полосѣ Россіи, гдѣ уже грѣетъ южное солнце, но гдѣ лѣса еще не вырублены, воды не изсякли, и гдѣ природа является во всей своей свѣжей силѣ.

Погода стояла волшебная; жена моя и дѣти не могли нарадоваться на новое лѣтнее пребываніе послѣ наскучившихъ всѣмъ намъ петербургскихъ дачъ, и все казалось такъ хорошо вокругъ, все радовало насъ до послѣдняго куста въ саду, до малаго цвѣтка въ полѣ. Дѣти мои, какъ птички, выпущенныя изъ клѣтки, разлетѣлись по лѣсамъ и полямъ. Я и жена хозяйничали; всѣ были довольны; даже старый попугай, выставленный на балконѣ въ своей клѣткѣ, кри-

чаль неистово — должно быть отъ радости — и все повторяль: »барыня, барыня!«

Мѣсяць прошелъ, какъ одинъ день, а въ началѣ іюня пріѣхаль маюръ со своимъ сыномъ. Мы встрѣтили его какъ роднаго, и онъ живо освоился съ моею семьею, но сынокъ его долго дичился насъ и глядѣль какимъ-то волченкомъ.

Одѣтый въ кадетскую форму и обстриженный подъ гребенку, онъ, тѣмъ не менѣе, вовсе не походилъ на русскаго кадета: онъ былъ писанный красавецъ, и южный, своеобразный типъ ярко высказывался въ его лицѣ и всей фигурѣ; высокаго, не по годамъ, роста, со смуглой кожей, черными, какъ смоль, волосами и большими горящими глазами, онъ поражаль своею наружностію, но, несмотря на то, въ лицѣ его было что-то жесткое и недоброе.

— Знаешь, сказала мнѣ жена на второй день послѣ пріѣзда нашихъ гостей:—твой маюръ необыкновенно милъ, но сынка его я просто боюсь!

— Что ты! воскликнулъ я съ удивленіемъ: — развѣ можно бояться дѣтей?

— Да, сказала она: — но онъ смотритъ уже юношей и притомъ какимъ-то коршуномъ или хищнымъ звѣремъ.

— Это по сравненіи съ нашими дѣтьми, засмѣялся я,—которыя всѣ смотрятъ мокрокурыми.

— Тѣмъ страшнѣе для нихъ коршунъ, замѣтила жена.

Понемногу однако коршунъ и куры познакомились и стали играть вмѣстѣ. Въ забавахъ этихъ Саша Безсоновъ былъ всегда зачинщикомъ и изобрѣтателемъ; онъ сочиняль и устраивалъ разныя игры и отличался въ особенности въ гимнастическихъ упражненіяхъ: лазилъ, какъ кошка, на самыя высокія деревья, перепрыгивалъ широкіе рвы и канавы, плавалъ, какъ рыба, ѣздилъ верхомъ, какъ цыганъ. Я помню, какъ однажды мы вышли всѣ на дворъ полюбоваться на молодаго жеребца, котораго кучеръ вывелъ подъ уздцы изъ конюшни. Жеребецъ прыгаль и рвался изъ рукъ, билъ задомъ, становился на дыбы и былъ до того рѣзвъ,

что самъ кучеръ боялся сѣсть на него, но молодой Безсоновъ, у котораго глаза загорѣлись при видѣ лихаго коня, подбѣжалъ къ нему, выхватилъ у кучера изъ рукъ узду, перекинулъ ее черезъ голову лошади и, вскочивъ на нее однимъ прыжкомъ, въ мигъ вылетѣлъ въ отворенныя ворота. Мы успѣли только ахнуть и выбѣжали на дорогу посмотреть — не сбилъ ли его тутъ же бѣшеный конь, но увидѣли только пыль на поворотѣ, а конь и всадникъ уже исчезли изъ вида. Маіоръ съ крикомъ побѣжалъ за нимъ, кучеръ поскакалъ на другой лошади, но не прошло и четверти часа, какъ мы увидѣли Сашу возвращающагося домой шагомъ, а вслѣдъ за нимъ кучера и запыхавшагося маіора. Лошадь была вся въ мылѣ, а всадникъ съ пылающимъ лицомъ и торжествующимъ взглядомъ красиво сидѣлъ на ней и трепалъ по шеѣ; подбѣхавъ къ намъ, онъ ловко соскочилъ и повелъ лошадь подъ уздцы; видно было, что конь и всадникъ познали другъ друга и насладились оба бѣшеной скачкой.

Съ тѣхъ поръ Саша сталъ часто кататься на жеребцѣ, и это сдѣлалось его любимой забавой.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда мы остались одни, жена высказала мнѣ свое предположеніе, что мальчикъ цыганъ по происхожденію.

— Отчего ты думаешь? спросилъ я.

— Такъ, по всему видно. Да скажи, пожалуйста, Николай Гавриловичъ знаетъ ли самъ — какого рода и племени сынъ его.

— Нѣтъ, откуда же ему знать: онъ нашелъ его полумертвымъ на дорогѣ въ походѣ, призрѣлъ его и съ тѣхъ поръ о родителяхъ не было ни слуху, ни духу; они не откликнулись даже на неоднократныя объявленія о найденномъ ребенкѣ.

— Ну цыганъ навѣрное, объявила жена и съ тѣхъ поръ стала въ шутку называть Сашу Безсонова цыганомъ.

Николай Гавриловичъ былъ въ восторгѣ отъ своего сынка;

онъ любовался его красотой, восхищался удалью и не замѣчалъ только его недостатковъ, а въ числѣ ихъ былъ одинъ весьма крупный: мальчикъ былъ до крайности золь и жестокъ. Однимъ изъ его любимыхъ занятій, на примѣръ, было смотрѣть какъ рѣжутъ куръ и цыплятъ на кухнѣ или телятъ на скотномъ дворѣ, и онъ самъ однажды выхватилъ ножъ у скотника и зарѣзалъ имъ собственноручно животное, любуясь, какъ оно корчилось въ предсмертныхъ судорогахъ. Кошекъ, собакъ и даже стараго попугая онъ постоянно дразнилъ, и разъ, когда попугай больно укусилъ его за палець, онъ выхватилъ его изъ клѣтки и навѣрное свернулъ бы ему шею, еслибы ключница Степанида, прибѣжавъ на крикъ несчастной птицы, не вырвала ее изъ рукъ *злодѣя*, какъ она называла потомъ нашего юнаго гостя.

Одну изъ собачекъ покойной тетушки (другая, старая, околѣла за зиму) онъ бросилъ, въ видѣ забавы, въ прудъ со всего размаха, и бѣдное животное, не привыкшее къ подобнымъ эволюціямъ, вѣроятно утонуло бы, еслибы его не спасли случившіеся у пруда дворовые люди. Когда я сдѣлалъ ему за это замѣчаніе, то онъ покраснѣлъ, какъ ракъ, ничего не отвѣтивъ мнѣ, но взглядъ, который онъ бросилъ на меня въ эту минуту, ясно говорилъ, что онъ самого меня утопилъ бы въ прудѣ, еслибы былъ въ силахъ.

Любилъ ли онъ своего отца и благодѣтеля? вотъ вопросъ, который я неоднократно задавалъ себѣ, но не могъ на него отвѣтить. Мнѣ казалось, что любилъ и не могъ не любить, но иногда сомнѣнія закрадывались невольно въ мою душу, и въ глазахъ этого мальчика, когда онъ глядѣлъ на своего отца, я ловилъ какое-то враждебное къ нему чувство.

У меня была знакомая молодая дѣвушка, очень умная и хорошо воспитанная, которая увѣряла, что благодарность есть самое мучительное чувство въ сердцѣ человѣческомъ, и что она не въ силахъ заставить себя любить своихъ благодѣтелей. Круглая сирота, она была принята въ одно богатое семейство какъ дочь; ее любили наравнѣ съ родными

дѣтьми и не дѣлали ни въ обращеніи съ нею, ни въ воспитаніи ни малѣйшей между ними разницы.

Наблюдая за приемнымъ сыномъ маіора Безсонова, мнѣ приходило иногда въ голову — нѣтъ ли и у него въ сердцѣ подобной же аномаліи, еще не ясно имъ сознаваемой, но грозившей великимъ горемъ въ будущемъ. Мракъ, покрывавшій его происхожденіе, исторія его жизни и отношенія къ приемному отцу были ему хорошо извѣстны, но онъ никогда не говорилъ о нихъ ни съ кѣмъ, даже съ дѣтьми моими, съ которыми подружился.

Одно случайное происшествіе подтвердило мои предположенія: въ домѣ у насъ проживали двѣ сестры, старыя дѣвицы и дальнія родственницы покойной тетушки, которыхъ она призрѣвала много лѣтъ по ихъ бѣдности и убожеству и которыхъ завѣщала мнѣ, письмомъ, вмѣстѣ съ прочими древностями наслѣдства. Я счелъ священнымъ долгомъ оставить этихъ дѣвицъ на прежнемъ положеніи, а по прибытіи нашемъ на лѣто въ деревню ввелъ ихъ въ свою семью и старался окружить всевозможнымъ вниманіемъ; онѣ обѣдали и завтракали вмѣстѣ съ нами, вечеромъ пили чай за общимъ столомъ и только утромъ имъ подавали кофе въ ихъ апартаменты. Сестрицъ этихъ звали одну Глафирой Дмитриевной, другую Анной Дмитриевной; онѣ были довольно безобидны, хотя не безъ претензій, и въ особенности чувствительны ко всякому сравненію ихъ теперешняго положенія съ тѣмъ, которое онѣ занимали при тетушкѣ; онѣ называли ее благодѣтельницей и святою и безпрестанно поминали ее, какъ попугай свою старую барыню. Жена моя, умѣвшая уживаться со всѣми, ладила и съ сими сестрицами; но дѣти и прислуга ихъ не любили, а старая ключница Степанида рассказывала, будто онѣ поѣдомъ ѣли покойную тетушку, а она терпѣла ихъ по своей добротѣ и по ихъ убожеству.

Какъ бы то ни было, но старыя дѣвицы эти составляли чуждый элементъ въ нашей семьѣ и нужно было быть постоянно осторожнѣе, чтобы ихъ не обидѣть.

Разъ какъ-то въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ день именинъ одной изъ сестеръ, Анны, у насъ давали обѣдъ, на который былъ приглашенъ мѣстный священникъ со своею попадьей и еще одна мелкопомѣстная дворянка, пріятельница именинницы. Сестры явились къ столу разодѣтыя въ совершенно одинаковыя свѣтлыя платья, украшенныя одинаковыми бантами, и даже съ букетиками на груди и въ волосахъ.

Обѣдъ шель чинно, и все обстояло благополучно; маіоръ былъ милъ донельзя и отпускалъ комплименты сестрицамъ, что онѣ очень любили и за что сладко ему улыбались. Священникъ велъ душеспасительные разговоры со своимъ сосѣдомъ, нашимъ управляющимъ, какъ вдругъ случилось неожиданное происшествіе, всѣхъ поразившее: послѣ жаркаго я велѣлъ подать крымскаго шампанскаго, котораго былъ у насъ запасъ на погребѣ. Когда бокалы были налиты, я всталъ, чтобы провозгласить тостъ за здоровье именинницы, и всѣ встали вмѣстѣ со мною, но когда пришлось садиться, то находившемуся возлѣ Глафиры Дмитриевны Сашѣ Безсонову пришла глупая мысль — отодвинуть ногой стулъ своей сосѣдки, вслѣдствіе чего несчастная дѣвица эта, садясь, плюхнулась самымъ скандальнымъ образомъ на полъ, свернувъ при этомъ свой парикъ на сторону.

Переполохъ произошелъ невообразимый: Глафира громко взвыла, Анна тоже, и всѣ повскакали со своихъ мѣсть — поднимать упавшую. Не знаю — всѣ ли замѣтили, отчего произошло паденіе, но я видѣлъ ясно, какъ сосѣдъ Глафиры отодвинулъ ея стулъ; это же видѣлъ и маіоръ, прочитавшій глубокое негодованіе въ моихъ глазахъ; онъ вспыхнулъ, въ одно мгновеніе обѣжалъ кругомъ стола, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ влѣпилъ увѣсистую оплеуху своему Сашѣ. Мальчикъ взвизгнулъ, какъ раненый звѣрь, помертвѣлъ и бросился на отца съ ножомъ въ рукахъ, который онъ выхватилъ откуда-то изъ-за пазухи; общій крикъ ужаса раздался въ комнатѣ, но храбрый маіоръ ринулся впередъ.

— Ты на меня! воскликнулъ онъ вѣ себя отъ гнѣва и негодованія: — на, рѣжь! И онъ подставилъ ему свою грудь, но я уже успѣлъ выхватить ножъ изъ рукъ негоднаго мальчишки и крѣпко скрутилъ ему руки.

Съ минутою отецъ и сынъ глядѣли другъ на друга. Въ глазахъ отца я прочелъ глубокую тоску, смѣнившую горячую вспышку гнѣва, въ глазахъ сына — ненависть и жажду мести; онъ тяжело дышалъ и бился въ моихъ рукахъ, но я выпустилъ его, видя, что маіоръ падаетъ на полъ, и мальчикъ въ два прыжка выскочилъ изъ комнаты. Я поспѣшилъ на помощь старику и увидѣлъ, что онъ лежитъ въ обморокѣ, вѣроятно первомъ въ своей жизни.

Николая Гавриловича отнесли въ постель, и я до утра просидѣлъ у его изголовья.

Сцены этой я никогда не забуду, и она произвела тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

Обморокъ Николая Гавриловича былъ очень глубокой. Когда онъ пришелъ въ себя среди ночи и увидѣлъ меня у своей постели, то протянулъ мнѣ руку, но, казалось, не вдругъ могъ припомнить случившееся, а когда припомнилъ, то глухо застоналъ и сказалъ мнѣ: »простите!«

Я сталъ утѣшать его и старался выставить все дѣтскою шалостью, которая останется безъ послѣдствій; но я самъ понималъ, что шалостью можно было назвать паденіе Глафиры и несчастіе съ ея парикомъ, но никакъ не ножъ, поднятый Сашей на своего отца.

— Лучше бы онъ убилъ меня! говорилъ маіоръ, чѣмъ пережить такое горе.

— Какое горе? спросилъ я.

— Помилуйте, если онъ теперь, бывши ребенкомъ, поднялъ на меня руку, что-жъ будетъ послѣ, когда онъ выростетъ?

— А выростетъ — поумнѣетъ, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, это не то, не то! Но что именно — больной не досказалъ, заснувъ въ неизможеніи. Я оставилъ его спать до утра.

Когда маіоръ проснулся, первою его заботою было узнать, гдѣ Саша, и первымъ желаніемъ повидаться съ нимъ. Но оказалось, что Саша съ обѣда не возвращался.

Тогда Николай Гавриловичъ, страшно встревоженный, просилъ меня разослать людей на поиски, и самъ уѣхалъ за тѣмъ же. Но въ отсутствіе его Саша вернулся; онъ былъ весь мокрый, въ грязи и съ изодраннымъ платьемъ; видно было, что онъ не ночевалъ подъ кровлей. Пройдя прямо въ свою комнату, онъ бросился на постель какъ былъ, нераздѣтый, и тотчасъ же крѣпко заснулъ.

Успокоенный насчетъ физической цѣлости своего любимца, маіоръ сталъ придумывать какъ бы возстановить его и нравственно въ нашихъ глазахъ. Онъ скоро пришелъ къ странному заключенію, что не Саша, *еще ребенокъ*, а онъ старикъ, *взрослый человекъ*, виноватъ во всемъ.

— Я ударилъ его въ лицо при всѣхъ, говорилъ онъ: — а такую обиду не легко снести! Да, дѣтей оскорблять нельзя, а бить, Боже избави! И какъ я могъ такъ забыться?

При такомъ настроеніи отецъ и сынъ скоро помирились, и все пошло попрежнему. Только Глафира Дмитриевна не могла простить Сашѣ пережитаго ею стыда, да попугай, которому онъ чуть не свернулъ шеи, сохранилъ на него затаенную злобу и громко кричалъ, когда врагъ подходилъ къ его клѣткѣ.

IV

Саша Безсоновъ учился очень плохо и не ужился съ военной дисциплиной. Онъ не выдержалъ экзамена при переходѣ въ старшіе классы и, какъ замѣченный сверхъ того въ дурномъ поведеніи, былъ исключенъ изъ корпуса.

Мечты маіора о будущемъ рассыпались въ прахъ. Онъ пробовалъ опредѣлить сына въ гимназію, но и это не удалось. Наконецъ, съ моею помощію, молодой Безсоновъ былъ принятъ на службу въ одно желѣзнодорожное правленіе и

переѣхаль вмѣстѣ съ отцомъ на жительство въ Петербургъ.

Дружба моя съ маіоромъ продолжалась попрежнему. Сначала сынъ его посѣщаль насъ часто, такъ какъ у насъ собиралась молодежь и въ домѣ было весело, но мало по малу его посѣщенія стали рѣдки, и мы иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не видали его.

— Гдѣ это пропадаетъ вашъ Саша? спросилъ я однажды у маіора; но мой вопросъ замѣтно его смутилъ.

— Не знаю. Я и самъ по цѣлымъ днямъ не вижу его, отвѣчалъ онъ съ горечью.

— Ну, не печальтесь — онъ взрослый и няньки ему не нужны.

— Такъ-то такъ, Василій Петровичъ, да только общество, въ которомъ онъ вращается, мнѣ не нравится.

— Какое общество?

— А ужъ не знаю право, какъ и назвать... Всего понемножку, но, кажется, болѣе по картежной части.

— А вы ему не давайте денегъ, такъ поневолѣ отстанеть.

— Это не такъ легко, какъ кажется, отвѣчалъ маіоръ: — не будешь давать — долговъ надѣлаетъ. Я и такъ платилъ за него раза два по векселямъ.

— Напрасно! сразу бы осадили да и конецъ.

— Легко сказать — не заплатить по векселю! сраму сколько, да пожалуй еще объявятъ несостоятельнымъ.

— Едва ли. А такъ оставить хуже всего: попадетъ въ лапы ростовщиковъ: его высосутъ, да и васъ разорять.

— Какъ быть-то? сказалъ маіоръ въ глубокомъ смущеніи.

— Усовѣстите его, уговорите.

— Пробоваль, батюшка: общается исправиться, а тамъ, глядишь, опять векселекъ какой нибудь вынырнулъ.

— А вы не платите. Серьезно вамъ говорю — безъ гроша останетесь.

— Знаете что, Василій Петровичъ, поговорите вы съ нимъ, онъ васъ скорѣе послушаетъ.

Я общалъ и какъ-то, заставъ молодаго Безсонова у отца, когда маюра не было дома, началъ читать ему наставленія. Я говорилъ, что говорятъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, но отвѣтъ его удивилъ меня.

— Василій Петровичъ, сказалъ онъ, хмурясь: — я мало видалъ, какъ люди живутъ, но то, что видалъ, это такая гниль, что чѣмъ скорѣе придетъ ей конецъ, тѣмъ лучше... Вотъ вы говорите: не оправдалъ отцовскихъ надеждъ, а желалъ бы я знать, на что онъ надѣялся?.. Военная служба для человѣка, какъ я, безъ связей и состоянія, это каторга. Зналъ я армяшекъ... Стоять круглый годъ въ какомъ нибудь подломъ, жидовскомъ мѣстечкѣ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ непролазной грязи; выйти некуда, дѣлать съ собою нечего, ну и пьянствуютъ или дуются въ карты. Но и здѣсь, въ Петербургѣ, для бѣднаго человѣка немногимъ лучше. Возьмемъ, напримѣръ, хоть у насъ въ правленіи. Нарочно выдумывай, ничего скучнѣе не выдумаешь. Это тюрьма съ никому ненужной, но обязательной работой, — тюрьма, изъ которой тебя выпускаютъ въ сумерки. Иди куда знаешь и дѣлай съ собой до слѣдующаго утра, что хочешь; но дѣлать съ собою нечего, потому что жалованье грошовое. Если отецъ надѣялся, что я примирюсь съ такою жизнію, то жестоко ошибся; онъ оказалъ мнѣ плохую услугу, поднявъ меня на большой дорогѣ полузамерзшимъ. Вы говорите неблагодарень... А спрашивается: за что мнѣ его благодарить? Оставь онъ меня тогда, онъ бы теперь со мною не мучился; да и мнѣ бы одинъ конецъ. Ну, а поднять, такъ на меня не жалуйся, самъ виноватъ!

— Саша! воскликнулъ я съ ужасомъ. — Побойтесь Бога! Откуда у васъ въ ваши года такія чувства и убѣжденія?.. Вы говорите гниль? Да вѣдь гниль-то не около васъ, а въ васъ, въ вашемъ собственномъ сердцѣ!

— Василій Петровичъ, я не одинъ такъ думаю. Вамъ хорошо говорить, потому что вы пожилой человѣкъ и обезпечены, а спросите любаго изъ нашего брата, что бѣется,

какъ рыба объ ледъ, въ этой поганой ямѣ, которая называется Петербургомъ. Всякій вамъ скажетъ то же.

— Господи! И это говорить молодой человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Саша, голубчикъ! да неужели это искренно?

— Съ чего мнѣ вамъ лгать?

— Неужели въ вашей жизни нѣтъ ничего, что бы васъ радовало и увлекало?

— Да я же вамъ говорю, что это не жизнь, а мученье!

— Такъ гдѣ же по вашему жизнь?.. Вѣдь есть же гдѣ нибудь люди довольные, даже счастливые?

Онъ задумался. — Да, гдѣ нибудь... Я не знаю гдѣ, только навѣрно не здѣсь... Здѣсь воздуху нѣтъ, простора! Прикованъ къ мѣсту и руки у тебя связаны!.. Василий Петровичъ, продолжалъ онъ, одушевляясь: — я задыхаюсь въ вашихъ домахъ и улицахъ! Меня тянетъ отсюда прочь, далеко!.. На вольную волю!.. Въ степь? — »Цыганъ!« вспомнилъ я слова жены въ первые дни ея знакомства съ Сашей. Его въ таборъ тянетъ... Но я еще не терялъ надежды.

— Оставимъ это, перебилъ я его. — Скажите мнѣ просто: неужели возлѣ васъ нѣтъ ничего, что грѣло бы ваше сердце порой и хотъ отчасти мирило васъ съ вашей долей? Ну, на примѣръ, хотя бы трогательная, самоотверженная любовь къ вамъ вашего нареченнаго отца?

Онъ вспыхнулъ при этомъ вопросѣ и мнѣ показалось, что я наконецъ задѣлъ его за живое.

— Да, отвѣчалъ онъ: — отецъ несомнѣнно любитъ меня, но... Молодой человѣкъ замылся и опустилъ глаза.

— Что же »но«?

— Совѣстно вамъ признаться, но я не желаю вамъ лгать. Еслибы вы знали, какъ эта нѣжная, самоотверженная любовь его для меня тяжела!.. Еслибы вы знали, какъ онъ меня мучитъ своими ласками и своими заботами обо мнѣ! Бѣжалъ бы, кажется, безъ оглядки, за тысячу верстъ, бѣжалъ бы, чтобы отъ нихъ избавиться!.. Да и что толку отъ этихъ его попеченій? Ни мнѣ, ни ему они не даютъ ни

минуты счастья... Думаешь, вотъ, всю жизнь жили вмѣстѣ, а до сихъ поръ не понимаемъ другъ друга.

— Послушайте, Саша, сказалъ я, теряя терпѣніе, — вашихъ вкусовъ и взглядовъ на жизнь я не буду оспаривать, но я вынужденъ вамъ сказать, что они ни на волосъ не оправдываютъ вашего поведенія. Вы разоряете отца, по своей слабости готового вамъ отдать послѣднюю рубашку... Развѣ это честно?

Онъ взялъ меня за руки и началъ мнѣ клясться, что никогда не подпишетъ болѣе векселя. Но едва ли этотъ порывъ шель отъ сердца. Во всей манерѣ его замѣтно было какое-то принужденіе, словно онъ бросилъ мнѣ эту уступку нехотя, чтобы скорѣе отъ меня отдѣлаться. Во всякомъ случаѣ я уже больше не вѣрилъ ему. Мнѣ казалось, что я, наконецъ, понимаю его необузданную, но холодную и сухую натуру. Дичокъ! думалъ я, дичокъ, которому съ молодости не успѣли привить ничего культурнаго; а теперь уже поздно. Но съ нимъ предстоитъ еще много хлопотъ и отцу его много горя... Что дѣлать, чтобы ему помочь, я не зналъ. Единственное, что могло бы еще подѣйствовать, думалъ я, это не разговоры и увѣщанія, а крутыя мѣры... Къ несчастію, бѣдный мой Николай Гавриловичъ окончательно не способенъ на нихъ.

Я получилъ около этого времени командировку по службѣ, заставившую меня уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Петербурга. По возвращеніи я узналъ, что майоръ мой приходилъ нѣсколько разъ къ намъ освѣдомиться — не пріѣхалъ ли я — и имѣлъ видъ весьма плачевный. На другой день онъ явился самъ.

Трудно было узнать его, такъ онъ перемѣнился за нѣсколько мѣсяцевъ: похудѣлъ, осунулся, и даже маленькій носъ его вытянулся и пересталъ быть краснымъ.

— Николай Гаврилычъ! воскликнулъ я, уводя его въ свой кабинетъ и усаживая въ покойное кресло: — вы больны! что съ вами?

— Боленъ, другъ мой, нравственно, проговорилъ онъ мрачно.

— Вѣрно опять какія нибудь шалости вашего Саши?

— Разорили насъ, въ конецъ разорили! былъ его отвѣтъ.

— Какъ такъ?

— Подали ко ввысканію всѣ векселя, ихъ было много; я и не зналъ.

— То есть векселей вашего Саши?

— Ну, конечно, я самъ отъ роду векселя не подписывалъ и не знаю даже какъ писать его.

— И вы заплатили?

— Заплатилъ.

— Что вы надѣлали! возможно ли это, вѣдь вы погубили себя!

— Въ конецъ погубилъ: все ушло, имѣніе заложилъ и того не хватило.

— Чѣмъ же вы будете жить?

— И самъ не знаю; изъ пенсіи моей даже вычеты дѣлають, а велика ли пенсія, вы посудите.

— Боже мой, вѣдь я предупреждалъ васъ.

— Чтожъ дѣлать, Василій Петровичъ, не могъ же я не помочь ему и позволить этимъ разбойникамъ загубить своего сына, и безъ того дѣла его плохи.

— Да самъ-то онъ, самъ что? воскликнулъ я въ негодованіи. — Неужели вы не говорили съ нимъ, не объяснили ему всей гнусности и всей нелѣпости его поступковъ?

— Говорилъ.

— Чтожъ онъ?

— Я, говорить, думалъ нажитья: лошадьми торговалъ, да прогорѣлъ.

— Вздоръ, не вѣрьте, на лошадяхъ не прогорить тотъ, кто въ нихъ понимаетъ толкъ, какъ вашъ сынъ; просто моталъ и игралъ въ карты.

— Да, и въ карты игралъ, отвѣчалъ печально маіоръ:— думалъ отыграться.

— Какъ странно дѣйствуютъ иные люди, сказалъ я съ досадою: — они оказываются злѣйшими врагами тѣхъ, кого любятъ больше всего на свѣтѣ. Вотъ вы, напримѣръ, вы злѣйшій врагъ своего Саши.

Маіоръ посмотрѣлъ на меня удивленно.

— Да, продолжалъ я: — вы своей непростительной слабостію испортили и развратили его; еслибы вы не платили его долговъ, у него не было бы кредита и долговъ бы не было.

— Чтожъ дѣлать, сказалъ Николай Гавриловичъ: — можетъ быть я и ошибся, но теперь не вернешь назадъ.

— И еслибы за все это онъ сказалъ вамъ сердечное спасибо, а то... Я хотѣлъ рассказать отцу, какъ смотреть на жизнь и на свои отношенія къ нему его сынъ, но не рѣшился огорчить человѣка и безъ того убитаго горемъ.

Я предложилъ ему посильную денежную помощь, но онъ отказался. Старикъ былъ гордъ и слабъ только въ своей безмѣрной любви къ сыну.

Съ этого дня я долго не видѣлся съ маіоромъ: какой-то ложный стыдъ мѣшалъ ему показываться мнѣ на глаза. Стороной я слышалъ, что молодой Безсоновъ вышелъ изъ правленія и пересталъ бывать въ обществѣ, даже въ томъ тѣсномъ кружкѣ, гдѣ онъ игралъ когда-то роль, благодаря своей красотѣ и ловкости; мнѣ говорили, что о немъ жалѣли многіе, въ особенности женщины.

Я все еще любилъ своего стараго пріятеля и поѣхалъ навѣстить его, но на прежней квартирѣ мнѣ сказали, что онъ выбылъ куда-то, никто не зналъ куда. Такъ я и не видалъ его,

Зима подходила къ концу, и я не имѣлъ никакихъ извѣстій о Безсоновыхъ, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Николая Гавриловича, въ которомъ онъ умолялъ меня навѣстить его; адресъ былъ данъ на Выборгскую Сторону. Я насилу разыскалъ его.

Домъ былъ деревянный, старый; грязная лѣстница вела со двора во второй этажъ. Я постучался въ указанную мнѣ дверь; отвѣта не было, и я вошелъ. Зрѣлище, которое мнѣ представилось, поразило меня: комната была холодная, сырая и почти безъ мебели — старый комодъ, два стула и поломанный столъ составляли всю ея обстановку; двѣ кровати стояли вдоль стѣны, изъ нихъ одна была пустая, на другой лежалъ мой бѣдный маіоръ, еще болѣе блѣдный и исхудалый, въ старомъ халатѣ и туфляхъ. Онъ дремалъ, повидимому, и не вдругъ проснулся, когда я вошелъ. Увидѣвъ меня, онъ вскочилъ и вскрикнулъ отъ радости; сердце мое болѣзненно сжалось, когда я взялъ его за исхудалую руку.

— Николай Гаврилычъ! родной мой, да гдѣ же вы пропадали все это время? и не грѣхъ вамъ было совсѣмъ забыть насъ!

— Стыдно было на глаза показаться, Василій Петровичъ, проговорилъ онъ: — обносился совсѣмъ, обнищаль, видите, какъ живу.

— А сынъ?

— Сынъ!.. И онъ тяжело вздохнулъ.

— Гдѣ же онъ, говорите, неужели васъ бросилъ?

— О, нѣтъ! отвѣтилъ онъ какъ бы съ гордостью.

— Такъ отчего же вы одни? Вы больны, вамъ нуженъ докторъ, лекарства. И дѣйствительно глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ, горячая рука дрожала въ моихъ рукахъ.

— Сашу моего, проговорилъ онъ съ трудомъ: — арестовали, и онъ сидитъ теперь въ тюрьмѣ.

— За что?

— Ужъ не могу вамъ сказать. Купчиха была тутъ какая-то, вдова, богачка, какъ говорили, онъ съ нею и сошелся.

— Ну, что же? спросилъ я, видя, что онъ запнулся.

— Ну, она и объявила, будто онъ обворовалъ ее. Онъ всхлипнулъ и утеръ глаза.

Я былъ пораженъ и тотчасъ же рѣшилъ увести его изъ этой ужасной обстановки, взять къ себѣ, окружить заботами и лаской.

— Прочь отсюда! воскликнулъ я, вставая: — сейчасъ ѣдемъ ко мнѣ, въ мою семью, тамъ васъ угѣшать и вы-лечать.

— Нельзя, сказалъ онъ кротко: — нельзя, Василий Петровичъ.

— Отчего нельзя?

— Надо прежде Сашѣ помочь.

— А ну его къ чорту, вашего Сашу! чуть не сорвалось у меня съ языка, но я не рѣшился оскорбить его и спросилъ только: — чѣмъ же возможно помочь Сашѣ?

— Онъ въ тюрьмѣ, отвѣчалъ старикъ жалобно: — вотъ уже недѣлю, какъ его арестовали.

— Чтожъ дѣлать? придется высидѣть до суда, и если онъ не виновенъ...

— Не виновенъ, Василий Петровичъ, не виновенъ, перебилъ онъ меня: — все выдумала на него эта глупая баба изъ злобы и ревности.

Но мнѣ казалось, что онъ самъ не былъ убѣжденъ въ истинѣ своихъ завѣреній, и что догадка о справедливости обвиненія и была злобой дня его наболѣвшаго сердца.

— На поруки бы взять его, сказалъ онъ какъ-то робко: — измается въ тюрьмѣ!

Я молчалъ.

— Да залогъ нуженъ, продолжалъ онъ жалобно: — а у меня нѣтъ: все продали дочиста, имѣнiе съ молотка пошло, вотъ я и хотѣлъ... Онъ остановился и отеръ потъ, выступившій на лбу. — Василий Петровичъ! и онъ опять остановился, тяжело дыша и съ трудомъ выговаривая слова: — вы когда-то предлагали мнѣ помощь, но я отказался, помогите теперь, спасите его! И онъ съ плачемъ повалился мнѣ въ ноги.

Черезъ нѣсколько дней, по соблюденiи необходимыхъ

формальностей, я приѣхалъ съ Николаемъ Гавриловичемъ въ каретѣ въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ содержался молодой Безсоновъ, для освобожденія его на поруки. Майоръ былъ сіяющей и, увидѣвъ сына, бросился обнимать его. Сынъ тоже, казалось, обрадовался свиданію съ нимъ, но со мною обошелся холодно. Майоръ поспѣшилъ объявить ему, что это я, по добротѣ своей, беру его на поруки, чтобы онъ благодарилъ меня и скорѣе собирался съ нами.

— Напрасно вы это сдѣлали, сказалъ молодой Безсоновъ, адресуясь ко мнѣ: — въ моемъ положеніи лучше сидѣть въ тюрьмѣ, чѣмъ быть на свободѣ; а, впрочемъ, благодарю васъ, и онъ какъ-то злобно усмѣхнулся, протянувъ мнѣ руку.

Въ каретѣ Николай Гавриловичъ поспѣшилъ объявить сыну, что они ѣдутъ на новую квартиру, которую онъ нанялъ, благодаря моей же помощи, что въ квартирѣ тепло и хорошо, не такъ какъ въ той, въ которой они жили на Выборгской; что къ приѣзду ихъ заказанъ обѣдъ, и онъ, обѣднй Саша, поѣстъ досыта и отдохнетъ въ хорошей постели. Но рассказы эти и нѣжныя заботы о немъ, казалось, мало тронули жестокосердаго Сашу; онъ все время переѣзда изъ тюрьмы на новоселье сидѣлъ волкомъ въ своемъ углу и упорно молчалъ. По приѣздѣ я оставилъ ихъ вдвоемъ, пожелавъ обоимъ отдохнуть хорошенько отъ всѣхъ тревоженій послѣдняго времени.

Я мало рассчитывалъ на успѣхъ сдѣланнаго мною дѣла и взялъ обвиняемаго на поруки только для того, чтобы успокоить и утѣшить его отца. Что касается сына, то пѣсенка его, казалось, спѣтою. Кража была совершена со взломомъ и улики на лицо: воръ пойманъ съ поличнымъ и при немъ найдены деньги и цѣнныя вещи, которыя онъ не успѣлъ спустить. Участниковъ не было, все это онъ смастерилъ одинъ, пользуясь довѣріемъ любившей его женщины. Тѣмъ не менѣе онъ упорно не сознавался въ преступленіи и утверждалъ, что все обвиненіе подстроено нарочно,

изъ личной къ нему злобы. Вѣрилъ ли ему отецъ его—я не знаю, но онъ несомнѣнно надѣялся на лучшій оборотъ дѣла на судѣ или по крайней мѣрѣ на спасеніе чести сына. Онъ сталъ попрежнему часто бывать у насъ, но имѣлъ деликатность не приводить съ собою Сапу. По правдѣ сказать, мнѣ и его посѣщенія стали тяжелы—не потому, чтобы я разлюбилъ его или осуждалъ за его слѣпую любовь къ сыну, а потому, что онъ все благодарилъ меня и постоянно допрашивалъ о томъ, что я думаю о дѣлѣ сына. А чтожъ я могъ сказать ему, кромѣ того, что сынъ его негодяй и недостойнъ его любви.

Дѣло близилось къ развязкѣ, и назначенъ былъ день судебнаго засѣданія, какъ вдругъ я получилъ увѣдомленіе изъ полиціи о томъ, что обвиняемый внезапно скрылся, и вмѣстѣ съ тѣмъ требованіе, какъ поручитель, немедленно представить его къ суду. Одновременно съ симъ явился ко мнѣ и злосчастный маюръ.

Ужась и отчаяніе были написаны на его лицѣ. Онъ молчалъ и боялся взглянуть на меня.

— Надо искать его, можетъ быть онъ вернется, сказала я въ видѣ утѣшенія, но онъ подалъ мнѣ письмо, найденное имъ на своемъ столѣ. Въ письмѣ было всего нѣсколько строкъ, написанныхъ крупнымъ, твердымъ почеркомъ, вотъ оно:

»Не ищите меня—я не вернусь. Звѣрь, выпущенный изъ клѣтки, назадъ не прибѣжить. Если меня поймаютъ, я не дамъ живымъ, а мертваго судите, пожалуй, если вамъ это занято«.

Въ короткихъ словахъ этихъ было высказано многое: сознание въ своей винѣ, презрѣніе къ смерти, насмѣшка надъ обществомъ и его законами; не было только одного: теплаго слова къ отцу и благодарности за его горячую, самоотверженную любовь.

Вотъ это-то и убило окончательно бѣднаго маюра. Онъ все готовъ былъ забыть: поворное преступленіе, подлый по-

ступокъ сына со мною, его поручителемъ, но одного не могъ онъ простить: черной неблагодарности и черствого, закоснѣлаго сердца, никогда никого не любившаго, кромѣ себя.

— Вотъ я опять одинъ! проговорилъ онъ мрачно: — и опять мнѣ *не кого* любить!

— А меня-то, Николай Гаврилычъ, развѣ вы не любите? сказала я, протягивая ему обѣ руки: — не любите болѣе вашего стараго друга и товарища!

Онъ бросился ко мнѣ, схватилъ мои руки и сталъ ихъ цѣловать.

Занавѣсъ опускается надъ рассказомъ о старомъ маіорѣ. Жизнь, наконецъ, сломила его, и здоровье его рухнуло. Онъ дожилъ свой вѣкъ у меня въ деревнѣ, но въ какомъ жалкомъ положеніи! развитый параличомъ и едва волочившій ноги. За нимъ ковыляла, хромая на всѣ лапы, старая собачка покойной тетюшки, та самая, которую его Саша когда-то чуть не утопилъ въ прудѣ. Животное это совсѣмъ одряхлѣло, также было разбито параличомъ и, по симпатіи должно быть, привязалось къ больному старику; онъ также полюбилъ ее остатками своего разбитого сердца, и они стали неразлучны. Трогательно было видѣть, какъ они вмѣстѣ гуляли по саду: маіоръ на костыляхъ, въ военной фуражкѣ и длиннополомъ военномъ сюртукѣ безъ погоновъ, собака сзади, хромая и подвизгивая. Добравшись до какойнибудь скамейки, они оба садились, запыхавшись, — маіоръ на скамейку, собака на дорожку; но онъ неизмѣнно подымалъ ее лѣвой рукой (правая совсѣмъ не дѣйствовала), сажалъ къ себѣ на колѣни и гладилъ, а иногда и цѣловалъ въ посѣдѣвшую морду, когда думалъ, что никто ихъ не видитъ. Спали они тоже вмѣстѣ въ одной комнатѣ, маіоръ на постели, собачка на полу, у ногъ его, на особой подушкѣ, отданной въ ея пользованіе. Маіоръ самъ кормилъ ее и пряталъ для нея лучшіе куски за обѣдомъ; вообще онъ любилъ это животное тою же безкорыстною любовью, которою

стремился всю жизнь свою, но, увы! такъ неудачно, любить своихъ ближнихъ.

Всѣ поиски за Александромъ Безсоновымъ оказались тщетными. Онъ пропалъ безъ вѣсти. Сложилъ ли онъ свою буйную голову гдѣ нибудь въ лѣсу или въ полѣ или, перебравшись на родину, началъ тамъ новую жизнь, мнѣ неизвѣстно. Залогъ мой, внесенный при взятіи его на поруки, конечно, пропалъ, но я никогда не говорилъ объ этомъ съ его отцомъ. Не вспоминалъ никогда уже болѣе въ разговорахъ со мной о своемъ блудномъ сынѣ и самъ Безсоновъ.

Иванъ Ахшарумовъ

МИГЪ

Лунный свѣтъ... Поле и садъ
Мглою серебрястой одѣты;
Чернью рѣзною стоятъ,
Въ блескѣ, деревъ силуэты;

Небо, въ звѣздахъ золотыхъ,
Темно-серебряно-сине, —
Мыслей, душѣ дорогихъ,
Въ немъ потонула святыня...

Миръ въ своихъ нѣдрахъ тая,
Полная прелестей ночи,
Цѣлая вѣчность Твоя
Смотритъ мнѣ пристально въ очи.

Всякаго въ ней бытія
Скрыты и цѣль, и причина —
И съ этой вѣчностью я
Слить въ этотъ мигъ воедино.

Пл. Кусковъ

МИССИОНЕРЪ КОНЦА ВѢКА

Статья Арведа Баринь.

Вотъ сцена, которая происходила въ Мадридѣ въ царствованіе Альфонса XII, и разсказъ о которой я заимствую изъ одной испанской брошюры:

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ — не больше — одинъ іезуитъ, очень извѣстный въ столицѣ, взошелъ на кафедру въ церкви и сталъ проповѣдывать по поводу нѣкоторыхъ духовныхъ упражненій, прилежно совершаемыхъ аристократическими дамами. Грозовымъ голосомъ и съ ораторскими жестами, свидѣтельствующими о благочестивомъ негодованіи, проповѣдникъ говорилъ о нравахъ дамъ высшаго круга; и онъ говорилъ о такихъ вещахъ и въ такихъ выраженіяхъ, что одна благородная особа, находившаяся въ числѣ высокорожденныхъ слушательницъ, не въ состояніи была сохранить своей душевной ясности, хотя она была сіятельнѣйшая и вышла изъ храма, объятая смертельной тоской. Немного времени спустя король, нунцій, министры и tutti quanti узнали о случившемся, пришли къ соглашенію что надо дѣлать и послали немедленно новаго Илію или Исаію пророчествовать — вѣрнѣе говоря, молчать — въ другія области Израила.

Король, министры и нунцій думали, что все покончено съ отцомъ Луисомъ Коломой, предоставивъ его досугамъ провинціального монастыря. Они плохо знали его. Страшенъ проповѣдникъ, который не закрываетъ рта; Колома въ этомъ отношеніи похожъ на древнихъ еврейскихъ пророковъ, съ которыми и сравниваетъ его цитированная нами брошюра, Манасія, іудейскій царь, только тогда заставилъ замолчать Исаію, когда велѣлъ распилить его между двумя досками. Отецъ Колома рѣшилъ обличать мірскія неправды до послѣдняго своего издыханія, и мѣра, принятая противъ него, кончилась тѣмъ, что подготовила скандалъ еще болѣе сильный, чѣмъ проповѣдь

въ присутствіи двухсотъ или трехсотъ дамъ. Не имѣя возможности говорить, онъ взялся за перо, набилъ себѣ руку, сочиняя повѣсти для одного религіознаго журнала, и въ одинъ прекрасный день смутилъ всю Испанію, обнародовавъ романъ „Requeneses“ — „Пустяки“, — который представляетъ собою обвинительный актъ, исполненный горечи и гнѣва, противъ мѣстной аристократіи.

Эффектъ, произведенный этой двухтомной „анаемой“, былъ чудовищный. Сколько помнить, ни одна книга не вызвала въ Испаніи такого шума. Толпа восхищалась исполненіемъ, на которомъ сказывалась печать руки мастера. Жертвы трепетали отъ злости, къ которой примѣшивалось недоумѣніе. Іезуиты по ту сторону Пиренеевъ не внушаютъ народу особенной нѣжности, тогда какъ дворянство къ нимъ благоволило, уважаетъ ихъ, предоставляетъ имъ воспитывать своихъ сыновей. Какимъ образомъ общество Іисуса, пользующееся репутаціей благодарнаго, позволило одному изъ своихъ напечатать памфлетъ противъ касты, которая только ихъ возносила, не говоря уже о томъ, что „Пустяки“ произведеніе довольно странное для духовнаго лица. Прекрасныя дамы, отдѣланныя отцомъ Коломой, въ свою очередь имѣли право негодовать, видя, что въ стѣнахъ монастыря родился такой свѣтскій и реалистическій романъ.

Началась полемика, и поднялась такая тревога, что іезуиты колебались разрѣшить второе изданіе. Однако же разрѣшили, и съ тѣхъ поръ не было ни малѣйшей причины не выпускать книгу третьимъ и четвертымъ изданіемъ. Сочиненіе, съ которыми мы желаемъ познакомить читателя, является такимъ образомъ на публичный судъ подъ знаменемъ могущественнаго общества. Сверхъ того авторъ отвѣчалъ впередъ, въ своемъ предисловіи, на возраженія, которыя могли быть ему сдѣланы:

„Если ты, любезный читатель, удивляешься, какъ я, будучи тѣмъ, что я есть, рискнулъ ступить на столь опасную почву, то прими во вниманіе, что, имѣя видъ романиста, я все-таки только миссіонеръ; и подобно тому, какъ въ давнія времена монахъ взбирался на столъ на какой нибудь публичной площади и проповѣдывалъ оттуда грубыя истины разсѣяннѣмъ людямъ, не посѣщающимъ церкви, и говорилъ съ ними ихъ собственнымъ языкомъ, чтобъ быть понятнымъ, такъ и я воздвигаю свои подмостки на страницахъ романа и проповѣдую оттуда тѣмъ, которые иначе меня не слушали бы, и высказываю имъ на ихъ языкѣ истины очевидныя и необходимыя, которыя не могли бы быть произнесены подъ сводами храма. Имѣя видъ романиста, я все-таки только миссіонеръ“.

Отецъ Колома сдержалъ свое слово. Онъ проповѣдывалъ, пиша

„Пустяки“, тѣмъ хуже для тѣхъ, кто закрылъ книгу, не почерпнувъ изъ нея ничего для себя. Не менѣе высокомѣрно относится онъ къ обвиненію его въ неблагодарности по отношенію къ дворянству. „Я полагаю“, сказалъ онъ одному журналисту, который посѣтилъ его въ монастырѣ, „что дворяне въ долгу у насъ, посылая намъ своихъ сыновей и требуя отъ насъ, чтобы мы имъ давали хорошее и святое воспитаніе“.

Посмотримъ, каковы „очевидныя“ истины, которыя онъ счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія титулованныхъ дѣтей гордой Испаніи.

* * *

Дѣйствіе начинается, когда на испанскомъ тронѣ сидитъ Амедей Савойскій. Высшая аристократія интригуетъ, чтобы возвести на престолъ сына Изабеллы. Душою альфонсистской партіи является графиня Курра де-Альборнасъ, „дважды грандесса Испаніи по праву рожденія“, а въ третій разъ по браку съ маркизомъ Фернандомъ де-Вилламельономъ. Фернандъ и Курра (въ сокращеніи Куррита)—это герои романа. Отецъ Колома рисуется ихъ съ любовью. Очевидно, это его избранные персонажи, и въ нихъ онъ воплощаетъ испанскую аристократію конца девятнадцатаго вѣка. Біографъ его утверждаетъ, что персонажи взяты съ натуры. Почтенный романистъ могъ бы подписать подъ портретами обоихъ супруговъ: „полная гарантія сходства“. Въ самомъ дѣлѣ они очень живы, но не знаешь, который изъ нихъ жесточе.

Фернандъ-де-Вилламельонъ былъ предназначенъ къ единственной карьерѣ, которую избираютъ въ настоящее время молодые дворяне:

„Когда ему исполнилось двадцать лѣтъ, и онъ за смертію отца получилъ его титулъ, то опредѣлился въ артиллерійскую школу и принялъ участіе въ африканской войнѣ 1859 года. Онъ сѣлъ на корабль эскадры. Горя нетерпѣніемъ ступить на африканскую почву и окрасить мусульманской кровью свою еще дѣвственную шпагу, Вилламельонъ сошелъ на землю у Чернаго Мыса съ стремительнымъ желаніемъ пройти все Марокко и отдохнуть только въ Тунисѣ, гдѣ одинъ изъ его предковъ сдѣлался грандомъ, войдя въ казбу, вмѣстѣ съ донъ-Хуаномъ австрійскимъ. Вдругъ изъ густаго кустарника, покрывавшаго красноватый берегъ, подобно щетинѣ дикаго звѣря, выскочили со всѣхъ сторонъ мерзавцы и встрѣтили гостей ударами штыковъ... Вилламельонъ ни минуты не колебался: забывъ Марокко и отказавшись отъ Туниса, онъ отрекся отъ предка, сдѣлавшагося въ казбѣ грандомъ, бросился со всѣхъ ногъ къ шлюпкѣ и нашель убѣжище въ глубинѣ своей каюты на кораблѣ.“

„Бланка“. Вскорѣ онъ появился на палубѣ, на обратномъ пути въ Испанію, съ свидѣтельствомъ о болѣзни. Марокканцы показали ему чрезвычайно безобразными во время его короткаго свиданія съ ними и до того плохо воспитанными, что приличному человѣку съ ними невозможно было имѣть никакихъ сношеній“.

Въ первый разъ романистъ обвиняетъ дворянство въ отсутствіи даже физическаго мужества. Во Франціи, гдѣ нѣтъ недостатка въ насмѣшкахъ надъ дворянствомъ, никто еще не подумалъ бросить ему въ лицо такую обиду. Тамъ смѣются надъ его „кучерскими“ талантами, надъ его страстью къ жилетамъ и къ галстукамъ, надъ его умственнымъ ничтожествомъ, его упрекаютъ въ отчужденности отъ всего серьезнаго и интереснаго, что представляетъ современная жизнь, говорятъ, что оно ведетъ бесполезное, комическое существованіе тунеядцевъ; но всѣ признаютъ, что оно блистательно исполняло свой долгъ въ послѣднюю войну и при случаѣ съумѣетъ въ этомъ отношеніи снова блеснуть. Испанскій народъ едва ли признателенъ отцу Колома за пріятную новость, что его гранды способны удирать, сломя голову, при видѣ мароккескаго оружія.

Послѣ своего блистательнаго похода Фернандъ-де-Вилламелонъ сказалъ арміи „прости“ и сталъ задавать себѣ праздники — не изящные, а „такіе, какіе теперь въ модѣ въ Испаніи среди знатныхъ молодыхъ людей“. Отецъ Колома знаетъ, какъ это дѣлается: въ свое время онъ былъ тоже свѣтскимъ человѣкомъ и хорошо изучилъ типъ аристократика, „странное смѣшеніе ротозѣя и спортсмена съ цыганомъ, убудка, какъ бы рожденнаго отъ андалузскаго тореадора и парижской субретки“. При такомъ режимѣ молодой испанскій грандъ не замедлил вылетѣть въ трубу. Кажется, что испанскіе гранды, болѣе или менѣе, всѣ прогорѣли. Фернандъ-де-Вилламелонъ въ тридцать лѣтъ совершенно оголтелъ и, естественно, задумалъ жениться. Онъ женился на Курритѣ; но ужъ не было лекарства, чтобы его исправить, и молодая женщина должна была покориться своей участи, не разговаривая съ нимъ ни о чемъ другомъ, кромѣ кухни и пищеваренія или, вѣрнѣе, кромѣ кухни и несваренія желудка. Этихъ двухъ предметовъ, бывшихъ, поистинѣ, неисчерпаемыми, было совершенно достаточно для того, чтобы поглощать собою тотъ маленькій остатокъ ума, который страсбургскіе пироги, шампанское и кокотки не успѣли отнять у потомка побѣдителя казбы.

Въ глубинѣ души Куррита не сердилась на то, что мужъ ея былъ безспорнымъ идиотомъ. Это давало ей извѣстныя права. Когда она довѣрчиво говорила своимъ друзьямъ: „Фернандъ глупъ“, а ея друзья, вмѣсто отвѣта, утвердительно качали го-

ловами, это ясно значило: — бѣдняжка, мы знаемъ это и готовы помочь тебѣ въ твою горе. Графиня де-Альборнасъ широко утѣшалась этой помощью, и тѣмъ же менѣе ее принимали въ лучшемъ обществѣ, какъ водится во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

Это была маленькая блондинка съ очень свѣтлыми сѣрыми глазами и съ лицомъ, покрытымъ веснушками; ходила она на высокихъ каблукѣхъ и дѣлала мелкіе шагки. Ея нравственная природа можетъ быть объяснена въ двухъ строкахъ. Она принадлежала къ очень распространенной разновидности дамъ, для которыхъ всѣ средства хороши, лишь бы о нихъ кричали. Главное, что всѣ заняты ея жестами и поступками, что газетные репортеры постоянно говорятъ о ея тряпкахъ, и что весь Мадридъ, отъ будуара до лакейской, отъ барина до кучера, толкуетъ о ея послѣднемъ приѣмѣ или выѣздѣ. Этого положенія первой звѣзды нельзя достигнуть, брезгливо относясь къ нѣкоторымъ ролямъ — графиня де-Альборнасъ бралась за всѣ, если онѣ были эффектны. О ней можно было бы сказать: „если она на чьей нибудь свадьбѣ, ей хотѣлось быть невѣстой; на крещеніи — новорожденной; на похоронахъ — покойницей“.

Любовь ея къ рекламѣ особенно сказалась въ выборѣ замѣстителя Хуанито, своему любовнику, котораго она послала драться съ журналистомъ, чтобы на другой день обезпечить себѣ вниманіе прессы, и который имѣлъ глупость быть убитымъ. Положеніе было серьезное. Бѣлокурая красота такъ скоропреходяща, и графиня де-Альборнасъ рано перестала находить себѣ безкорыстныхъ утѣшителей. Это не значитъ, что тѣ, которыхъ отецъ Колома просто называетъ альфонсами, рѣдки въ большомъ мадридскомъ свѣтѣ; но у нихъ чертовскія претензіи и часто невозможные характеры. Бѣдный Хуанито былъ перломъ въ своемъ родѣ: маленькій провинціалъ, скромный, довольствовавшійся коркой хлѣба и преданный, какъ собачка. Нельзя даже было надѣяться найти другаго Хуанито.

Куррита и не пыталась. Преемникъ Хуанито былъ чело-вѣкъ другаго тона; онъ дорого стоилъ, но былъ весьма декоративенъ. Яковъ Теллесъ, маркизъ де-Сабадели грандъ испанскій былъ красивъ, „какъ самъ лордъ Байронъ“. Онъ очаровательно танцевалъ и умѣлъ сорвать печать съ письма такъ, что было совершенно незамѣтно. Это послѣднее дарованіе нѣсколько удивительно въ чело-вѣкѣ съ такими титулами, но отецъ Колома на это мирно замѣчаетъ, что маркизъ „личность историческая“. Когда графиня де-Альборнасъ остановила на немъ взглядъ, Теллесъ только что вернулся въ Испанію послѣ долгаго отсутствія, вынужденнаго кое-какими сомнительными приключеніями. Онъ былъ безъ денегъ и ему надо было найти

себѣ положеніе, потому что его утонченная натура требовала роскоши. Куррита была богата и великодушна: они заключили союзъ.

Теллесъ не могъ нахвалиться ею. Конечно, у ней были недостатки. Во первыхъ: расточительность. Мужъ не былъ способенъ управлять ею: она бросала деньги за окно, ради какойнибудь пустой фантазіи. Теллесъ вмѣшался, и она повиновалась ему. Онъ удерживалъ ее однимъ словомъ, не заботясь объ улыбкахъ добрыхъ подругъ графини, которыхъ необыкновенно забавляла экономичность „альфонса“.

У графини былъ также глупый обычай ревновать. Неужели она не понимала?.. Но она не понимала, она шпионила за нимъ, подвергала его допросамъ. Теллесъ имѣлъ двѣ причины таинственно куда-то исчезать. Одна изъ нихъ молоденькая француженка, жившая со своей почтенной матерью въ домикѣ хорошенькомъ, какъ бонбоньерка. Другая заключалась въ наклонности къ темнымъ дѣламъ, требовавшимъ отъ времени до времени путешествія. Допросы, которыми графиня допекала его, были для него невыносимы. Тѣмъ не менѣе, взвѣсивъ все хорошенько, онъ оставался доволенъ. Нѣтъ такого положенія, которое не имѣло бы своихъ неудобствъ, а его — представляло серьезныя преимущества; оно было безопасно и доходно; мужъ Фернандъ былъ необыкновенно милъ и, повидимому, рѣшилъ все игнорировать.

Вокругъ этого любопытнаго тріо дѣйствуютъ не менѣе интересныя второстепенныя лица: „дядюшка Фраскито“, старый красавецъ, блистающій косметиками и краской для волосъ, смѣшной и достойный презрѣнія; маркизъ Бутронъ, бывший посланникъ, будущій министръ, который наединѣ съ женой говоритъ какъ извощикъ; пьяница Педро-де-Вибаръ, прозванный Діогеномъ и раскрывающій ротъ только для того, чтобы сказать какуюнибудь гадость. Женщины не уступаютъ мужчинамъ. Онѣ курятъ сигары; у нихъ манеры кокотокъ; онѣ ссорятся другъ съ другомъ, какъ торговки, и у каждой изъ нихъ много любовниковъ.

Вотъ, что такое теперешняя испанская аристократія, какъ ее изображаетъ отецъ Луисъ Колома, членъ святаго общества Исуса.

* * *

Теперь слѣдуетъ привести нѣсколько сценъ, чтобы дать вѣрное впечатлѣніе, какое производитъ этотъ откровенный и дикій романъ испанскаго священника.

У Фернанда и Курриты есть двое дѣтей — мальчикъ двѣнадцати лѣтъ и дѣвочка, которая младше его. По старой аристократической традиціи ими совсѣмъ не занимаются. Паquito и

Лили предоставлены слугамъ, чувствуютъ себя несчастными и инстинктивно питаютъ отвращеніе къ Теллесу. По нѣкоторымъ признакамъ, по враждебнымъ манерамъ и по внезапному румянцу Пакито, по смутнымъ вопросамъ и по нервнымъ слезамъ Лили мать могла бы замѣтить, что время принять мѣры и не подвергать этихъ двухъ невинныхъ малютокъ нравственному кризису, котораго ничѣмъ нельзя будетъ поправить. Но Куррита не обращаетъ вниманія на эти зловѣщіе симптомы. Она какъ будто старается заставить дѣтей все понять, и однажды въ октябрѣ ей это удалось.

Именины Курриты были десятаго числа.

„Дѣти задумали вмѣстѣ сдѣлать сюрпризъ матери. Пакито, начинавшій проявлять замѣчательную способность къ рисунку, въ особенности къ портрету, сдѣлалъ пастелью портретъ своего отца. Правда, это былъ Вилламельонъ, нѣсколько обезображенный, морковнаго цвѣта, въ особенности въ тѣневой части, но все-таки сходство было. Особенно удался лобъ. Ребенокъ вѣрно воспроизвелъ рѣденькіе волосы отца, раздѣливъ ихъ по срединѣ рядомъ и сдѣлавъ надъ ушами два рогообразныхъ завитка à la Наполеонъ III, причемъ неопытность художника удлинила ихъ больше, чѣмъ надо“.

Лили, съ своей стороны, смастерила рамку изъ русской кожи и украсила ее рельефными цвѣтами. Пастель была вставлена въ рамку, и дѣти подписали ее внизу: „Лили, Пакито“.

Наступилъ великій день. Лили спрятала подарокъ подъ мантилью и, вмѣстѣ съ братомъ, украдкой вошла въ мастерскую матери. Графиня приходила туда по утрамъ передъ завтракомъ, и это была самая благоприятная минута для врученія ей сюрприза. Пакито поставилъ свой шедевръ, съ безконечными предосторожностями, поверхъ начатой картины, на мольбертъ Курриты...

Смѣясь, какъ ангелы, волнуясь ожиданіемъ великаго событія, полные нѣжной довѣрчивости и любви, они скрылись между безчисленными бездѣлушками подъ старинной мебелью и за большимъ ковромъ, на которомъ были вытканы три костлявыя, безобразныя парки... Отсюда они могли наблюдать мольбертъ... И, прижавшись другъ къ другу, они созерцали свое произведение.

— Какъ прелестно! сказала Лили.“

Но вотъ вошла ихъ мать и не одна — ее сопровождалъ Теллесъ. Онъ и Куррита расхохотались при видѣ пастели такимъ смѣхомъ, отъ котораго стало больно дѣтямъ, хотя они сами не знали почему.

— Ты видѣлъ? спросила Куррита.

— Мальчишка сдѣлалъ ему куафюру!

Они взяли что-то со стола, провели нѣсколько чертъ по постели и ушли. Слуга отыскалъ дѣтей и позвалъ ихъ завтракать.

„Пакито первый вышелъ изъ засады. У него былъ такой видъ, какъ будто надъ нимъ тяготѣло во время кошмара что-то невидимое, несвязанное, но огромное, невыносимо мучительное, заставившее его задыхаться. Лили вышла вслѣдъ за братомъ и посмотрѣла на него. Они вмѣстѣ приблизились къ портрету.

— О! сказала Лили съ отчаяніемъ. — Что они сдѣлали!

По обѣимъ сторонамъ лба было начерчено углемъ продолженіе завитковъ—портрету было нанесено отвратительное оскорбленіе.

Мальчикъ страшно покраснѣлъ, потомъ сталъ блѣденъ, очень блѣденъ. Онъ взялъ портретъ, спряталъ его подъ курточку и направился къ дверямъ, не говоря ни слова. Лили начала плакать. Братъ обернулся къ ней и поцѣловалъ ее.

— Не плачь, дурочка...

Самъ онъ не плакалъ. Лицо у него было серьезно и блѣдно. Поблѣвшія губы сухо сжаты. Онъ поднялъ палецъ и сказалъ, глядя на коверъ:

— Не говори ничего нашей мадемузель. Слышишь?

— Ничего, ничего! Я пойду къ себѣ.

Онъ ушелъ въ свою комнату и тамъ, въ этомъ уединеніи, гдѣ некому было его утѣшить, онъ сталъ плакать горячими слезами, навзрыдь... Потому, что онъ испытывалъ глубокую тоску, которая разрушала его сердце, хотя онъ и не понималъ ея; потому, что онъ испытывалъ стыдъ, для названія котораго у него не было слова, но который заставлялъ его прятать въ подушку лицо, опухшее отъ слезъ“.

Нѣсколько времени спустя Пакито въ этой же самой мастерской бросился на Теллеса, какъ маленькій дикій звѣрь. Онъ впился ногтями въ его горло и, ударяя головой въ его грудь, кричалъ:

— Прочь, прочь! Какъ ты смѣешь здѣсь распоряжаться! это не твой домъ!

Теллесъ кинулъ его наземъ. Ребенокъ ударился головой о бронзовую вазу, и алая струйка крови потекла по его блѣдному личику.

Куррита отдала сына въ иезуитскій пансіонъ, а дочь въ монастырь.

Послѣ ихъ отъѣзда прекрасный маркизъ Сабадель былъ огорченъ. Онъ не могъ помѣшать Курритѣ сдѣлать бесполезную затрату. Впрочемъ, сдѣлано это было для него же. Чтобы

утѣшить его, любовница наградила его цѣннымъ подаркомъ. Капелла дворца Вилламельонъ заключала въ себѣ сокровище. Куррита отправилась туда одна и потихоньку.

Передняя капеллы была въ жалкомъ видѣ. Дверь въ святое мѣсто заперта. Такъ давно не молились здѣсь, что слуги едва нашли ключъ; замокъ заржавѣлъ. Лакей насилу отомкнулъ его, и изъ темной капеллы повѣяло сыростью. Графиня вошла ощупью и поспѣшила дернуть за шнурокъ полинялой пыльной занавѣски, закрывавшей одно изъ оконъ. Но гнилая веревка порвалась. Она упала и обвила графиню, какъ длинная и тонкая змѣя. Дама пронзительно закричала. Въ то же мгновеніе отъ занавѣски отдѣлилось облако пыли, и двѣ летучія мыши, высвободившись изъ складокъ, стали летать.

— Жермень! позвала Куррита, замирая отъ страха.

Видя, что явился слуга, она скрыла свое волненіе и прибавила, убѣгая отъ злополучнаго шнурка, какъ будто это дѣйствительно была змѣя:

— Боже, какая неловкость! Открой мнѣ занавѣску!

Съ большимъ трудомъ и осторожностью Жермень поднялъ занавѣску на другомъ окнѣ. Тогда изъ-подъ алтаря выскочила насѣдка съ двумя или тремя цыплятами, испуганная свѣтомъ. Цыплята съ пискомъ метались по капеллѣ. Другъ за другомъ они исчезли въ маленькую полуоткрытую дверцу, находившуюся направо отъ престола. Куррита съ изумленіемъ смотрѣла на Жермена, а тотъ сидѣлъ подавить смѣхъ, которымъ онъ могъ оскорбить свою сіятельную госпожу. Потомъ онъ сказалъ съ важностью:

— Поваръ держитъ здѣсь тѣхъ, которыхъ надо зарѣзать, чтобы всегда имѣть ихъ подъ рукой.

— Но какъ же онъ выпускаетъ ихъ сюда?

— А вотъ маленькая дверка; она выходитъ прямо въ кухню.

— А! да!

Графиня взяла изъ ризницы раму очаровательной работы шестнадцатаго вѣка и высокой цѣны. Это чудо хранило въ себѣ лоскутокъ ткани, принадлежавшей, какъ гласила надпись, предку, „умершему въ благоуханіи святости“. Куррита замѣнила реликвию своей собственной фотографіей — она была снята въ видѣ японской царицы — и отслала этотъ королевскій подарокъ любовнику.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Графиня де-Альборнасъ предоставила свои салоны для базара въ пользу раненыхъ во время послѣднихъ гражданскихъ неурядицъ. Она повсюду собирала пожертвованія и воспользовалась случаемъ явиться съ визитомъ къ одной молодой особѣ, покровительствуемой прекраснымъ

Теллесамъ. Маленькая французенка любезно приняла ее со скромнымъ и робкимъ видомъ и пообѣщала ей прислать что нибудь для базара. Дѣйствительно въ самый день открытія базара, когда шумѣла собравшаяся толпа аристократовъ и аристократовъ, лакей принесъ большой бархатный красный футляръ, при видѣ котораго хозяйка дома вскрикнула:

„Онъ напомнилъ ей другой футляръ, но съ тою разницей, что на томъ блестѣла золотая буква S подъ короной, а на этомъ не было ничего, только бархатъ былъ смятъ на мѣстѣ монограммы. Графиня нѣсколько секундъ неподвижно смотрѣла на футляръ, не смѣя открыть его. Гости толпились вокругъ съ нетерпѣніемъ — всѣмъ хотѣлось взглянуть. Пришлось нажать пружину и открыть футляръ.

Со всѣхъ устъ сорвались восклицанія, и это заглушило крикъ ярости Курриты. На бѣломъ бархатѣ выдѣлялось во всемъ своемъ великолѣпіи артистическое произведеніе Генриха Арфа — старинная рамка чеканеннаго серебра, та самая, которую графиня подарила Теллесу со своимъ собственнымъ портретомъ. Портретъ исчезъ, а на его мѣстѣ была странная фотографія. Она изображала камелію въ натуральную величину, а сверху, облокотившись на цвѣтокъ, какъ на подоконникѣ, видѣлась женщина, извѣстная всему городу, и бюстъ ея былъ открытъ. Подперевъ лѣвую щеку обѣими руками, она смотрѣла нагло и вызывающе и показывала зрителямъ языкъ. Сверху стояла надпись: „ея сіятельству графинѣ де-Альборнасъ“.

Наступило глубокое молчаніе.

Для отца іезуита — сцена рѣзкая. Католическое краснорѣчіе, очевидно, сдѣлало шагъ впередъ со временъ Боссюэта!

Павито пребывалъ въ пансіонѣ близъ Байоны. Это ужъ былъ большой мальчикъ, который все понималъ. Однажды въ классѣ муха, украшенная бумажнымъ хвостомъ, очутилась на плечѣ ученика, сидѣвшаго впереди него. Павито схватилъ муху — хвостъ остался у него въ рукѣ. Развернувъ бумагу, онъ пробѣжалъ записку, и лицо его покрылось мертвенной блѣдностью: „онъ медленно повернулъ голову, чтобы закрыть лицо руками. Онъ былъ уничтоженъ. Пальцы его судорожно сжимались отъ ярости. Слезы, тѣ слезы, которыя рѣдко проливаютъ въ пятнадцать лѣтъ, брызнули изъ его глазъ и потекли по щекамъ. Но гнѣвъ мгновенно ихъ осушилъ, какъ вѣтеръ пустыни высушиваетъ дождь. На влочкѣ бумаги была грубая шутка, гдѣ имя его матери стояло рядомъ съ именемъ Теллеса, и все было подписано сыномъ этого мерзкаго человѣка“.

Сынъ Теллеса учился, дѣйствительно, въ одномъ классѣ съ

сыномъ Курриты. Онъ былъ невиноватъ, но Пакито думалъ, что имъ выкинута дрянная шутка, и рѣшилъ отмстить за себя. На слѣдующій день, во время прогулки, онъ увлекъ юнаго Альфонса Теллеса на морской обрывъ и вдругъ бросился на него, какъ три года тому назадъ бросился на его отца: „Чего я отъ тебя хочу?“ заревѣлъ онъ, задыхаясь. „Убить тебя — вотъ чего хочу!.. Бросить тебя въ воду. Пусть одинъ изъ насъ не вернется въ коллегію!“

И, вытащивъ изъ кармана вчерашнюю записку, онъ поднесъ ее къ глазамъ Альфонса, расширеннымъ отъ страха, и закричалъ, блѣдный отъ ярости: „знакомо тебѣ это?“

Прежде чѣмъ другой, ошеломленный нападеніемъ, могъ что нибудь объяснить, Пакито сталъ наносить ему удары ногами и кулаками и билъ его головой о скалу, осыпая ругательствами и проклятіями родителей своей жертвы и самого Альфонса. Альфонсъ лежалъ на землѣ, бормоча только: „это не я! это не я!“

Когда Пакито понялъ, наконецъ, свою ошибку и пересталъ бить, юный Теллесъ уже не могъ держаться на ногахъ и упалъ въ море. Пакито закричалъ съ ужасомъ: „Иисусе, прости меня! Одна мать моя виновата, она! она!“

„Онъ выпрямился и застылъ, какъ трупъ... Тамъ, тамъ внизу, у подошвы скалы, волновалась и пѣнилась вода. Появилась черная точка. Да, нѣтъ сомнѣнія! Это судорожно сжатая рука, молящая о помощи!“

Пакито бросился внизъ и исчезъ въ морѣ... Онъ плылъ съ энергіей отчаянія, нырнулъ разъ, выплылъ, снова нырнулъ и снова выплылъ, но уже не одинъ. На поверхности моря появились двѣ головы — одна бѣлокурая, другая черная — и погрузились въ волны, образуя легкій воронкообразный водоворотъ, окаймленный пѣной“.

На другой день были найдены трупы обоихъ дѣтей, соединенные тѣсными объятіями.

Исторія не говоритъ — исправилъ ли графиню де-Альборнасъ этотъ страшный урокъ. Отецъ совсѣмъ выжилъ изъ ума. Онъ неспособенъ сказать двухъ словъ со смысломъ. Лиля объявила, что, по совѣту брата, хочетъ поступить въ монахини. Итакъ, Куррита стала свободна, и, по всей вѣроятности, по окончаніи траура по сынѣ она будетъ еще много и долго наслаждаться въ этомъ мірѣ.

Аристократія не пользуется въ наше время благоволеніемъ публики. Долго ей предоставляли мирно доживать свои дни, потому что, кажется, поняли — до какой степени затруднительно ея положеніе. Революціонные перевороты во Франціи лишили

ее прежняго значенія, и ей приходится приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ. Мало двухъ или трехъ поколѣній, чтобы передѣлать свои чувства и идеи. Что аристократія подаетъ дурной примѣръ — это очевидно, по крайней мѣрѣ въ Испаніи, но французской буржуазіи слѣдуетъ быть осмотрительнѣе, чтобы соломинка въ глазу ихъ сосѣдки не затмила бревна, которое можетъ оказаться въ ихъ глазу. Много есть мѣщанъ, которые совсѣмъ даже не виконты и которые ведутъ себя какъ герцоги и маркизы, если не хуже.

Что касается испанскаго дворянства, то, допуская, что отецъ Луисъ Колома не преувеличилъ его пороковъ, спросимъ, кто же воспиталъ его, создалъ, образовалъ? Кто повиненъ въ позоръ молодыхъ людей, въ родѣ Фернандо де-Вилламелона? Гдѣ Яковъ Теллесъ воспринялъ принципы, позволяющіе ему „дѣлаться альфонсомъ“? Въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Самъ отецъ Колома кичится, что іезуитамъ принадлежитъ въ Испаніи монополія воспитанія дворянства. Хорошая реклама для іезуитовъ эти „Пустяки“ достопочтеннаго отца!

Говорятъ, что отецъ Колома пишетъ въ настоящее время другой романъ. Его бібліотека полна образцовыми произведеніями по части беллетристики — тамъ есть и Поль Феваль, и Дюма, и Гонкуръ, и Флоберъ, и Золя. Изучая ихъ книги, этотъ странный священникъ, откровенный и неукротимый, безукоризненно непогрѣшимый и дерзкій, готовится къ тому, что онъ называетъ своей „миссіей“. Въ современной литературѣ мало найдется такихъ любопытныхъ лицъ. Есть молодая дѣвушка конца вѣка — Марія Башкирцева, папа конца вѣка — Левъ XIII, подающій руку социализму, король конца вѣка — Миланъ — всѣхъ не назовешь. Списокъ пополнился отцомъ Луисомъ Коломой: это миссіонеръ конца вѣка.

РАСКАЯНЬЕ РЫЦАРЯ

Старинный замокъ страшень
Надъ шумною рѣкой...
Торчатъ бойницы башень,
Какъ призракъ роковой.

Состарившійся воинъ
Въ полночной тишинѣ
Угрюмъ и безпокоенъ —
Не дремлетъ при лунѣ.

Подходить къ окнамъ гнѣвно,
Глядитъ въ ночную даль;
Лицо его плачевно,
Въ душѣ его — печаль.

Въ немъ тяжело ропщетъ совѣсть
И въ сумракѣ прочла
Мучительную повѣсть,
Кровавая дѣла.

И память въ немъ уныло
Сіяетъ, какъ луна;
Онъ помнитъ все, что было,
Чѣмъ жизнь его полна:

Любовь — свою стихію,
Борьбу — страстей законъ,

Красавицу Марію,
 Раздоръ сосѣднихъ женъ.
 И помнитъ онъ капризовъ
 Безумный произволъ,
 Когда, бросая вызовъ,
 Онъ въ бой кровавый шелъ.
 Прошли года и схватки;
 Онъ сердцемъ глухъ и нѣмъ;
 Тяжелыя перчатки
 Забылъ, какъ тяжкій шлемъ.
 И видитъ онъ — въ смущенномъ
 Затишьи у рѣки
 Въ унынби похоронномъ
 Недвижны тростники.
 Онъ знаетъ, что за сѣнью
 Задумчивыхъ аллей
 Часовня есть, гдѣ тлѣнью
 Не слышенъ шумъ страстей;
 Гдѣ будетъ спать объять онъ
 Ненарушимымъ сномъ,
 У входа запечатанъ
 Прадѣдовскимъ гербомъ.
 Но онъ не спитъ, и нѣту
 Забвенія ему —
 И бродитъ онъ до свѣту
 Въ полуночную тьму.
 Зачѣмъ душѣ Богъ не далъ
 Забвенія могиль?
 Зачѣмъ друзей онъ предалъ,
 Враговъ своихъ убилъ?
 Въ отвѣтъ печальнымъ думамъ
 Шумитъ унылый садъ;

Идетъ съ протяжнымъ шумомъ
Тѣней туманный рядъ.
Шумятъ ли то вершины
Расшатанныхъ березъ;
Иль дѣды-исполины
Роняютъ капли слезъ?..

Н. Фофановъ

ВЪ НЕОБЪЯТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Романъ

Роберта Кроми

ПРОЛОГЪ

— Наконецъ-то движется! Макъ Грегоръ, право движется!
— Ну и пусть движется на здоровье. Очень радъ.

Наступила минута молчанія. Затѣмъ Макъ Грегоръ опять заговорилъ своимъ безпечнымъ тономъ, составлявшимъ такую странную противоположность съ дрожащимъ голосомъ его собесѣдника:

— Послушай, Бернетъ, выйди хоть на минуту изъ своего колдовскаго вертепа, будь полюбезнѣе. Подумай: вѣдь я ужъ больше трехъ лѣтъ не видѣлъ твоего лица, глубокомысленный ученый. Оставь хоть на мигъ свою штуку, что у тебя тамъ за-двигалась, дай на себя посмотреть!

— Ради Бога подожди немножко! раздался опять взволнованный голосъ изъ комнаты, сосѣдней съ тою, въ которой сидѣлъ Макъ Грегоръ. Не во-время попавшій гость всталъ и съ нетерпѣніемъ началъ ходить по комнатѣ. Услыша его шаги, занимавшійся въ смежномъ помѣщеніи заговорилъ испуганно:

— Прошу тебя, Александръ, не входи ко мнѣ, ты можешь полатиться жизнью. Одинъ неосторожный шагъ — и ты погибъ.

— Еще бы я вошелъ къ тебѣ! съ досадой пробормоталъ Макъ Грегоръ. — Точно я не знаю, что наступи я у тебя на какуюнибудь пружину или задѣнь головой за проволоку, скобку, пуговицу, ну, словомъ, за какуюнибудь тамъ батарею, что ли, и ты, и я, а съ нами и половина квартала взлетимъ на воздухъ. Не такъ страшно войти въ львиную берлогу, какъ въ кабинетъ къ ученому.

Проговоривъ недовольнымъ тономъ свою тираду, м-ръ Макъ Грегоръ усѣлся на низенькомъ диванчикѣ передъ каминомъ,

яркое пламя котораго придавало веселый оттѣнокъ уютной комнатѣ, гдѣ онъ находился, и, закуривъ трубку, началъ терпѣливо ждать, пока къ нему выйдетъ эксцентричный хозяинъ. Ему приятно было сидѣть или, вѣрнѣе, полулежать съ прищуренными глазами, курить, прислушиваться къ страннымъ пощелкиваніямъ, шипѣніямъ и словно маленькимъ взрывамъ, раздававшимся въ сосѣдней комнатѣ, и слѣдить взглядомъ за голубыми, красными и бѣлыми огоньками, порой мелькавшими тѣнями сквозъ занавѣску, которою была задернута дверь. Холодный приемъ, ему сдѣланный, не удивлялъ и не сердилъ, а скорѣе забавлялъ его: это было такъ похоже на Бернета.

„Странный человѣкъ!“ думалъ онъ, пуская въ каминъ густые клубы дыма. „Я только что пріѣхалъ въ лондонъ изъ Тибета, гдѣ три года занимался изслѣдованіемъ неизвѣстныхъ мѣстностей, причемъ газеты разъ двѣнадцать, по крайней мѣрѣ, заявляли, что я погибъ. Прихожу къ моему лучшему другу, а онъ запрещаетъ мнѣ подѣ страхомъ смерти подходить къ нему близко! Нечего сказать, гостеприимная встрѣча, но это понятно: онъ должно быть теперь изобрѣтаетъ что нибудь. Скоро онъ очнется отъ научнаго чада и тогда найдетъ время мнѣ обрадоваться, а пока мнѣ здѣсь очень удобно ждать его.“

Размышляя такъ, онъ задремалъ было, но раздавшійся въ сосѣдней комнатѣ звукъ заставилъ его поднять голову. Это было не то отрывистое восклицаніе, не то рыданіе, затѣмъ все затихло, слышно было за занавѣской только тяжелое прерывистое дыханіе ученаго. Макъ Грегоръ началъ прислушиваться и съ грустью подумалъ:

„Бѣдный Бернетъ, какимъ славнымъ товарищемъ онъ былъ въ Кембриджѣ. Онъ уморитъ себя въ своемъ вертепѣ.“

„Вертепъ“ Бернета былъ дѣйствительно одною изъ тѣхъ лабораторій, куда люди входятъ въ одну дверь въ качествѣ сыраго матеріала и откуда выходятъ въ другую совершенными машинами съ сохраненіемъ, впрочемъ, всѣхъ своихъ составныхъ частей, кромѣ души, которая обыкновенно придавливается и затаптывается въ прахъ въ этомъ процесѣ.

Въ этой комнатѣ Генри Бернетъ провелъ лучшіе годы своей жизни. Онъ затворился въ ней лѣтъ двадцать назадъ, будучи еще крѣпкимъ, здоровымъ молодымъ человѣкомъ съ косматою головою, которая и тогда уже была, какъ казалось многимъ, черезчуръ велика для его роста. Теперь онъ вышелъ изъ этой комнаты, когда наконецъ удосужился выйти, чтобы встрѣтить своего пріятеля согнутымъ, исхудалымъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ, съ головою, которая, несмотря на жидкіе волосы, казалась чудовищно громадною въ сравненіи съ его истощеннымъ, словно скомкавшимся, тѣломъ.

— Ну, какъ поживаешь, Бернетъ? спросилъ Макъ Грегоръ, съ безпокойствомъ взглядываясь въ его истомленное лицо.

Странный хозяинъ не подалъ руки гостю, даже не поклонился ему. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, повидимому весь охваченный какимъ-то только что пережитымъ имъ, весьма сильнымъ, впечатлѣннѣемъ. Подойдя къ пріятелю, онъ проговорилъ прерывающимся голосомъ, едва переводя духъ отъ волненія:

— Макъ Грегоръ, ты пріѣхалъ какъ нельзя болѣе встати!

— Вижу, замѣтилъ посѣтитель иронически. — Я ужь часъ какъ дожидаюсь здѣсь тебя.

— Да, Макъ Грегоръ, продолжалъ Бернетъ, повидимому, не обративъ вниманія на слова пріятеля, — я очень благодаренъ тебѣ, что ты посѣтилъ меня именно сегодня вечеромъ.

— Не стоитъ благодарности. Ты ужь черезчуръ гостеприименъ, сказалъ Макъ Грегоръ, хладнокровно принимаясь опять набивать трубку. Бернетъ между тѣмъ подошелъ къ столу, гдѣ стоялъ графинъ съ водой, налилъ себѣ стаканъ и выпилъ его залпомъ, затѣмъ вынулъ изъ кармана платокъ и началъ вытирать имъ сначала лобъ, а потомъ свои влажныя дрожащія руки.

„Онъ положительно рехнулся,“ подумалъ Макъ Грегоръ. „Нужно будетъ увезти его хоть на мѣсяцъ куда нибудь на морской берегъ.“

Между тѣмъ ученый вдругъ подошелъ къ нему и проговорилъ торжественно:

— Александръ Макъ Грегоръ, пойдите со мной въ мою лабораторію.

Это церемонное обращеніе къ завадичному другу еще болѣе утвердило Макъ Грегора въ предположеніи, что голова у его пріятеля несовсѣмъ въ порядкѣ.

— Нѣтъ, дружище, ужь избавь меня отъ этого, проговорилъ онъ опасливо, — я не особенно трусливъ, но... но право же я боюсь твоихъ проволокъ, пружинокъ и всей прочей твоей чертовщины. Я непременно наступлю у тебя тамъ на что нибудь и тогда пиши пропало.

— Не бойся, теперь нѣтъ опасности, пойдѣмъ!

— Ну, пожалуй, пойдѣмъ.

Оба вмѣстѣ вошли въ сосѣднюю комнату. Глядя на нихъ со стороны, можно было принять ихъ за двухъ мошенниковъ, замышляющихъ воровство со взломомъ. Бернетъ ступалъ не ровно; по всему видно было, что его, ослабленный трудами, организмъ только что получилъ сильное потрясеніе: онъ едва держался на ногахъ. Макъ Грегоръ, высокій сильный человѣкъ съ густой темной бородой, суровымъ взглядомъ и загорѣлымъ, какъ юфтъ, лицомъ, закаленный въ бояхъ съ людьми, съ хищными

вѣрами и со стихійными силами, съ медвѣдями въ каменистыхъ горахъ, съ неграми въ Конго, съ самумами въ Аравіи и съ цело-нами въ китайскихъ моряхъ, представлялъ изъ себя презабавную картину: онъ выступалъ со смѣшной опаской, шагъ за шагомъ, на цпочкахъ, безпрестанно озираясь по сторонамъ, словно боясь каждую минуту наступить на что или задѣть за что нибудь несурзное.

Лабораторія, въ которую они вошли, не заключала въ себѣ, повидимому, ничего ужаснаго. Это была запыленная маленькая комната, то, что называется „уборкой“, было въ ней повидимому вещь неизвѣстной, и по всему замѣтно было, что въ ней ужъ много лѣтъ не бывалъ не только красильщикъ или обойщикъ, но даже полотерь. Меблирована она была престранно. По стѣнамъ стояли комоды, шкафы и конторки со множествомъ выдвинутыхъ ящичковъ и ящичковъ и столъ съ разставленными на нихъ въ беспорядкѣ ретортами, стеклянными трубами различной формы, воздушными насосами, химическими вѣсами, пла-вильницами и спиртовыми лампочками. Вездѣ видны были свитки проволоки разной толщины, электрическія машины совершенно новыхъ системъ стояли рядомъ съ такими, форма которыхъ знакома каждому студенту. На одномъ столѣ валялись обрѣзки металлическихъ пластинокъ, комочки какого-то страннаго сѣраго вещества, похожаго на глину, шарики изъ бузиной сердцевины и какія-то перушки, вѣроятно служившія для смазыванія, словомъ, въ комнатѣ было много необъяснимаго и дивовиннаго рядомъ съ вещами самыми обыкновенными.

— Прочти это, сказалъ Бернетъ, подавая Макъ Грегору бумагу, изпещренную цифрами, буквами, знаками и химическими формулами.

— Это очень, очень интересно, сказалъ Макъ Грегоръ, показывая видъ — будто дѣйствительно заинтересованъ, хотя содержимое въ бумагѣ было ему такъ же понятно, какъ египетскіе іероглифы; но, считая своего пріятеля „не въ своемъ разумѣ“, онъ сознавалъ необходимость не противорѣчить ему.

— Чтò ты объ этомъ думаешь? спросилъ Бернетъ.

— Что я думаю? переспросилъ Макъ Грегоръ, видя невозможность уклониться отъ прямого отвѣта. — Думаю... думаю что это... должно быть вещь очень хорошая... А въ чемъ тутъ дѣло? вдругъ спросилъ онъ безъ обиняковъ, перевернувъ листокъ вверхъ ногами.

Бернетъ съ нетерпѣніемъ вырвалъ у него листокъ изъ рукъ.

— Видишь ты этотъ шарикъ? спросилъ онъ съ отгѣнкомъ пренебреженія, которое задѣло Макъ Грегора за живое, хотя онъ и самъ относился къ пріятелю какъ къ безумному, съ нѣскольکو обиднымъ состраданіемъ.

— Вижу, отвѣчалъ онъ съ досадою, — на столько-то у меня еще хватить сообразительности.

Шарикъ, на который указывалъ Бернетъ, лежалъ въ стеклянной трубкѣ, а трубка стояла стоймя на пластинкѣ изъ страннаго вещества, которое Макъ Грегоръ уже замѣтилъ, хотя не могъ опредѣлить, что это за вещество — растительное или минеральное.

— Смотри же!

Съ этими словами Бернетъ коснулся сѣрой пластинки тоненькой проволокой, и въ ту же секунду шарикъ быстро выпрыгнулъ изъ трубки и повисъ надъ нею въ воздухѣ, поддерживаемый словно магнитнымъ притяженіемъ.

— Что ты на это скажешь? спросилъ ученый, весь дрожа отъ волненія.

— Это очень мило, отвѣчалъ Макъ Грегоръ, желая быть любезнымъ, хотя въ сущности опытъ показался ему самымъ обыкновеннымъ, вовсе неинтереснымъ, фокусомъ.

— Мило! Макъ Грегоръ, подумай, что ты говоришь!

— То есть я хочу сказать...

— Слушай, перебилъ его Бернетъ дрожащимъ голосомъ, выпрямившись и весь вспыхнувъ, — въ этой комнатѣ я провелъ безвыходно двадцать лѣтъ...

— Тѣмъ глупѣе съ твоей стороны, пробормоталъ Макъ Грегоръ.

— Эти двадцать лѣтъ, продолжалъ Бернетъ, не обративъ вниманія на это замѣчаніе, — я посвятилъ всецѣло славной задачѣ. Ты, другъ мой, вѣроятно, считалъ меня, наравнѣ съ прочими, жалкимъ энтузіастомъ, проводшимъ лучшіе годы въ бесплодной погонѣ за неосуществимой мечтой.

Макъ Грегоръ сдѣлалъ рукою жестъ отрицанія, но Бернетъ словно не замѣтилъ этого и продолжалъ:

— Ты, конечно, жалѣлъ обо мнѣ, потому что я сидѣлъ взаперти въ этихъ четырехъ стѣнахъ, въ то время какъ ты взбирался на снѣжныя вершины или носился по бурнымъ морямъ. Вѣроятно ты думалъ, что время важется мнѣ вѣкомъ въ моей жалкой кануркѣ, куда я добровольно схоронился въ одиночество. Нѣтъ, другъ мой, годы казались мнѣ днями, а дни минутами.

Макъ Грегоръ сталъ слушать внимательнѣе, начиная смутно сознавать, что въ головѣ у этого мечтателя должно быть есть же что нибудь путное, Бернетъ между тѣмъ, увлекаемый потокомъ собственныхъ думъ, продолжалъ съ бессознательнымъ драматическимъ паэосомъ въ голосъ:

— Ты, Макъ Грегоръ, оказалъ большія услуги своей отчизнѣ, скажу болѣе—всему человѣчеству. Ты прослѣдилъ теченіе многихъ рѣкъ, доискивая до ихъ неизвѣстнаго источника, ты изслѣдовалъ непроходимые лѣса, въ которыхъ до тебя не сту-

пала нога человѣческая, и труды твои не пропали даромъ. Спрашиваю тебя: жалѣешь ты объ одинокихъ годахъ, проведенныхъ тобою въ Африкѣ, въ Азїи, на берегахъ Тихаго океана, Арктическаго и Антарктическаго морей...

— Нѣтъ, не жалѣю, перебилъ его Макъ Грегоръ съ увлеченїемъ, заинтересовываясь разговоромъ все болѣе и болѣе. Онъ хотя и считалъ Бернета помѣшаннымъ, но извѣстно, что если и помѣшанный польститъ нашему „коньку“, то это все-таки прїятно — развѣ похвала это будетъ высказана ужъ въ очень глупой формѣ.

— Скажи мнѣ — доволенъ ли ты, что сталъ величайшимъ путешественникомъ и изслѣдователемъ своего времени (Макъ Грегоръ поклонился съ недоувѣрчивымъ, но все-таки самовольнымъ видомъ), или ради того, чтобъ не нажить нѣсколькихъ сѣдинъ въ головѣ и морщинъ на лицѣ, ты предпочелъ бы провести свои лучшіе годы въ позорной прядности?

— Конечно нѣтъ! энергически воскликнулъ Макъ Грегоръ.

— Въ такомъ случаѣ ты вѣроятно не пожалѣешь и о моихъ трудовыхъ годахъ, если я скажу тебѣ, что я открылъ...

Онъ вдругъ замолчалъ и, подойдя къ окну, отдернулъ занавѣсъ. Ночь была морозная, ясная; сверь, на который выходило окно, былъ покрытъ инеемъ; небо сверкало звѣздами.

— Посмотри сюда, Макъ Грегоръ!

Оба постояли нѣсколько минутъ, вглядываясь въ звѣздное пространство, необъятность котораго давить нашъ ограниченный умъ. Наконецъ Бернетъ продолжалъ полупшепотомъ, въ которомъ слышалась невыразимая торжественность:

— Пожалѣешь ли ты обо мнѣ, если я скажу тебѣ, что, пожертвовавъ какими нибудь жалкими двадцатью годами, я открылъ происхожденіе и сущность того закона, который до меня люди только признавали въ его несомнѣнныхъ проявленїяхъ, закона, въ силу котораго вся совокупность міровъ представляетъ не массу беспорядочныхъ, разрушающихъ одна другую, силъ, а стройную, армію, каждая составная часть которой содѣйствуетъ величію цѣлага? Въ этой жалкой ободранной кануркѣ ты видишь передъ собой человѣка, который, если только небо даруетъ ему хоть десять еще лѣтъ жизни, въ силахъ будетъ остановить движеніе звѣзды, совратить планету съ ея пути. Другъ мой, я открылъ могущественнѣйшую тайну мірозданія.

Онъ вдругъ умолкъ — голосъ у него пресѣкся отъ волненія, руки у него тряслись, какъ въ лихорадкѣ, лицо судорожно подергивалось. Онъ былъ подавленъ величіемъ собственнаго своего открытія: онъ давно надѣялся на успѣхъ, но когда наконецъ надежды его осуществились, онъ изнемогъ подъ силою своей радости.

— Бернетъ, Бернетъ, неужели ты въ самомъ дѣлѣ рехнулся?

— Признаюсь тебѣ, я самъ боюсь, чтобы этого не случилось: у меня теперь въ головѣ то, что способно не только подавить мозгъ человѣка, но и самую жизнь его; не знаю, переживу ли я то, что теперь испытываю...

— Да полно тебѣ хвастать, чортъ тебя побори! объясни, что ты тамъ открылъ. Ты говоришь, я пріѣхалъ кстати, значить ты не прочь подѣлиться со мною своей радостью.

— Еще бы!

— Говори же попросту, безъ затѣй: чего ты добился своими опытами?

— Я открылъ происхожденіе...

Онъ наклонился къ уху пріятеля и проговорилъ чуть слышно:

— Силы!

— Пойдемъ въ другую комнату, Бернетъ — здѣсь такъ душно, сказалъ Магъ Грегоръ взволнованно.

Они вышли въ сосѣднюю комнату и усѣлись рядомъ. Нѣсколько времени оба молчали. Это молчаніе тяготило обоихъ, но и тотъ, и другой были такъ заняты своими мыслями, что не могли говорить. Огонь въ каминѣ сталъ догорать; никому и въ голову не пришло подбросить углей. Одинъ изъ газовыхъ рожковъ началъ чадить; никто не обратилъ на это вниманія, а между тѣмъ обоимъ смутно становилось не по себѣ въ холодной, смрадной комнатѣ. Наконецъ Магъ Грегоръ первый прервалъ молчаніе:

— Скажи мнѣ, Бернетъ, какъ ты думаешь воспользоваться своимъ открытіемъ? спросилъ онъ. — Въ какомъ смыслѣ ты думаешь примѣнить его?

— И самъ еще не знаю: пока не могу собраться съ мыслями, у меня голова кругомъ идетъ отъ радости. Вспомни: вѣдь я трудился двадцать лѣтъ, а успѣха добился не больше, какъ съ часъ назадъ.

— Но все-таки можешь ты собраться съ мыслями на столько, чтобы сообщить мнѣ — къ чему можетъ повести твое открытіе?

— Изволь, скажу кое-что. Опытъ съ шарикомъ и со стекляннoй трубкой доказываетъ, что законъ тяготѣнія можетъ быть направленъ, измѣненъ и даже вовсе уничтоженъ. Я могу выработать и усовершенствовать аппараты, необходимыя для развитія этого изобрѣтенія. А результаты будутъ таковы, что умъ человѣческій съ трудомъ обниметъ ихъ.

Магъ Грегоръ вскочилъ съ мѣста, словно его что подбросило.

— Знаешь ли! вскричалъ онъ, — и мнѣ пришло въ голову кое-что. Еслибъ можно было примѣнить твое открытіе вотъ какъ... Постою, я сейчасъ раскажу тебѣ... Эхъ! чортъ возьми, славно было бы!

Онъ до того увлекся, что изо всей силы хватилъ своимъ здоровеннымъ кулачищемъ по столу, но столъ былъ старый и не выдержалъ удара: половина доски съ трескомъ грохнула и свалилась на ноги Бернету.

— Боже мой милостивый, что я надѣлалъ! Я не зналъ, что столъ такой ветхій. Больно тебѣ, Бернетъ? я ушибъ тебя? прости ради Бога!

Но Бернетъ не скоро успокоился. У этого ученаго, способнаго сдвинуть съ мѣста тѣла небесныя, были мозоли, и доска отъ стола, какъ нарочно, свалилась на самый крупный изъ нихъ.

Этотъ маленькій забавный эпизодъ немного отрезвилъ и успокоилъ обоихъ. Они поправили газъ, открыли не надолго окно, чтобы выпустить чадъ, развели опять огонь и, усѣвшись передъ каминомъ, принялись толковать по душѣ. Макъ Грегоръ сообщилъ свой планъ, который до того заинтересовалъ Бернета, что онъ забылъ время. Разспросамъ, предположеніямъ не было конца. Друзья проговорили до разсвѣта, но наконецъ физическая усталость взяла-таки свое: они простились ерѣвкимъ рукопожатіемъ, и Бернетъ ушелъ спать къ себѣ въ лабораторію, а Макъ Грегоръ улегся на кушеткѣ, передъ догоравшимъ каминомъ.

Въ чемъ состоялъ планъ Маъка Грегора — читатель увидить изъ дальнѣйшихъ главъ.

ГЛАВА I

Литейный заводъ въ лѣсу

Перенесемся теперь въ лѣсъ на Аляскѣ. Генри Бернетъ и Александръ Макъ Грегоръ сидятъ рядомъ на стволѣ срубленныхъ сосенъ и изрѣдка лѣниво перебрасываются словами, частенько поглядывая на горную тропинку, видную въ недалекомъ разстояніи. Они ждутъ къ себѣ гостей.

На дворѣ іюнь мѣсяць. Вершины горъ еще покрыты снѣгомъ, но въ долинѣ очень тепло. На южныхъ скатахъ горъ розовые кусты осыпаны полураспустившимися бутонами. Годъ назадъ въ этой долинѣ не было души живой, развѣ изрѣдка показывался въ ней проѣздомъ голодный индѣецъ. Теперь въ ней живутъ сотни людей. Она лежитъ въ одномъ изъ богатѣйшихъ минеральныхъ районовъ Аляски. Изъ горныхъ хребтовъ, окружающихъ ее, вытекаютъ три главные рѣки въ этихъ краяхъ: Мѣдная, Бѣлая и Танана.

Прошелъ ужъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ Макъ Грегоръ навѣстилъ своего пріятеля въ Лондонѣ и узналъ его роковую тайну. Съ тѣхъ поръ онъ нисколько не перемѣнился, даже не загорѣлъ—по весьма простой причинѣ: онъ ужъ такъ загорѣлъ въ Тибетѣ, что загорѣть еще больше для него не было никакой возможности. Его большіе проніцательные сѣрые глаза такъ же сверкаютъ, движенія такъ же быстры и гибки, и всѣ черты лица попрежнему дышатъ беззавтѣной отвагой.

Бернетъ, напротивъ, такъ перемѣнился, что его трудно узнать: стань его выпрямился, болѣзненная блѣдность лица исчезла, взглядъ сталъ яснѣе, вообще онъ окрѣпъ, посвѣжѣлъ, словомъ, сталъ совсѣмъ непохожъ на то тщедушное существо, какимъ засталъ его Макъ Грегоръ въ душной лабораторіи и которую такъ удачно окрестилъ »волдовскимъ вертепомъ«. За послѣдній годъ онъ почти не бралъ въ руки книги, зато много работалъ топоромъ и молотомъ. Онъ извѣздилъ много мѣстностей, прежде чѣмъ нашелъ долину, поселиться въ которой счелъ удобнымъ для своихъ цѣлей; затѣмъ, поселившись въ ней, проводилъ почти все время на открытомъ воздухѣ. Улучшеніе въ немъ замѣтно было не только въ физическомъ, но также и въ нравственномъ отношеніи; тревожное выраженіе лица его, на которомъ такъ ясно отпечатывалась мучительная неизвѣстность, смѣнилось выраженіемъ бодрой отваги и спокойной увѣренности въ успѣхѣ.

Сидя рядомъ на стволѣ, пріятели, какъ мы уже сказали, нѣсколько времени лѣниво перебрасывались словами и напоследокъ вконецъ замолчали, погружившись каждый въ свои думы. До нихъ доносились, повидимому, откуда-то, не издалека, шумъ голосовъ, визгъ пилъ, стукъ молотовъ; гамъ былъ порядочный, но они не обращали на него вниманія: онъ былъ для нихъ дѣломъ привычнымъ.

— Ыдутъ! Ыдутъ! вдругъ вскричалъ Макъ Грегоръ радостно, указывая другу на горную тропинку, по которой двигался, выступая въ стройномъ порядкѣ изъ ущелья, цѣлый караванъ. Впереди ѣхало пять человѣкъ верхомъ на лошадяхъ, а за ними тянулась длинная вереница вьючныхъ муловъ, повидимому, тяжело нагруженныхъ; около муловъ шли и ѣхали люди, также каждый со своею ношею.

Наконецъ-то мы сегодня пообѣдаемъ вкусно! весело воскликнула изслѣдователь. Сэръ Джорджъ вѣдь обѣщалъ привезти съ собою и своего повара, и хорошихъ припасовъ, а главное свой погребець. Поѣдемъ къ нему на встрѣчу, Бернетъ. Нужно же хоть показать имъ дорогу въ нашу Аркадію, а то они, пожалуй, заблудятся. Сюда можно проѣхать удобнѣе, чѣмъ тѣмъ путемъ, по которому они теперѣ ѣдутъ; слышишь, какъ они ругаются?

Дѣйствительно на тропинкѣ раздавались недовольные возгласы, очевидно вызванные неровностью дороги.

— Поѣзжай одинъ, дружище, и извинись за меня, отвѣчай Бернетъ: — ты знаешь — я плохой ѣздокъ верхомъ.

Ну хорошо, жди же насъ — мы скоро прибудемъ.

Макъ Грегоръ живо распорядился, чтобъ ему подали лошадей и черезъ нѣсколько минутъ уже сказалъ на встрѣчу гостямъ. Бернетъ остался сидѣть на стволѣ и мало по малу погружился въ глубокую думу. Брови его нахмурились, на лицѣ отразилась душевная тревога. Разъ или два онъ проговорилъ: — чѣмъ все это кончится? чѣмъ кончится? Но вдругъ черты его прояснились, и онъ занялся было рѣшеніемъ какой-то простенькой задачи въ родѣ того — сколько будетъ разстоянія отъ одной звѣзды до другой, какъ вдругъ веселый голосъ Мака Грегора свелъ его съ неба на землю.

— Сюда, сюда, джентльмены! говорилъ онъ. — Сейчасъ я представлю васъ величайшему ученому, который когда либо жилъ на свѣтѣ. Потомъ вы выкупааетесь, и затѣмъ мы будемъ обѣдать. Славное слово! До сихъ поръ мы здѣсь только кормились, а обѣдать будемъ собственно говоря въ первый разъ, благодаря вашимъ запасамъ, Стерлингъ.

Всадники сбѣжились и столпились около Бернета, который всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ имъ на встрѣчу. Солнце въ это время заходило, небо на западѣ горѣло золотомъ и пурпуромъ. Высокія сосны бросали длинныя тѣни на потоптанную и помятую траву. Изъ-за лѣса доносился шумъ и гамъ трудового люда: молотки стучали, машины гудѣли, надъ вершинами деревьевъ порою поднимались снопами искры; иногда даже вывалились огненные языки. Вновь приѣхавшіе переглаживались съ изумленіемъ, которое, повидимому, очень забавляло Мака Грегора.

— Теперь позвольте васъ представить другъ другу, господа, сказалъ онъ весело: — начну съ хозяина. Вотъ передъ вами на лицо м-ръ Генри Бернетъ, тотъ самый великій ученый, о которомъ я вамъ сейчасъ говорилъ; а тебѣ, другъ мой, представляю сэра Джорджа Стерлинга. Онъ финансистъ и ищетъ новой арены для своихъ спекуляцій; мы ему доставимъ ее, не правда ли, пріятель?

Бернетъ любезно протянулъ руку представленному ему джентльмену, рослому полному мужчинѣ съ темными бакенбардами и дѣловымъ выраженіемъ лица. Затѣмъ Макъ Грегоръ кратко представилъ ему остальныхъ.

— М-ръ Вальтеръ Дюранъ, литераторъ, ищетъ новыхъ темъ для романовъ. М-ръ Викторъ Гревсъ, художникъ, ищетъ новыхъ сюжетовъ для картинъ. М-ръ Чарльзъ Блэкъ, поли-

тикъ, ищетъ новаго поста для своей дѣятельности. М-ръ Фредерикъ Гордонъ, газетный корреспондентъ, ищетъ новой мѣстности, откуда отправлять свѣдѣнія въ редакціи.

Первый изъ поименованныхъ былъ высокою красивый брюнетъ съ выразительными черными глазами, второй — бородатый блондинъ съ трубкою въ зубахъ, третій — веселый бойкій ирландецъ, четвертый — сухощавый жилистый господинъ съ весьма энергичнымъ выраженіемъ лица. Бернетъ обмѣнялся съ каждымъ изъ нихъ вѣжливымъ поклономъ и привѣтомъ; затѣмъ Макъ Грегоръ повелъ своихъ гостей по лѣсной тропинкѣ. Черезъ нѣскольکو минутъ они добрались до просѣки, на которой былъ выстроенъ посреди зеленой лужайки длинный одноэтажный деревянный домъ.

— Вотъ вамъ и помѣщеніе, господа! сказалъ онъ. — Здѣсь вы поживете, надѣюсь, весело и пріятно, нѣскольکو времени, до начала настоящаго дѣла. Идите теперъ купаться, а затѣмъ милости просимъ въ столовую.

Черезъ часъ или около того всѣ собрались въ столовой. Обѣдъ былъ поданъ на славу. Кромѣ консервовъ, привезенныхъ сэромъ Джорджемъ, на столѣ красовались различныя блюда, доставленныя ближайшимъ лѣсомъ и мѣстною рѣкою: свѣжая лососина, рѣчная форель, кролики, лопатка *тебаи*, ростбифъ изъ карибу, грибы, извѣстные въ тѣхъ краяхъ подъ названіемъ мышьихъ носиковъ, черные дрозды, дикія утки и тому подобныя вкусныя вещи. Какъ для хозяевъ, такъ и для гостей, которые проѣхались порядочно верхомъ на свѣжемъ горномъ воздухѣ, пиръ былъ истинно царскій. Вино, доставленное также сэромъ Джорджемъ, лилось въ стаканы и бокалы щедрой рукой. Бернетъ былъ задумчивъ и не особенно разговорчивъ, но Макъ Грегоръ болталъ безъ умолку, рассказывая гостямъ свои приключенія въ Тибетѣ и попеременно заставляя ихъ то смѣяться до упаду, то содрагаться отъ ужаса. Мало по малу, можетъ быть благодаря щедрымъ возліаніямъ, гости, которые были мало знакомы между собою и почему-то хмурились другъ на друга, разговорились и сошлись; каждый рѣшилъ про себя, что его случайные товарищи люди премилые, и подивился, какъ онъ до сихъ поръ былъ такъ глупъ, что не замѣчалъ этого.

Когда обѣдъ былъ конченъ, всѣ закурили сигары, и общество раздѣлилось на двѣ партіи. Бернетъ, Макъ Грегоръ и сэръ Джорджъ занялись финансовыми вычисленіями; остальные, чтобъ не мѣшать дѣловому разговору, отошли въ сторону и начали болтать.

— Скажите мнѣ, Дюранъ, спросилъ художникъ, — зачѣмъ вы собственно сюда пріѣхали?

— Вы слышали, что сказалъ Макъ Грегоръ, отвѣчалъ Дюранъ со смѣхомъ, — искать новой темы для романа.

— Чужы найдете вы новую тему въ этомъ первобытномъ лѣсу. Еще бы Блэкъ надѣялся найти здѣсь дипломатической посты!

— А вы рассчитываете раздобыться здѣсь сюжетомъ для картины?

— Интересно, о чемъ-то я буду писать отсюда въ редакціи, засмѣялся Гордонъ.

— Знаете что? вмѣшался Блэкъ:—расскажемъ каждый изъ насъ—что привело его сюда. Такъ, можетъ быть, мы скорѣе дознаемся, чего мы можемъ ожидать. Начинайте, Дюранъ!

— Извольте, отвѣчалъ Дюранъ. — Я получилъ отъ Макъ Грегора письмо строки въ четыре — не больше, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что, если я хочу заставить всѣхъ сенсационныхъ романистовъ позеленѣть отъ зависти, то долженъ сѣсть на пароходъ Аризону, идущій изъ Лондона въ Америку 15 числа прошлаго мѣсяца, и высадиться на островѣ Ванкуверѣ. „Тамъ“, писалъ онъ, „будетъ ждать васъ маленькій пароходикъ, нанятый мною для того, чтобъ отвезти васъ туда, гдѣ вы найдете проводниковъ, которые и приведутъ васъ на мѣсто“. Куда они должны привести меня—онъ не говорилъ; я думалъ, что онъ намѣренъ тащить меня куда нибудь въ Азію или въ Африку; дѣлать было мнѣ нечего: пути для англійскаго романиста такъ избиты, что я не могъ отыскать себѣ ничего подходящаго. Я повѣрилъ ему на слово и пріѣхалъ сюда.

— Почти такое же письмо получилъ и я, сказалъ Гордонъ. — Онъ написалъ мнѣ, что, если я хочу повергнуть всѣхъ „спеціальныхъ корреспондентовъ“ въ прахъ передъ собой, то долженъ сѣсть на Аризону и т. д.; я послушался, и вотъ я здѣсь.

— И мнѣ онъ написалъ въ томъ же родѣ, сказалъ Гревзъ: — если, молъ, я хочу затмить оригинальностью моего сюжета всѣхъ художниковъ древнихъ и новыхъ, то и т. д.; я послушался его, сѣлъ на Аризону и приватилъ сюда.

— А мнѣ онъ прямо обѣщалъ мѣсто, сказалъ Блэкъ, — и я пріѣхалъ сюда — конечно, также съ Аризоной — даже не спросивъ какое.

— А если онъ предложитъ вамъ такое мѣсто, къ какому вы неспособны? освѣдомился Дюранъ сухо.

— Я-то? Да развѣ есть на свѣтѣ такое мѣсто, къ какому я неспособенъ? Полноте, любезнѣйшій: вѣдь я политикъ, значитъ подобное предположеніе немыслимо.

— Еслибъ мы не знали такъ хорошо Макъ Грегора, сказалъ Гордонъ, — мы могли бы подумать, что онъ поставилъ насъ

въ весьма глупое положеніе. Повѣривъ ему на слово, мы пріѣхали сюда и вмѣсто всякихъ сюжетовъ для картинъ, корреспонденцій — словомъ, всего, что намъ нужно, нашли деревянный домъ и непроходимый лѣсъ, изъ-за котораго доносится къ намъ какая-то чертовская стукотня.

— Не сомнѣвайтесь въ Макъ Грегоръ, господа, онъ способенъ обмануть васъ, сказалъ Дюранъ съ увѣренностью. — Вотъ посмотрите, онъ выкинетъ какую нибудь такую штуку, что всѣхъ удивить.

Не прошло и десяти минутъ, какъ слова его сбылись. Макъ Грегоръ подошелъ къ нимъ и сказалъ весело:

— Ну, джентльмены, дни здѣсь жаркіе, ночи холодныя, а вечера свѣжіе, но очень пріятныя. Теперь посвѣжѣло, вечеръ славный. Надѣвайте теплыя пальто, закуривайте новыя сигары и пойдѣте съ нами: мы покажемъ вамъ наши заводы.

— Какіе заводы?

— Литейные, плавильные, угольные копи, желѣзные рудники, паровые молоты, краны и всякія такія штуки, пойдѣте!

Съ этими словами Макъ Грегоръ вышелъ; Бернетъ и сэръ Джорджъ Стерлингъ вышли вслѣдъ за нимъ. Остальные переглянулись и также пошли за первыми тремя.

Черезъ лѣсъ по скату невысокаго холма, на которомъ стоялъ домъ, вела довольно широкая просѣлка. Пріѣзжіе думали, что имъ придется идти въ глубокомъ мракѣ, но къ ихъ великому удивленію на дорогѣ было свѣтло, какъ днемъ. Ученый, путешественникъ и капиталистъ шли впереди, остальные слѣдовали за ними въ нѣкоторомъ разстояніи. Такимъ образомъ общество раздѣлилось на двѣ партіи и, какъ часто бываетъ, въ каждой партіи толковали о другой.

— Какъ вамъ нравится нашъ новый знакомый, ученый м-ръ Бернетъ, господа? спросилъ Дюранъ.

— Онъ славный малый, кажется, отвѣчалъ Гордонъ, — только какъ-то ужъ черезчуръ тихъ и спокоенъ. Впрочемъ, сейчасъ видно, что онъ человекъ недюжинный. Интересно, гдѣ это Макъ Грегоръ подцѣпилъ его и что онъ думаетъ дѣлать съ нимъ? Каково онъ рекомендовалъ его намъ, замѣтили вы? величайшій де ученый, какой когда либо жилъ на свѣтѣ! Не много сказано.

— Да, сейчасъ видно, что онъ главный козырь въ рукахъ у Макъ Грегора, сказалъ Блэкъ. — Слышали вы, какъ этотъ ученый баринъ его принялъ, когда тотъ пріѣхалъ къ нему въ Лондонъ прямо изъ Тибета?

— Нѣтъ, не слышали. Расскажите!

— Сейчасъ расскажу, мнѣ Макъ Грегоръ передавалъ. Ученый сидѣлъ въ тотъ вечеръ въ своемъ кабинетѣ, должно быть

изслѣдую — изъ чего сдѣлана луна: изъ зеленого сыра или изъ отборнаго честера. Макъ Грегору пришлось ждать чуть не полдня, пока онъ къ нему вышелъ, а вѣдь они закадычные приятели съ дѣтства.

— Да, это странная парочка.

— А баронетъ? что вы о немъ скажете?

— О! это счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

— Почему?

— Онъ уменъ — это прекрасно, и у него есть деньги — это еще лучше.

Впереди шель разговоръ такого рода:

— Что вы думаете о вашихъ спутникахъ? спросилъ Макъ Грегору у сэра Джорджа, — не правда ли, они всѣ люди надежные?

— Надежные? переспросилъ баронетъ. — Ну, не знаю: я бы не повѣрилъ ни одному изъ нихъ и пятидесяти фунтовъ. Надѣюсь, вы не дали займы ни одному изъ нихъ?

— А хотя бы и далъ! чуть не вспылилъ Макъ Грегору. — Неужели дурно одолжить человѣку, который нуждается въ помощи?

— Дурно! въ тысячу разъ хуже, чѣмъ дурно, Макъ Грегору, это непрактично!

— Ну, на этотъ счетъ у меня свои понятія. Но я спрашивалъ о ихъ надежности не въ финансовомъ отношеніи. Какъ вы думаете, всѣ они люди порядочные и храбрые, не такъ ли?

— О! въ этомъ отношеніи я не имѣю сказать противъ нихъ ничего.

Въ это время они дошли до возвышавшейся посреди дороги скалы, которую нужно было обогнуть. Всѣ трое приостановились; остальные подошли къ нимъ; всѣ вмѣстѣ обогнули скалу и остановились въ изумленіи.

За скалою былъ крутой обрывъ, обнесенный перилами на подобіе большаго деревяннаго балкона. Внизу, въ долинѣ, пылалъ и копошился настоящій адъ. Оттуда-то и слышался шумъ, который по мѣрѣ того, какъ они приближались къ обрыву, становился все громче и въ этомъ мѣстѣ былъ истинно оглушительнъ. Длинные ряды деревянныхъ построекъ, навѣсовъ, сараевъ и т. п. тянулись во всѣ стороны, ярко освѣщенные электрическимъ свѣтомъ. Громадныя печи трещали и пылали, дѣлые потоки расплавленнаго металла, разсыпая по воздуху яркіе снопы искръ, лились въ огромные чаны или въ заранѣе приготовленныя формы. Жидкая мѣдь переливалась голубоватымъ блескомъ, желѣзо — красноватымъ. Смуглые полунагіе люди суетились и совались во всѣ стороны, какъ настоящіе демоны. Исполнскіе крюки поднимали необъятныя тяжести, огромные молоты ковали раскаленную сталь, какъ мягкую мастику, страш-

ной величины пилы съ адскимъ визгомъ пилили металлическія массы такъ же легко, какъ ножикъ рѣжетъ хлѣбъ, тысячи колесъ вертѣлись во всѣ стороны. Все это сверкало, горѣло и чернѣло въ дыму и пламени; а вверху, гдѣ стояли зрители, все было свѣжо и тихо и вмѣсто фабричнаго смрада чувствовался свѣжій, ароматный запахъ молодой сосны.

Всѣ прїѣзжіе смотрѣли молча, погруженные въ глубокую думу: каждый начиналъ сознавать, что стоитъ лицомъ въ лицу съ серьезнымъ дѣломъ, и невольно задавался вопросомъ: по силамъ ли будетъ ему это дѣло, въ которомъ онъ такъ легко согласился принять участіе?

— Ну, налюбовались? слышался, наконецъ, веселый голосъ Магъ Грегора.—Пойдемте же домой, сегодня нужно лечь спать пораньше, вѣдь вы проѣхались порядочно верхомъ, такъ вѣрно рады будете отдохнуть.

Всѣ воротились въ домъ. Магъ Грегоръ указалъ каждому его „конурку“, говоря, что не смѣетъ называть спальней такое скромное помѣщеніе, а самъ накиннулъ на себя мѣховой плащъ, нахлобучилъ мѣховую шапку и закутался такъ, что видны были только его два зоркіе глаза, кончикъ загорѣлаго носа и огонекъ сигары.

— Покойной ночи, господа! сказалъ онъ весело, отворяя наружную дверь.

— Куда вы, Магъ Грегоръ? спросилъ баронетъ.

— Въ обходъ, отвѣчалъ онъ коротко и исчезъ за дверью.

ГЛАВА II

Что сталося съ индѣйцемъ

На другой день, послѣ завтрака, Магъ Грегоръ обратился къ четыремъ младшимъ членамъ своей партіи—Дюрану, Гревзу, Блэку и Гордону—съ такою рѣчью:

— Для васъ, господа, у насъ еще нѣсколько недѣль не будетъ никакого дѣла. Вслѣдствіе несчастнаго случая—къ сожалѣнію, они у насъ не рѣдки—въ нашемъ предпріятіи произошла остановка. Отдыхайте пока отъ дороги, ходите на охоту, ловите рыбу, катайтесь—здѣсь есть что посмотреть и чѣмъ поразвлечься. Для васъ найдутся у насъ и ружья, и рыболовные снаряды; мы можемъ также дать вамъ лошадей, пока отдохнуть ваши. Позабавьтесь, пока есть время.

Молодые люди не заставили повторить себѣ это два раза. Какъ скоро наступало утро, они отправлялись кто въ лѣсъ, кто къ рѣкѣ, стрѣляли карибу и прочую дичь, ловили громадныхъ лососей, ходили даже на медвѣдя, словомъ, проводили время пріятно и не безъ пользы, такъ какъ ихъ охота и рыбная ловля

доставляли свѣжую провизию къ обѣду. По вечерамъ обыкновенно собирались они вмѣстѣ, курили и болтали о томъ, о семъ, чаще всего строя предположенія, чѣмъ заняты ихъ „старшіе“, какъ они называли Бернета, Магъ Грегора и сэра Джорджа, которые почти безотлучно находились при работахъ. Но съ разспросами къ нимъ они не приставали, зная, что разгадка придетъ въ свое время. Такъ текли дни за днями, тихо, мирно, пока, наконецъ, трагическое приключеніе не нарушило этого пріятнаго однообразія.

— Никакъ я не могу понять, что за человекъ Бернетъ, сказала Блэкъ однажды вечеромъ, когда они собрались всѣ четверо въ домъ въ ожиданіи обѣда, который всегда подавался поздно. — Онъ для меня самая неразгаданная личность, какую я когда либо встрѣчалъ. Всегда озабоченъ и всегда вѣжливъ, постоянно серьезенъ, а между тѣмъ относится такъ снисходительно къ нашимъ подчасъ легкомысленнымъ выходкамъ. Утромъ онъ уходитъ изъ дома одѣтый чисто, опрятно, словно въ гости, вечеромъ возвращается весь черный, какъ трубочистъ. Не выберешь время и потолковать съ нимъ; утромъ онъ такъ сосредоточенъ въ своихъ мысляхъ, что къ нему не подступишься, вечеромъ такъ утомленъ, что жаль его тревожить.

— Онъ, кажется, до сихъ поръ не знаетъ, какъ насъ зовутъ, замѣтилъ Гордонъ. — Если ему нужно сказать что либо которомунибудь изъ насъ, онъ обращается въ нему со словомъ мистеръ и только.

— А все-таки онъ славный малый! воскликнулъ Дюранъ.

— И я того же мнѣнія, согласился Гревзъ.

Оба очень симпатизировали ученому: Дюранъ проектировалъ сдѣлать его героемъ трехтомнаго романа, а Гревзъ замышлялъ списать съ него шильонскаго узника или когонибудь въ этомъ родѣ.

— А что вы скажете о Магъ Грегорѣ? спросилъ Блэкъ. — Этому, кажется, сами черти служатъ.

— Черти не черти, возразилъ Гордонъ, — а, пожалуй, что близко къ тому. Если ему удалось забрать себѣ въ лапы такого чертовски полезнаго человека, какъ сэръ Джорджъ, значить ему, какъ говорится, бабушка воровитъ. Вѣдь такого козыря, какъ нашъ баронетъ, днемъ съ огнемъ поискать: и уменъ, и практиченъ, а богатъ-то какъ! Я думаю, онъ одинъ стоитъ...

Гордонъ приостановился, недоумѣвая даже въ какую сумму оцѣнить баронета.

— Обѣдать, господа! воскликнулъ Магъ Грегоръ, входя въ комнату. Бернетъ и капиталистъ вошли вслѣдъ за нимъ; у каждого была въ рукахъ бумажка, испещренная цифрами и фигурами, и каждый, подходя къ столу, какъ бы нехотя сунулъ свой листокъ въ карманъ, словно жалѣя, что приходится от-

кладывать въ сторону дѣловыя соображенія для такого пустаго процесса, какъ обѣдъ.

Всѣ сѣли за столъ. Разговоръ за обѣдомъ обыкновенно шелъ живо; одинъ молчаливый Бернетъ рѣдко вмѣшивался въ него, хотя, очевидно, отдыхалъ и развлекался, прислушиваясь къ болтовнѣ остальныхъ. Но въ этотъ вечеръ на трехъ „старшихъ“ напала какая-то сосредоточенность, а, глядя на ихъ серьезныя лица, присмирѣли и младшіе. Всѣ мало по малу совсѣмъ примолгли; тишина въ комнатѣ нарушалась только отдаленнымъ гуломъ, доносившимся съ заводовъ.

— Боюсь, что вы пріѣхали сюда раненъко, Стерлингъ, сказалъ, наконецъ, Макъ Грегоръ, обращаясь къ капиталисту съ необычайною для него торжественностью.

— А что? освѣдомился баронетъ съ удивленіемъ.

— На заводѣ народъ волнуется. Ходать слухи, будто большая часть мѣшковъ, что вы привезли съ собой, полна золотыхъ монетъ.

— Хоть бы и такъ, чтожь изъ этого?

— А то, что, во-первыхъ, рабочіе легко могутъ потребовать прибавки платы, которая, какъ вы сами знаете, у насъ и безъ того ненормально высока, и въ случаѣ отказа забастовать, что было бы для насъ крайне нежелательно. Во-вторыхъ, они чего добраго затѣять перерѣзать насъ всѣхъ. За деньги этотъ народецъ на все пойдетъ, особенно мулаты — сущіе дьяволы.

— Жаль въ такомъ случаѣ, что вы меня вызвали такъ рано, согласился баронетъ, слегка нахмуривъ брови. — Вѣдь я не по своей охотѣ поторопился, вы сами назначили мнѣ срокъ...

— Я и думалъ, что все готово или, по крайней мѣрѣ, будетъ готово черезъ нѣсколько дней, сказалъ Макъ Грегоръ, — но, къ несчастію, случилась ошибка; многое пришлось начать съизнова, оттого и произошла задержка.

— Это не ошибка, спокойно возразилъ Бернетъ. — Просто произошелъ несчастный случай, благодаря неопытности рабочихъ.

— Знаю, что не ваша вина, Бернетъ, постѣшилъ прибавить Макъ Грегоръ, — да дѣло-то выходитъ на то же. Къ сожалѣнію, у меня есть еще неприятная новость.

— Еще?

— Да, часть рабочихъ вошла въ сношенія съ партіей такъ называемыхъ „черноногихъ индѣйцевъ“ и подбила ихъ напасть на насъ.

— Вотъ какъ! воскликнулъ баронетъ съ испугомъ. — Когда же, вы думаете, нужно ожидать нападенія?

— Сегодня вечеромъ.

— Сегодня? можетъ ли быть! какъ же это? закричали всѣ

разомъ, поднимаясь со своихъ мѣстъ, кромѣ Магъ Грегора и Бернета. — Сегодня вечеромъ, и вы сидите такъ спокойно!

— Не тревожьтесь, господа, проговорилъ Магъ Грегоръ самымъ хладнокровнымъ тономъ. — Нашъ пріятель — онъ указалъ на Бернета — ужъ принялъ всѣ мѣры, какія нужно.

Едва успѣлъ онъ сказать это, какъ невдалекѣ послышался выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ раздался дикій воинственный влигъ.

— Не пугайтесь! повторилъ Магъ Грегоръ. — Отойдите только подальше отъ окна: я отворю ставню.

Бернетъ всталъ и, подойдя къ стѣнѣ, придавилъ какую-то пуговку. Комната, за мигъ передъ тѣмъ ярко освѣщенная, вдругъ погрузилась въ мракъ. Магъ Грегоръ подошелъ къ окну и отперъ желѣзную ставню. За окномъ царила тоже непроглядная темнота. Невдалекѣ опять раздался выстрѣлъ; очевидно, это былъ сигналъ. Бернетъ придавилъ другую пуговку — и вдругъ на весь лѣсъ, чуть не на полмили въ окружности, словно пролился яркій потокъ свѣта: на каждомъ деревѣ вспыхнули электрическіе фонари, ослѣпляя глазъ своимъ сіяніемъ. Въ то же время по близости дома раздался испуганный крикъ многихъ голосовъ, и бывшіе въ столовой увидѣли изъ окна человѣкъ пятьдесятъ индѣйцевъ, распростертыхъ на землѣ въ положеніи, выражавшемъ сильнѣйшій страхъ и полную покорность. Атака ихъ кончилась раньше, чѣмъ началась. Они надѣялись подрастаться въ темнотѣ, но, ослѣпленные внезапнымъ свѣтомъ, вообразили, что пришелъ конецъ міра и съ воплемъ ужаса пали ницъ передъ волшебникомъ, которому приписывали это чудо.

Магъ Грегоръ въ сопровожденіи остальныхъ — само собою разумѣется, что никто изъ нихъ не забылъ захватить съ собой оружіе — вышелъ къ нимъ и объявилъ имъ помилованіе. Хорошо, что онъ поторопился: бунтовщики съ завода, удостовѣрившись, что индѣйцы уже явились, и ожидая, что битва между хозяевами и ими сейчасъ разгорится, прибѣжали къ нимъ на помощь, вооруженные молотками и ломанами. Впереди бѣжали мулаты, за ними шли бѣлые рабочіе, все больше кузнецы и пиротехники, занимавшіе на заводахъ болѣе видное положеніе. Они въ сущности не были бунтовщиками, но, не въ силахъ будучи остановить движеніе, рѣшились присоединиться къ побѣдителямъ, которая бы сторона ни одержала верхъ. Положеніе „хозяевъ“ было, повидимому, довольно критическое: хотя всѣ они были вооружены скорострѣльными ружьями и револьверами, но численный перевѣсъ былъ, очевидно, на сторонѣ враговъ. Къ счастью, мулаты, увидя индѣйцевъ распростертыми на землѣ, пріостановились, и воинственный пылъ ихъ поутихъ; пошептавшись между собою, они начали было отступать, и все,

казалось, готово было уладиться, но у „хозяевъ“ былъ врагъ, опасности котораго они не подозрѣвали. Старый предводитель индѣйцевъ былъ человекъ весьма хитрый и отважный; онъ часто бывалъ между европейцами, много слышалъ о „бѣломъ колдунѣ“ — такъ называли Бернета, слава котораго успѣла проникнуть уже далеко — и понималъ, что вся суть въ немъ и что, еслибъ его не стало, то прочіе безъ него ничего не подѣлаютъ. Однако онъ ничѣмъ не выдалъ, что было у него на умѣ, и преклонилъ передъ нимъ колѣно вмѣстѣ съ прочими, но когда Магъ Грегоръ, сдѣлавъ индѣйцамъ знакъ, что они могутъ встать и удалиться, пошелъ обратно къ дому съ остальными, индѣецъ не остался со своей шайкой, а незамѣтно пошелъ за англичанами. Пропустивъ младшихъ впередъ, Магъ Грегоръ шелъ въ арберггардѣ со своими главными помощниками; индѣецъ подкрался къ нимъ сзади, какъ змѣя; въ рукѣ у него сверкнулъ длинный ножъ — и Бернетъ упалъ на землю, обливаясь кровью.

Броситься на индѣйца, схватить его желѣзной рукой за горло, повалить и придавить колѣномъ было для Магъ Грегора дѣломъ одной минуты. Но паденіе Бернета было тотчасъ замѣчено. Толпа рабочихъ, начавшая было расходиться, остановилась; индѣйцы перемѣнили покорный видъ на свирѣпый. Дѣло опять начало принимать грозный оборотъ для англичанъ: что могли они сдѣлать семеро, хотя и хорошо вооруженныхъ людей, противъ разсвирѣпѣвшей толпы человекъ въ двѣсти, ждавшей только сигнала, чтобы кинуться на нихъ. Но Магъ Грегоръ не потерялся: его удивительная сообразительность не покинула его и въ эту опасную минуту.

— Ктонибудь изъ васъ подержите эту собаку, сказалъ онъ обращаясь къ товарищамъ, — а я посмотрю, что съ Бернетомъ. Остальные стойте наготовѣ и, какъ скоро одинъ изъ этихъ негодяевъ сдѣлаетъ хоть шагъ впередъ, стрѣляйте, сплотитесь вмѣстѣ — вотъ такъ! молодцы!

Энергичный Гордонъ бросился къ индѣйцу и приставилъ къ его виску дуло своего револьвера. Прочіе живо выполнили предписанный имъ маневръ, словно вѣкъ повиновались подобнымъ приказаніямъ. Успокоившись, что индѣецъ не уйдетъ, Магъ Грегоръ подошелъ къ Бернету, у котораго кровь лилась ручьемъ. Перевязывая ему наскоро рану, Магъ Грегоръ началъ вполголоса убѣждать его въ чемъ-то.

— Нельзя ли обойтись безъ этого? проговорилъ Бернетъ слабымъ голосомъ, — тяжело...

— Полно вздоръ молотъ! Что значить жизнь одного человека въ сравненіи съ жизнью сотни людей! Неужели ты не видишь, что если намъ не удастся ихъ разсѣять, битва завя-

жется на смерть? Не думаешь ли ты, что они простоятъ такъ цѣлую ночь и будутъ смотрѣть на насъ? Стоитъ комунибудь крикнуть: „впереды!“ и вся ватага на насъ кинется. Рѣшайся, пока не поздно.

— Ну, хорошо. Слушай!

Макъ Грегоръ наклонился къ нему, и онъ въ полголоса съ сильной поспѣшностью далъ ему какія-то инструкціи.

— Понимаю, сказалъ Макъ Грегоръ, вставая. — Будетъ сдѣлано, и — повѣрь — это единственный исходъ.

Между тѣмъ обѣ враждебныя стороны все стояли одна противъ другой, не трогаясь съ мѣста, но, повидимому, горя нетерпѣніемъ вступить въ битву. Макъ Грегоръ подошелъ къ товарищамъ и шепнулъ имъ торопливо:

— Господа, этотъ индѣецъ долженъ умереть, иначе мы всѣ погибнемъ. Если намъ не удастся ихъ разогнать, они черезъ пять минутъ нападутъ на насъ. Наша жизнь на волоскѣ. Я стою за то, что этотъ злодѣй достоинъ смерти; говорите скорѣе: согласны вы со мной?

— Согласны! отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ.

— Хорошо, сказалъ Макъ Грегоръ и быстро подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ индѣецъ, не смѣя шевельнуться подъ револьверомъ Гордона.

— Вставай и иди впередъ! сказалъ онъ дикарю, наводя на него свой револьверъ и сдѣлавъ знакъ Гордону отойти къ прочимъ. Индѣецъ всталъ и вышелъ на середину площадки, окруженной собравшейся толпой. Макъ Грегоръ вынулъ изъ кармана шелковый мѣшокъ и вытряхнулъ изъ него что-то, похожее на сѣрую скользкую глину, затѣмъ отшвырнулъ мѣшокъ далеко въ сторону.

— Стань тутъ! приказалъ онъ индѣйцу, указывая ему на это мѣсто. Тотъ угрюмо повиновался и ступилъ на глину своими мокасинами.

— А вы, крикнулъ онъ окружающимъ индѣйцамъ и рабочимъ, — ни съ мѣста! иначе пеняйте на себя. Стойте и смотрите!

Въ голосѣ у него прозвучало столько энергіи, столько власти, что бунтовщики повиновались, хотя между ними пронесся глухой, злобщій гулъ.

— Поди сюда, Смитъ! позвалъ онъ одного изъ рабочихъ, котораго зналъ за главнаго зачинщика возстанія. Тотъ колебался съ минуту, затѣмъ нехотя повиновался и подошелъ къ хозяину. Макъ Грегоръ вынулъ изъ другаго кармана что-то, бережно завернутое въ шелковую ткань, развернулъ обертку и подалъ Смиту довольно тяжелую металлическую пластинку. Прочіе внимательно слѣдили за этою сценою; яркій свѣтъ

электрическихъ фонарей рельефно освѣщала ихъ блѣдныя свирѣпыя лица.

— Передай это своему пріятелю, сказалъ Макъ Грегоръ, указывая ему на индѣйца.

Смитъ взялъ пластинку и пріостановился въ недоумѣніи, словно не зная, какъ ему поступить.

— Дѣлай, что велать, не то я пристрѣлю тебя на мѣстѣ!

Невольно повинаясь магическому вліянію этого суроваго, твердаго, какъ сталь, голоса, рабочій взялъ пластинку съ напускною хвастливостью въ движеніи, точно желая сказать: „полно вамъ фарситъ!“ и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ индѣецъ.

— Близо не подходи! крикнулъ ему Макъ Грегоръ. — Передай ему издали!

Смитъ машинально повиновался. Бернетъ, все еще лежавшій на землѣ, съ усиленіемъ приподнялся и отвернулся, чтобы не видѣть происходившаго. Макъ Грегоръ напротивъ не спускалъ глазъ съ индѣйца; взглядъ его сверкалъ непоколебимой, мрачной рѣшимостью.

Диваръ взялъ пластинку съ тѣмъ же выраженіемъ угрюмаго равнодушія, которое не покидало лица его съ тѣхъ поръ, какъ его схватили. Но едва пальцы его успѣли коснуться блестящаго металла, какъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, вытянулся и словно распался въ прахъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, очутилась грудка какой-то безформенной мякоти. Смитъ въ ужасѣ отшатнулся и навѣрно упалъ бы, еслибы Макъ Грегоръ не поддержалъ его.

— Видишь? сказала онъ ему, многозначительно указывая на безобразную грудку. — Теперь ступай домой и уведи съ собой своихъ товарищей.

Толпа, объятая ужасомъ, разошлась, не говоря ни слова. Индѣйцы бросились бѣжать, какъ перепуганныя овцы. Тогда Макъ Грегоръ, внутренно торжествуя побѣду, хотя лицо его выражало одно суровое спокойствіе, подошелъ къ Бернету, который былъ въ обморокѣ, поднялъ его и съ помощью другихъ перенесъ въ домъ. Тамъ его уложили въ постель, перевязали какъ слѣдуетъ и привели въ чувство.

— Мы, кажется, всѣ обязаны вамъ сегодня жизнью, Макъ Грегоръ, сказалъ сэръ Джорджъ.

Пожалуй, что и такъ, согласился Макъ Грегоръ. — Бернетъ величайшій ученый въ мірѣ, объ этомъ спора нѣтъ, а все же иногда и простой, но энергичный человѣкъ, какъ я, можетъ пригодиться.

— Вы доказали это сегодня вполне, сказалъ баронетъ, горячо пожимая ему руку. — Но скажите, умоляю васъ, что вы сдѣлали этому несчастному диварю?

— Объ этомъ ужъ спросите Бернета. Это его видумка, хотя

вы видѣли, съ какимъ трудомъ я убѣдилъ его привести ее въ дѣйствиe. А онъ и придумалъ-то ее именно на тотъ случай, если придется дать острастку — во избѣжаніе большаго кровопролитія: вѣдь онъ зналъ съ какимъ народомъ мы имѣемъ дѣло.

— Я не рѣшусь заговорить съ нимъ объ этомъ, сказалъ сэръ Джорджъ.— Я и не добиваюсь знать, что это за ужасный составъ; скажите только, если можете, въ чемъ состоитъ его дѣйствиe?

— Онъ уничтожаетъ всякую связь между составными частями человѣческаго тѣла, отвѣчалъ Макъ Грегоръ глухо.

Никто не сдѣлалъ никакого замѣчанія. Всѣ молча простились и разошлись по спальнямъ, подавленные впечатлѣніями ужаснаго вечера.

ГЛАВА III

Стальной шаръ

На другой день работа на заводахъ шла на славу: всѣ рабочіе наперерывъ старались угодить хозяевамъ. Индѣйцы исчезли.

Макъ Грегоръ всталъ съ разсвѣтомъ и ушелъ на заводы, прежде нежели кто нибудь поднялся въ домъ. Въ продолженіе дня онъ нѣсколько разъ возвращался въ домъ для совѣщанія съ Бернетомъ, лежавшимъ въ постели; при этихъ совѣщаніяхъ присутствовалъ и сэръ Джорджъ. Остальнымъ не сидѣлось на мѣстѣ: они бродили около дома съ сигарами, оживленно разговаривая. Никому не приходило въ голову отправиться ни на охоту, ни на рыбную ловлю; всѣ были заняты происшествіями прошлаго вечера. Невдалекѣ отъ дома была насыпана свѣжая могила, и всѣ не только тщательно обходили ее, но даже старались не смотрѣть въ ту сторону.

Прошло нѣсколько дней. Бернетъ поправился и сталъ по обыкновенію выходить на работы. Вдругъ въ одинъ ясный день на заводахъ настало какое-то странное затишье. Около полудня рабочіе съ котомками на плечахъ толпами потянулись по тропинкамъ, ведущимъ изъ лѣса на берегъ; тогда младшіе члены компаніи—баронетъ, судя по всему, былъ посвященъ, если не во всѣ, то во многія тайны Бернета и Макъ Грегора—вспомнили, что когда пароходилъ, специально для нихъ нанятый, привезъ ихъ съ острова Ванкувера, капитанъ сказалъ имъ, что ему приказано остаться у берега и подождать толпу рабочихъ, которые заняты внутри страны, чтобы отвезти ихъ обратно, когда они кончатъ свое дѣло. Теперь это время повидимому наступило: на заводѣ осталась только небольшая гучка самыхъ искусныхъ рабочихъ, но имъ, повидимому, было дѣла еще довольно.

Въ этотъ день за обѣдомъ всѣ были какъ-то странно мол-

чаливы; разговоръ не клеился, можетъ быть этому содѣйствовала необычайная тишина и темнота, господствовавшія за стѣнами дома. Не слышно было оглушающаго стука паровыхъ молотовъ, не видно яркаго пламени, вспыхивавшаго бывало то и дѣло изъ заводскихъ трубъ за лѣсомъ; только мелькали изъ-за вѣтвей, словно звѣздочки, освѣщенныя окна нѣкоторыхъ строевнй, да доносились въ открытыя окна издали постукиванія ручныхъ молоточковъ. Въ темномъ тепломъ воздухѣ вѣяло какою-то тайною. Старшіе сидѣли угрюмо и сосредоточенно погруженные каждый въ свою думу, а младшіе не рѣшались приставать къ нимъ съ разпросами.

Прошло еще нѣсколько дней, и на развѣздахъ водворилась полнѣйшая тишина, даже молоточки умоляли. Тѣмъ не менѣе трое старшихъ съ утра отправились на заводъ. Что они тамъ дѣлаютъ? спрашивали другъ у друга младшіе, теряясь въ догадкахъ. Наконецъ Гордонъ, самый энергичный изъ всѣхъ, какъ и слѣдуетъ быть специальному корреспонденту, не выдержалъ и вскочилъ съ мѣста:

— Что мы тутъ мучаемся! воскликнулъ онъ. — Пойдемте и мы на заводъ, авось узнаемъ въ чемъ дѣло.

— Сходите вы и расскажите намъ, Гордонъ, спасибо скажемъ, отвѣчалъ Блэкъ, лѣниво закуривая сигару.

Прочіе также отказались идти, ссылаясь на лѣнь и жару. Гордонъ ушелъ одинъ, но черезъ полчаса рабочій принесъ Блэку коротенькую записку такого содержанія: „Идите скорѣе на заводы. Здѣсь есть диковинка, передъ которой ничто всѣ чудеса тысячи одной ночи. Гордонъ.“

— Вѣрно этотъ колдунъ Бернетъ выкинулъ какую нибудь штуку, сказалъ Дюранъ. — Это интересно. Пойдемте, Гревзъ!

Блэка не нужно было приглашать; онъ чуть не бѣгомъ побѣжалъ впередъ. Они пошли той дорогой, которая вела къ обрыву. Блэкъ добѣжалъ первый до деревяннаго балкона, наклонился внизъ и вскрикнулъ съ такимъ изумленіемъ, что его спутники бросились къ нему опростетью.

— Что случилось? воскликнули они разомъ.

— Бернетъ построилъ маленькую луну, отвѣчалъ Блэкъ. — Смотрите!

Дѣйствительно на площадкѣ передъ главнымъ зданіемъ завода сверкалъ на солнцѣ шаръ изъ вороненой стали футовъ пятидесяти въ діаметрѣ. Формою онъ напоминалъ въ точности земной шаръ и подобно ему былъ придавленъ съ двухъ сторонъ. Таково было созданіе Бернета, и вѣроятно дѣло его было кончено вполнѣ: остававшіеся еще на заводахъ рабочіе тоже собирались въ путь и одинъ за однимъ выходили на дорогу со своими котомочками.

Не легко было Бернету привести къ концу свое предпріятіе. Оно стоило ему больше года самаго упорнаго труда, но должно замѣтить, что ему пришлось употребить наибольшую часть этого времени на приготовительныя работы. Нужно было самому устроить рудники, чтобы добыть металлъ, самому прорыть копи, чтобы добыть уголь, самому построить заводы, устроить паровые молоты, краны, паровыя пилы, а главное обучить рабочихъ и заставлять ихъ работать, не спуская съ нихъ глазъ, такъ какъ малѣйшая ошибка, неточность или недобросовѣстность могли погубить все. Доставка припасовъ для продовольствія была также сопряжена съ громадными трудностями, словомъ, мѣстность для производства работъ была, повидимому, выбрана самая неподходящая, но она обладала двумя удобствами, заставлявшими забыть всѣ неудобства: во-первыхъ, тамъ легко можно было добывать въ значительномъ количествѣ металлы и уголь, во-вторыхъ, тамъ вовсе не было общественнаго мнѣнія. Въ этой уединенной долинѣ не было никого, кромѣ лицъ, приглашенныхъ Бернетомъ и Макъ Грегоромъ, и рабочихъ. Первые не захотѣли бы измѣнить ихъ тайнѣ, а послѣдніе не могли бы. Ни одинъ изъ рабочихъ не могъ бы добраться обратно до берега безъ письменнаго разрѣшенія отъ хозяевъ смотрителямъ расположенныхъ по дорогѣ складовъ съѣстнаго снабжать его припасами: онъ бы умеръ съ голода или принужденъ былъ бы воротиться. Теперь, когда дѣло было кончено и рабочіе получили расчетъ и позволеніе воротиться босвосяи, Бернету не было до нихъ дѣла: онъ зналъ, что „стальной шаръ“ — такъ назвалъ онъ свою машину — исчезнетъ съ лица земли задолго до того времени, пока они успѣютъ разболтать о немъ что нибудь. Объ индѣйцахъ онъ не заботился: они никогда не подходятъ даже близко къ европейскимъ селеніямъ, да еслибъ они и вздумали болтать, имъ никто не повѣрилъ бы. Вотъ что заставило Бернета выбрать негостепримную долину на Аляскѣ для того, чтобы трудиться тамъ надъ своею таинственною постройкою. И, наконецъ, труды его увѣнчались успѣхомъ: странный стальной шаръ, въ устройство котораго онъ вложилъ всю душу, былъ готовъ и лежалъ, сверкая на солнцѣ, передъ удивленными взглядами тѣхъ, которые смотрѣли на него съ высоты обрыва. Возлѣ него стояли Бернетъ, Макъ Грегоръ и сэръ Джорджъ. Бернетъ былъ погруженъ въ свое обычное раздумье, а сэръ Джорджъ усердно толковалъ ему что-то, чертя въ то же время цифры въ своей записной книжкѣ. Макъ Грегоръ первый оглянулся и увидѣлъ стоявшихъ наверху.

— Здравствуйте, господа! закричалъ онъ имъ своимъ веселымъ голосомъ. — Вы пришли посмотрѣть нашу диковинку. Идите сюда! сейчасъ я все вамъ покажу.

Говоря это, онъ указывалъ имъ на тропинку, по которой легко можно было спуститься въ долину. Они поспѣшили сойти. Къ шару вела деревянная подставка, по которой они дошли до него. Макъ Грегоръ отворилъ дверь, продѣланную въ немъ съ боку, и ввелъ ихъ во внутренность его.

— Смотрите сколько хотите, сказалъ онъ, — но только не требуйте отъ меня никакихъ объясненій: я самъ, хоть убейте, ничего не понимаю. Бернетъ можетъ объяснить вамъ все, но онъ выражается такимъ ученымъ языкомъ, что врядъ ли и вы чтонибудь поймете.

Вокругъ внутренней стороны шара вилась спиральная лѣстница. У этой лѣстницы, на столько отлогой, что ее вѣрнѣе можно было бы назвать скатомъ, шли перила и съ верхней, и съ нижней сторонъ, такъ что, еслибъ шаръ перевернулся вверхъ дномъ, то можно было бы ходить и по нижней сторонѣ ея такъ же удобно, какъ по верхней. Вообще въ шарѣ не было, собственно говоря, ни нижней, ни верхней стороны: одна была точнымъ подобіемъ другой. На полу стояли удобныя кресла, роскошныя мягкія кушетки, шисьменные столы и шкафы съ книгами; все это было крѣпко привинчено къ полу. Точь въ точь такіе же кресла, кушетки, столы и шкафы висѣли съ потолка вверхъ ногами.

Посреди шара была устроена, привѣшанная на цѣпяхъ, словно большая корабельная лампа, помѣстительная платформа. Къ ней былъ придѣланъ весьма большой телескопъ и со спиральной лѣстницы можно было видѣть, что она вся заставлена астрономическими инструментами; какія-то странныя расписанія, съ буквами, цифрами и линиями, до того мелкими, что ихъ казалось трудно было разглядѣть безъ увеличительнаго стекла, были врѣзаны въ массивный деревянный столъ, стоявшій по срединѣ платформы. Значительная часть внутренняго пространства шара наполнялась крѣпкими желѣзными резервуарами; къ каждому резервуару былъ прибитъ ярлычекъ съ обозначеніемъ количества его содержимаго, и, кромѣ того, на особомъ расписаніи обозначена была общая цифра содержимаго во всѣхъ резервуарахъ. Всѣ они были наполнены сжатымъ воздухомъ.

Во всей окружности шара были продѣланы безчисленныя окна, задѣланныя тройной толщины стекломъ, крѣпкимъ какъ сталь, но совершенно прозрачнымъ. Очевидно вентиляція шара должна была производиться не черезъ окно, а какимъ нибудь инымъ способомъ.

— Понимаете теперь въ чемъ дѣло, Блэкъ? спросилъ Макъ Грегоръ улыбаясь.

— Какъ нельзя лучше, отвѣтилъ Блэкъ, дѣлая видъ, что и

въ самомъ дѣлѣ понимаетъ кое-что: — впрочемъ, мнѣ еще несо-
вѣстѣмъ ясно...

— Вѣрю, перебилъ его Макъ Грегоръ со смѣхомъ. — Ну, скажу вамъ прямо, и я по всей вѣроятности понимаю столько же, сколько и вы. У меня есть передъ вами только одно преимущество.

— Какое?

— Я знаю, куда полетитъ шаръ, а вы не знаете.

— Развѣ онъ полетитъ куда нибудь? вы его продали?

— Продать его! ни за какую цѣну, хотя бы мнѣ предложили за него званіе тибетскаго далай-ламы.

— Послушайте, Макъ Грегоръ, пора бы вамъ, кажется, сообщить намъ что нибудь о вашихъ намѣреніяхъ, сказалъ Блэкъ, принимая болѣе серьезный тонъ. — Вотъ ужъ нѣсколько недѣль, какъ мы живемъ здѣсь, въ первобытномъ лѣсу, который право больше похожъ на Бэдламъ, чѣмъ на Аркадію. Вы, Бернетъ и сэръ Джорджъ затѣяли между собой какія-то проказы, а намъ ни слова о вашихъ затѣяхъ: только и знаете, что перешептываетесь и перемигиваетесь втроемъ! Вы думаете — намъ пріятно хлопать на васъ глазами, не понимая въ чемъ дѣло? Объясните, наконецъ, къ чему вамъ эта машина, которая, по правдѣ сказать, гораздо интереснѣе, но и гораздо загадочнѣе Эйфелевой башни.

— Вы совершенно правы, согласился Макъ Грегоръ. — Передъ нашимъ стальнымъ шаромъ Эйфелева башня чистѣйшій пустыкъ.

— Ну да, и я говорю то же; я только скажу вамъ напрямки: если вы не объясните мнѣ — къ чему вы его построили, я сегодня же уѣду отсюда. Я не намѣренъ ждать, чтобъ опять появились индѣйцы и чтобъ вы начали обращать ихъ въ прахъ. Меня до сихъ поръ еще дрожь беретъ, какъ я объ этомъ вспомню...

— Не горячитесь, Блэкъ. Не далѣе, какъ сегодня за обѣдомъ, вы все узнаете.

— Что именно?

— Узнаете — куда полетитъ шаръ и кто въ немъ полетитъ.

— А когда онъ полетитъ? спросилъ Блэкъ насмѣшливо.

— Сегодня ночью, отрѣзалъ Макъ Грегоръ.

— Да, пора намъ приготовиться въ путь и улечься, замѣтилъ сэръ Джорджъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ. — Вы, Блэкъ, Макъ Грегоръ и Гордонъ большіе путешественники, у васъ вѣроятно не будетъ съ собой поклажи, кромѣ развѣ запасной фланелевой блузы, да запасной пары чулокъ, ну а мы остальные люди осѣдлые, любимъ удобства. Разойдемся же пока, чтобъ заняться дѣломъ.

— Что вы думаете обо всемъ этомъ, Дюранъ? спросилъ Блэкъ на возвратномъ пути къ дому. — Понимаете вы что нибудь?

— Понимаю пока только одно: что мы сегодня покидаемъ здѣшній гостепріимный домъ, и, по правдѣ сказать, я этому очень радъ; я написалъ нѣсколько страничекъ о здѣшнихъ непроходимыхъ лѣсахъ и о здѣшнихъ горахъ съ ихъ вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ; влеку мое описаніе въ какой нибудь романъ, а больше мнѣ писать о здѣшнемъ краѣ нечего, значить и дѣлать здѣсь больше нечего.

— И я тоже, вмѣшался Гревзъ, — набросалъ нѣсколько лѣсныхъ эскизовъ съ довольно удачнымъ освѣщеніемъ и больше мнѣ здѣсь также нечего дѣлать. Ужасно хотѣлось бы назадъ, въ Лондонъ.

— А я не написалъ ни строки, замѣтилъ Гордонъ; — отсюда вѣдь не позволяется отправлять специальныхъ корреспонденцій. Но я вѣрю въ Макъ Грегора: съ нимъ я наверстаю потерянное. Онъ не такой человѣкъ, чтобъ заставить кого нибудь даромъ затратить время.

— Хорошо вамъ, отозвался Блэкъ угрюмо, — а я-то на кой чортъ сидѣлъ здѣсь столько попусту? Какая здѣсь дѣятельность для политика? Говоря откровенно, всѣ ихъ затѣи и ихъ загадочный стальной шаръ начинаютъ мнѣ казаться ужаснѣйшей чепухой!

— Не судите раньше времени, спокойно замѣтилъ Гордонъ. — Подождемъ, что скажетъ Макъ Грегоръ.

— Чуть! вспыхнулъ Блэкъ. — Что онъ намъ скажетъ? Обѣщаль сказать — куда полетитъ шаръ и кто въ немъ полетитъ... ха-ха-ха! Желалъ бы я знать, какъ онъ полетитъ. Вотъ, еслибъ они поставили его на гору да хорошенько толкнули внизъ, тогда онъ авось бы полетѣлъ, а такъ... что это?

На встрѣчу имъ шла цѣлая партія носильщиковъ съ корзинами, пакетами и ящиками, въ числѣ которыхъ Блэкъ живо узналъ знаменитый погребецъ сэра Джорджа.

— Куда вы? спросилъ онъ передоваго носильщика.

— На заводы, сэръ, отвѣчалъ тотъ.

— Зачѣмъ?

— Несемъ запасы въ стальной шаръ, сэръ.

— Однако они и въ самомъ дѣлѣ должно быть замышляютъ отправиться куда-то въ этой игрушкѣ, замѣтилъ Блэкъ въ недоумѣніи и затѣмъ всю дорогу не говорилъ больше ни слова. Всѣ молча дошли до дома, погруженные въ думу; каждый невольно задавался вопросомъ: неужели Макъ Грегоръ, котораго они всѣ знали за такого практичнаго человѣка, съ ума сошелъ, что затѣваетъ подобныя нелѣпости. Неужели Бернетъ заразилъ его своимъ ученымъ сумасбродствомъ?

— Никогда еще не ожидали обѣда съ такимъ нетерпѣніемъ,

какъ въ этотъ день, никогда такъ не торопились съѣсть его: всѣ горѣли желаніемъ слышать обѣщанныя объясненія. Наконецъ, за послѣднимъ блюдомъ, Макъ Грегоръ наполнилъ свой бокалъ до краевъ и всталъ съ мѣста, высоко поднявъ его надъ головой.

— Господа, предлагаю вамъ тостъ, сказалъ онъ, — за счастливый путь и благополучное возвращеніе всѣхъ насъ!

Всѣ присутствовавшіе весело повторили эти слова, и Макъ Грегоръ, выпивъ свой бокалъ, сѣлъ опять и продолжалъ совершенно серьезно:

— Вы помните, я обѣщаль дѣло всѣмъ вамъ, дѣло хорошее, не рутинное, изъ ряду вонъ выходящее? Вы повѣрили мнѣ на слово и пріѣхали сюда. Теперь я могу оправдать ваше довѣріе. Скажите: оно до сихъ поръ не поколебалось въ васъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! закричали всѣ съ восторгомъ.

— Ну, слушайте же! Вамъ предстоитъ путешествіе, самое далекое изъ всѣхъ, какія когда либо предпринималъ человѣкъ.

— А въ чемъ мы предпримемъ его? спросилъ Гордонъ.

— Въ стальномъ шарѣ.

Слова эти вызвали общій взрывъ негодованія. Одинъ сэръ Джоржъ молчалъ: онъ былъ очевидно посвященъ въ тайну обоихъ пріятелей.

— Вы большой шутникъ, м-ръ Макъ Грегоръ, это всѣ мы знаемъ, сказалъ Дюранъ, — но позвольте вамъ замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ ваши шутки неумѣстны.

— Увѣрю васъ, я не шучу, отвѣтилъ Макъ Грегоръ такъ серьезно, что Блэкъ дернулъ Дюрана за рукавъ.

— Не горячитесь, шепнулъ онъ ему, — будьте осторожнѣе въ словахъ, вы, кажется, выпили лишнее.

— А позвольте спросить, куда же мы отправляемся? спросилъ Дюранъ, не слушая пріятеля. — Гдѣ лежитъ тотъ отдаленный пунктъ земли, къ которому вы стремитесь?

— Пунктъ, къ которому я стремлюсь, отвѣчалъ Макъ Грегоръ, — лежитъ не на землѣ.

— Такъ гдѣ же? скажите ради Бога!

Макъ Грегоръ секунду помедлилъ отвѣтомъ, какъ бы собираясь съ духомъ, и наконецъ проговорилъ спокойно:

— На планетѣ Марсъ.

ГЛАВА IV

Страшный рискъ

Нѣсколько минутъ никто не говорилъ ни слова. Макъ Грегоръ произнесъ послѣднія слова такъ серьезно, что нельзя было допустить и мысли, будто онъ шутитъ. Видя, что всѣ

растерянно, беспомощно переглядываются между собою, онъ вдругъ обратился къ своему другу:

— Объясни имъ, Бернетъ, сказалъ онъ. — Они удивлены — это понятно. Скажи имъ все, опиши свое изобрѣтеніе.

Бернетъ рѣдко вмѣшивался въ общій разговоръ; какъ глуповѣе мыслители, онъ плохо умѣлъ болтать, хотя не былъ свободенъ отъ общей слабости ученыхъ — любилъ подчасъ сказать рѣчь. Теперь случай къ тому былъ удобный, и, кромѣ того, онъ чувствовалъ, что обязанъ просвѣтить овоихъ слушателей, поэтому успѣшилъ исполнить желаніе своего пріятеля.

— Я не удивляюсь вашему смущенію, господа, сказала онъ съ обычною своею спокойною привѣтливостію. — Слова моего друга естественно должны были показаться словами сумасшедшаго. Тѣмъ не менѣе онъ говоритъ сущую правду. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ я изслѣдовалъ одну отрасль науки, хотя не знаю — вѣрно ли будетъ назвать ее отраслью, такъ какъ она включаетъ въ себѣ элементы всѣхъ наукъ. Она обнимаетъ начало, продолженіе и конецъ всего. Въ теченіе моихъ многолѣтнихъ изслѣдованій я сдѣлалъ немало удивительныхъ открытій, но послѣднее и величайшее изъ всѣхъ было сдѣлано не болѣе года назадъ.

— Я очень помню этотъ день, замѣтилъ Макъ Грегоръ, ласково улыбаясь ему.

— Вы, конечно, знаете всѣ, что планеты движутся въ своихъ орбитахъ со скоростію въ шесть разъ пропорціональною ихъ среднему разстоянію...

— Нѣтъ, мы этого не знаемъ, вмѣшался опять Макъ Грегоръ, — но продолжай.

Слова эти смутили Бернета, онъ примолкъ на минуту и обвелъ своихъ слушателей — которые не сводили съ него глазъ, притаивъ дыханіе — взглядомъ, выражавшимъ глубокое сожалѣніе: не легко было ему говорить съ людьми, не имѣвшими понятія даже о такихъ простыхъ вещахъ, какъ скорость движенія планетъ, но говорить было надо, и онъ продолжалъ медленно, какъ бы подыскивая слова и очевидно стараясь выразиться какъ можно проще:

— Мнѣ очень трудно объяснять мое открытіе людямъ, незнакомымъ съ элементарными научными истинами, но постараюсь сдѣлать яснымъ для васъ одинъ изъ величайшихъ и самыхъ могущественныхъ законовъ природы. Я говорю о происхожденіи и сущности силы. Въ теченіе двадцати лѣтъ я постигалъ его мало по малу, но годъ назадъ я открылъ способъ примѣнять по усмотрѣнію этотъ законъ, всеобъемлющій, всемірный, всевластный и вездѣсущій. Частицу этой тайны чело-вѣкъ постигъ ужъ давно и научился обращать себѣ въ пользу

одно мѣстное условіе великаго закона. Электричество — это изъ интеллигентныхъ людей не знаетъ этой грозной, страшной и вмѣстѣ благодѣтельной силы — служить людямъ какъ рабъ, удовлетворяетъ ихъ потребностямъ, устраняетъ отъ нихъ всевозможныя неудобства. Но есть сила еще болѣе грозная, еще болѣе могущественная, дѣйствующая главнымъ образомъ за предѣлами нашей планеты.

Онъ приостановился, какъ бы не въ силахъ будучи справиться съ приливомъ мыслей, охватившихъ его, но черезъ минуту продолжалъ, постепенно воодушевляясь:

— Эта сила также знакома вамъ во многихъ своихъ проявленіяхъ. Она доставляетъ намъ съ солнца свѣтъ и теплоту, приноситъ морю съ луны приказаніе выступать въ опредѣленные часы изъ своихъ береговъ и снова возвращаться въ нихъ, заставляетъ землю вращаться на своей оси, погружая ее черезъ каждые двадцать четыре часа то въ мракъ, то въ свѣтъ. Въ ея могущественной власти вселенная безопасна, она указываетъ всему свое мѣсто, находитъ путь всему, перелетаетъ отъ солнца къ солнцу, отъ звѣзды къ звѣздѣ. Обширны и непостижимы пути ея, но мнѣ удалось открыть ея величайшую и вмѣстѣ простѣйшую тайну.

— Какую? воскликнули всѣ разомъ, дрожа отъ волненія.

— Притяженіе тяготѣнія. Оно движетъ мірами, и въ то же время, если попадетъ въ неблагоприятныя условія, эта божественная сила снисходитъ до такихъ мелочей, какъ, на примѣръ, сбрасываетъ трубы съ домовъ, ломаетъ деревья, рветъ телеграфныя проволоки. Но все это не болѣе какъ проказы отдѣльныхъ волнъ эфирной силы; тамъ же, гдѣ ей есть просторъ, она величественна, неизмѣрима, непостижима.

Онъ опять примолкъ, какъ бы погруженный въ мысленное созерцаніе этой неизмѣримости.

— Но какъ же все это относится къ вашему открытію? рѣшился спросить Гордонъ.

— Сейчасъ объясню, спохватился ученый; — та же сила, о которой я говорю, заставляетъ телеграфную стрѣлку въ Ливерпулѣ отвѣчать колебаніямъ стрѣлки въ Нью-Йоркѣ. Обрѣжьте проволоку, черезъ которую передается эта сила, или изолируйте одну стрѣлку — другая перестанетъ двигаться. Пространство между Марсомъ и землей, если можно такъ выразиться, не что иное, какъ одна непрерывная, заряженная проволока. Черезъ эту неосязаемую линію сообщенія вы могли бы послать на Марсъ телеграмму такъ же удобно, какъ посылаете депешу изъ Ливерпула въ Нью-Йоркъ черезъ Атлантическій океанъ по подводному кабелю. Скажу болѣе: всякое тѣло, изолированное отъ тяготѣнія земли, перелетѣло бы на Марсъ почти съ

моментадною быстротою, такъ какъ притяженіе тяготѣнія дѣйствуетъ съ непостижимою скоростію. Быстроту передачи свѣта можно назвать сравнительно съ этою быстротою почти неподвижною.

— Боже милосердый!

— И сегодня вечеромъ, заключилъ Бернетъ, вставая какъ бы для того, чтобы придать своимъ словамъ болѣе вѣса, но говоря совершенно спокойно, словно онъ сообщалъ самую обыкновенную вещь, — сегодня вечеромъ я изолирую стальной шаръ отъ притяженія земли, и всѣ, которые будутъ находиться въ немъ, безопасно перелетятъ на Марсъ.

— Моментадно? спросилъ Гордонъ, который въ качествѣ „спеціального корреспондента“ всегда первый поспѣвалъ съ вопросомъ.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ ученый, чуть-чуть улыбнувшись. — Это значило бы идти на вѣрную смерть. Главное мое затрудненіе, почти единственное, о которомъ стоило говорить, состояло именно въ томъ, чтобъ урегулировать скорость, съ какою мы полетимъ. Послѣ долгихъ и многократныхъ опытовъ мнѣ удалось уравновѣсить притяженіе обѣихъ планетъ такъ, что можно будетъ уменьшать и увеличивать скорость движенія по желанію хоть на милю, хоть на тысячу...

— Съ какою же скоростью мы полетимъ? спросилъ Макъ Грегоръ.

— Со скоростью 50,000 миль въ минуту, отвѣчалъ Бернетъ, садясь съ видомъ человѣка, утомленнаго такою долгою рѣчью. — Марсъ будетъ противъ земли приблизительно черезъ мѣсяцъ, но по причинамъ, которыя объясню вамъ впоследствии, я нахожу, что лучше будетъ пуститься въ путь сегодня.

Нѣсколько минутъ всѣ молчали; затѣмъ комната огласилась единодушнымъ „ура!“ Рѣчь ученаго убѣдила и воодушевила всѣхъ: Онъ не обладалъ обаятельною энергіею Макъ Грегора, не умѣлъ подобно ему увлекать людей за собою слѣпо, но таинственная сила генія ставила его еще выше: онъ умѣлъ нѣсколькими словами доказать какъ надо дѣйствовать и доказать такъ ясно, что всѣ приходили къ убѣжденію въ необходимости поступить именно такъ, какъ онъ говорилъ, а не иначе. И въ эту минуту всѣмъ казалось, что путешествіе на планету Марсъ — дѣло самое обыкновенное и что усомниться въ возможности такого путешествія или даже находить его рискованнымъ было бы просто странно.

Начались послѣднія, суетливыя приготовленія въ путь. Большая часть отбывающихъ написала письма, дружескія и дѣловыя. Сэръ Джорджъ послалъ инструкціи своимъ агентамъ, маклерамъ и банкирамъ и по привычкѣ уложилъ въ ручной

саквояжикъ, всегда сопровождавшій его въ дорогу, свою чеконую книгу, забывъ вѣроятно, что врядъ ли ему удастся размѣнять свои чеки на Марсѣ, и во всякомъ случаѣ упустивъ изъ вида, что дисконтъ на этой планетѣ можетъ быть черезчуръ высокъ. Дюранъ написалъ страстное и сантиментальное прощаніе дамъ своихъ мыслей, т. е. той особѣ женскаго пола, которая въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, занимала по его выраженію „самую большую камеру въ объемистомъ помѣщеніи его сердца“. Гревзъ наскоро набросалъ рисунокъ, представлявшій всѣхъ членовъ будущей экспедиціи за столомъ въ моментъ объявленія Макъ Грегоромъ цѣли путешествія, и послалъ свой рисунокъ въ одну изъ иллюстрированныхъ лондонскихъ газетъ. Гордонъ также отправилъ въ свою газету корреспонденціи, въ которой однако же не упомянулъ, по строгому настоянію Макъ Грегора, ни слова о затѣваемой экскурсіи. Наконецъ Блэзъ написалъ своимъ политическимъ друзьямъ, устраивавшимъ для него окружную поѣздку съ цѣлю произнесенія политическихъ рѣчей въ духѣ своей партіи, письмо, въ которомъ извинялся, что не можетъ воспользоваться ихъ услугами. Ни Бернетъ, ни Макъ Грегоръ не написали никому.

Всѣ эти письма были вручены для доставки на почту послѣднему, еще остававшемуся на фабрикѣ, самому благонадежному, рабочему, котораго позвали въ домъ и угостили прежде чѣмъ онъ отправился вслѣдъ за своими товарищами на парходъ. Вещи, принадлежащія членамъ экспедиціи, были отправлены на стальной шаръ еще раньше, и сами члены въ послѣдній разъ пошли по тропинкѣ, которая вела къ заводамъ. Вездѣ царилъ полнѣйшая темнота: электрическія лампы были сняты. Никто не говорилъ ни слова: всѣ чувствовали, что грядущая ночь должна быть для нихъ роковою, и каждый невольно задавался вопросомъ: чѣмъ она должна кончиться — трагедіей или фарсомъ. Послѣднее могло показаться вѣроятнѣе, но величье возможной трагедіи было такъ грозно, что совершенно затмѣвало нелѣпность вѣроятнаго фарса; къ тому же въ глубинѣ души каждый чувствовалъ, что фарса и не будетъ: Бернетъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ, довѣрясь ему, можно было легко очутиться въ смѣшномъ положеніи.

Съ трудомъ удалось имъ пробраться черезъ заводъ. Тамъ, гдѣ еще недавно было всю ночь напролетъ свѣтло какъ днемъ, гдѣ громадныя печи пылали краснымъ пламенемъ и расплавленный металлъ лился сверкающими потоками, не мелькало теперь ни огонька. Наконецъ они добрались до шара, чернѣвшаго во мракѣ грозной тѣни. Макъ Грегоръ, шедшій впереди, отерылъ ручной фонарь, бывшій съ нимъ, и первый ступилъ на подставку, которая вела къ шару.

— Ступайте осторожниѣе, господа, сказалъ онъ. — Если которыйнибудь изъ васъ упадетъ и ушибется, такъ что придется оставить его здѣсь, это будетъ очень жаль: вы всё можете понадобиться во время путешествія.

— Успокоительно! проворчалъ Блэкъ, ощупью пробираясь по подставкѣ.

Наконецъ всё вошли. Во внутренности шара чуть мерцала одинокая лампа, отъ которой окружающая темнота казалась еще мрачнѣе.

— Помогите мнѣ ктонибудь сбросить подставку, сказалъ Макъ Грегоръ.

Дюранъ и Гордонъ бросились помогать ему, и черезъ нѣсколько минутъ подставка съ громомъ рухнула оземь. Тогда Макъ Грегоръ заперъ двери, повернулъ массивный край и связалъ хладнокровно:

— Вамъ вѣроятно интересно будетъ узнать, что теперь мы герметически закупорены.

— Чѣмъ же мы будемъ дышать? спросилъ Блэкъ.

Вмѣсто отвѣта Макъ Грегоръ кивнулъ головой на Бернета, какъ бы желая сказать: спрашивайте у него.

— Вентеляція въ моей постройкѣ, спокойно сказалъ ученый, — кажется, можетъ назваться безукоризненною. Лишняя углекислота будетъ поглощаться, и органическія выдѣленія будутъ уничтожаться съ помощью особыхъ снарядовъ, а свѣжій кислородъ выпускается изъ резервуаровъ по мѣрѣ надобности. Словомъ, у насъ будетъ постоянно свѣжій воздухъ, именно такой, какимъ необходимо дышать, чтобъ быть вполне здоровымъ.

Сказавъ это, Бернетъ взомель на платформу и опустился въ стоявшее передъ столомъ кресло съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ показать, что здѣсь будетъ его постоянное мѣсто. Къ ручкамъ были придѣланы крѣпкіе кожаные ремни; онъ немедленно пристегнулъ себя ими къ креслу, а самое кресло было привинчено къ полу платформы. Остальные члены экспедиціи столпились на спиральной лѣстницѣ.

— Макъ Грегоръ, поди сюда, ты мнѣ будешь нуженъ, сказалъ Бернетъ, указывая своему другу на такое же кресло, съ такими же ремнями, стоявшее напротивъ его собственнаго. — А вамъ, господа, обратился онъ къ прочимъ, — я совѣтую занять мѣсто поближе къ потолку.

Макъ Грегоръ сѣлъ въ кресло и подобно Бернету пристегнулъ себя ремнями. Остальные пошли вверхъ по спиральной лѣстницѣ; сэръ Джорджъ шелъ впереди, до того занятый новостью положенія, что ему не шла даже на умъ его чековая книга, обыкновенно ни на минуту не выходившая у него изъ головы. Остановившись почти подъ самымъ потолкомъ, возлѣ

верхняго ряда оконъ, они посмотрѣли внизъ, на сидѣвшихъ на платформѣ. Бернетъ былъ спокоенъ, но Макъ Грегоръ замѣтно волновался: его глаза сверкали, лицо горѣло. Его пылая кровь кипѣла лихорадкой ожиданія.

— Не скучивайтесь вмѣстѣ, станьте поодаль другъ отъ друга! закричалъ онъ стоявшимъ наверху. Въ этотъ моментъ Бернетъ наклонился къ столу и положилъ руку на одно изъ странныхъ расписаній, вырѣзанныхъ на немъ. Въ это расписаніе были вдѣланы два крошечныхъ винтика съ приложенными къ нимъ маленькими рукоятками въ родѣ тѣхъ, какія бывають у карманныхъ часовъ. Онъ чуть дотронулся до одной изъ нихъ — и въ ту же секунду послышался трескъ и шаръ съ силою рванулся въ пространство.

— Смотрите въ окно! крикнулъ Макъ Грегоръ стоящимъ наверху.

Они взглянули въ окно и увидѣли чудо изъ чудесъ — казалось небеса и земля сдвинулись съ мѣста. Звѣзды мелькали у нихъ передъ глазами и скользили внизъ, словно гоняясь одна за другою на полуночномъ небѣ и низвергаясь въ страшную бездну. Земля исчезла вдали, млечный путь очутился внизу, на громадномъ разстояніи.

— Это легко объяснить, сказалъ сэръ Джорджъ въ полголоса. — Притяженіе Марса въ тотъ моментъ, когда Бернетъ повернулъ винтъ, было сильнѣе притяженія земли, поэтому наши ноги, понятно, обращены къ той планетѣ, которая насъ сильнѣе притягиваетъ.

— Конечно такъ, отвѣчалъ Блэкъ, стараясь шутить, — иначе и быть не могло. Это самая обыкновенная вещь въ мірѣ. Въ сущности мнѣ это даже нравится! воскликнулъ онъ весело и прибавилъ дрожащимъ голосомъ: — спаси насъ всѣхъ, Господи!

Всѣ бы охотно воскликнули: „аминь!“ но каждый сознавалъ, что трусить или, по крайней мѣрѣ, показывать, что трусить, еще рано. Тѣмъ не менѣе представители искусства и литературы, Гревзъ и Дюранъ, были блѣдны какъ полотно, „собственный корреспондентъ“ совсѣмъ растерялся, и даже великій капиталистъ смотрѣлъ далеко не молодцомъ. Только два безумца на платформѣ, повидимому, и не помышляли о томъ, чтобъ трусить. Макъ Грегоръ, казалось, былъ внѣ себя отъ восхищенія. Бернетъ былъ невозмутимо спокоенъ: онъ былъ увѣренъ въ совершенствѣ своего изобрѣтенія и зналъ, что наука не ошибается.

Между тѣмъ шаръ продолжалъ подниматься вверхъ или, какъ казалось всѣмъ, летѣть внизъ съ ужасающею быстротою. Черезъ верхнія окна можно было видѣть длинную серебристую полосу, напоминавшую рѣку, озаренную луннымъ свѣтомъ. Остальное все погружено было въ мракъ. Вдругъ Макъ Грегоръ

всталъ и, подойдя къ краю платформы, сказалъ обращаясь къ стоявшимъ на лѣстницѣ:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, господа. Прошу васъ выслушать меня внимательно.

Всѣ взгляды обратились къ нему, какъ будто впивая каждое его слово.

— Я уже сказалъ вамъ, куда лежитъ нашъ путь, продолжалъ онъ, — а м-ръ Бернетъ сообщилъ вамъ, какимъ способомъ предстоить намъ совершить его. Но теперь, въ послѣднюю минуту, я считаю долгомъ спросить васъ еще разъ: рѣшаетесь ли вы предпринять это путешествіе?

— Мы уже рѣшились, отвѣчали всѣ нетвердымъ голосомъ.

— Знаю, но пусть каждый подумаетъ еще разъ и приметъ въ соображеніе, что дѣло можетъ быть идетъ о жизни и смерти. Все, что могъ сдѣлать этотъ великій ученый — говоря это, онъ указалъ на Бернета — съ цѣлю уменьшить рискъ предпріятія, было сдѣлано, но я не скрою отъ васъ, какъ не скрываю отъ самого себя, что рискъ этотъ все еще ужасенъ. Если другъ мой ошибся какъ нибудь въ разсчетъ — чего, впрочемъ, я не думаю — если атмосфера Марса окажется невозможною для дыханія обитателямъ земли, если его жители встрѣтятъ насъ враждебно, если на насъ налетитъ метеорическое тѣло и разобьетъ нашъ корабль, мы всѣ должны погибнуть. Пусть же всякій знаетъ, чего онъ можетъ ожидать. Опасности, соединенныя съ нашимъ предпріятіемъ, поистинѣ страшны. Взвѣсьте ихъ какъ слѣдуетъ, но съ другой стороны подумайте и о безсмертной славѣ, какая ожидаетъ каждого изъ насъ, если наше предпріятіе увѣнчается успѣхомъ. Я тщательно подобралъ помощниковъ въ васъ, зная каждого изъ васъ, во-первыхъ, за человѣка способнаго принести пользу предпріятію, во-вторыхъ, за человѣка безусловно отважнаго. Не легко было подобрать людей, достойныхъ участвовать въ такомъ предпріятіи, которое можетъ показаться многимъ не только сумасброднымъ, но даже нечестивымъ, но, кажется, я сдѣлалъ удачный выборъ.

Въ отвѣтъ на послѣднія слова послышался глухой благодарственный ропотъ. Макъ Грегоръ поклонился и продолжилъ:

— Но помните, господа, вы не болѣе, какъ мои помощники въ моемъ предпріятіи, безусловный же начальникъ его я одинъ. Самъ Бернетъ теперь не болѣе какъ мой инженеръ. Онъ только править кораблемъ; во всемъ остальномъ я распоряжаюсь безапелляціонно. Это необходимо для общей бозопасности.

— Согласны! отвѣчали всѣ разомъ.

— Еще одно слово, продолжалъ Макъ Грегоръ, указывая на дверь противоположную входной. — Видите вы эту дверь? это не что иное, какъ „выдѣлительный аппаратъ“. Стоитъ повер-

нуть винтъ, и всякое вещество или то тѣло, присутствіе котораго окажется нежелательнымъ въ шарѣ, можетъ быть удалено изъ него съ весьма незначительною потерей воздуха. Если у насъ не хватитъ кислорода, и слѣдовательно насъ окажется на шарѣ слишкомъ много, я буду имѣть право назначить того изъ среды нашей, кто первый долженъ выброситься въ пространство черезъ эту дверь.

Слова эти заставили всѣхъ содрогнуться.

— Если одной жертвы будетъ недостаточно, продолжалъ Макъ Грегоръ глухимъ голосомъ, — я назначу другую и буду продолжать такъ до тѣхъ поръ, пока на кораблѣ останутся только двое — я и инженеръ. Тогда я, какъ наименѣе нужный изъ двухъ, пожертвую собой, чтобъ дать ему возможность довершить предпріятіе на пользу науки и на благо человѣчества. Если кто нибудь изъ васъ не согласенъ на эти условія, если кто нибудь боится, пусть скажетъ: земля еще недалеко, мы можемъ спуститься и высадить его, съ тѣмъ, конечно, что онъ навсегда лишается права быть участникомъ въ нашихъ поѣздкахъ, если онъ со временемъ повторится. Теперь спрашиваю въ послѣдній разъ: кто согласенъ ѣхать и кто нѣтъ?

Нѣсколько минутъ никто не отвѣчалъ. Слова Макъ Грегора произвели удручающее впечатлѣніе и поразили сердца отважныхъ искателей приключеній при всей ихъ беззаботной храбрости невыразимымъ ужасомъ. Всѣ были блѣдны какъ полотно, и, казалось, никто не могъ выговорить ни слова. Наконецъ сэръ Джорджъ, рисковавшій въ предпріятіи больше всѣхъ прочихъ — по крайней мѣрѣ въ финансовомъ отношеніи — произнесъ несомнѣнно внятнѣе, но все-таки довольно твердымъ голосомъ:

— Я согласенъ и ѣду.

— И мы согласны, и мы ѣдемъ! воскликнули разомъ Дюранъ, Гревзъ и Блэкъ. Гордонъ не сказалъ ни слова, только кивнулъ головой съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ: еще бы я не поѣхалъ!

— Молодцы! вскричалъ Макъ Грегоръ и, весь сіяющій, сбѣжалъ съ платформы, чтобъ позвать руку своимъ спутникамъ. — Спасибо вамъ! Я не ошибся въ васъ: я зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло. Ну что, инженеръ, крикнуй онъ Бернету своимъ звучнымъ голосомъ, — какъ идетъ корабль?

— По пятьсотъ футовъ въ секунду. Мы уже почти внѣ земной атмосферы.

— А притяженіе земли еще велико?

— Почти нечувствительно.

— Дайте полный ходъ!

Продолженіе будетъ

Съ англійскаго Ольга Павлова

ИЗЪ ВОСТОЧНЫХЪ МОТИВОВЪ

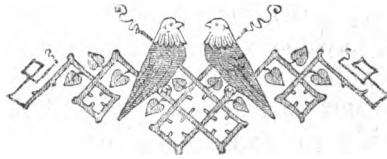
•Нѣтъ бога, кромѣ Бога!..«

(*Коранъ.*)

Старый шейхъ свершалъ намазъ
Близъ дороги, гдѣ какъ разъ
Проходилъ халифъ со свитой.
И владыки взоръ сердитый
Сталъ придворныхъ вопрошать:
— »Какъ онъ могъ, какъ смѣлъ не встать,
Не привѣтствовать какъ надо
Повелителя Багдада?«
Дрожь объяла робкихъ слугъ.
— »Здравствуй!« царь промолвилъ вслухъ.
Весь въ молитвѣ, духомъ свѣтель,
Шейхъ владыкѣ не отвѣтилъ...
— »Сочтены его часы!
»Взять его!..« И, словно псы,
Слугъ набросилась арава.
Коротка была расправа:
Къ повелителю земли
На веревкѣ привели
Старца божьяго мгновенно.
И промолвилъ шейхъ смиренно,
Мимолетный страхъ поправъ:
— »Ты халифъ, но ты неправъ!..

Еслибъ я тебѣ, царь славы,
О дѣлахъ твоей державы
Вдохновенно рѣчи велъ
И твой рабъ къ намъ подошелъ,
Гордо требуя привѣта, —
Я надѣюсь, что за это,
Правосудіе храня,
Ты его, а не меня
Проучить велѣлъ бы строго!..«
— »Да!.. нѣтъ бога, кромѣ Бога!«
Царь сказалъ, урокъ понявъ:
— »Я халифъ, — но я неправъ!«

Василій Величко

Приключенія трости и ея владѣльца

РАЗСКАЗЪ

Болеслава Пруса

Однажды я получилъ большой пакетъ съ надписью: »въ собственныя руки. Отъ Л. Веселовскаго«. Я пришелъ въ отчаяніе при мысли — не рукопись ли это какой нибудь новеллы или драматической пьесы. Оказалось, однако, что это только письмо, но зато на десяткахъ листовъ бумаги.

»У меня къ вамъ большая просьба«, писалъ мнѣ авторъ посланія; »а такъ какъ въ прошлую пятницу я вывихнулъ себѣ ногу, то могу вамъ эту просьбу сообщить лишь письменно. Я теперь скучаю такъ, какъ во всю жизнь не скучалъ, поэтому способенъ написать вамъ письмо длиннѣе бинта, которымъ мнѣ запеленали ногу. Постараюсь, впрочемъ, изъ уваженія къ вашему времени, быть краткимъ и не выходить изъ предѣловъ существеннаго.

Прежде всего васъ, конечно, заинтересуетъ вопросъ: кто этотъ проситель? Въ чемъ состоитъ его просьба и по какому поводу онъ называетъ ее *большой*?

Считаю своею обязанностью отвѣтить вамъ по пунктамъ на каждый изъ этихъ вопросовъ, причемъ мнѣ необходимо привести нѣкоторыя подробности изъ моей жизни, которыя выяснять: почему мое дѣло, на первый взглядъ ничтожное, потребовало отъ меня обращенія къ прессѣ«.

I

»Первый вопросъ: кто я такой? Меня вообще считаютъ хорошимъ человѣкомъ, и, по правдѣ сказать, я лично никогда не испытываю угрызений совѣсти. Если моему сердцу

и случается ощущать нѣкоторое легкое безпокойство, то оно обыкновенно вызывается не чѣмъ либо преступнымъ, отъ чего храни меня Богъ, а скорѣе касается недостаточно тонкаго пониманія мною супружескихъ обязанностей.

Спѣшу прибавить, что подобная щепетильность въ моихъ воззрѣнiяхъ ничуть не составляетъ плода стремлений моей природы: по моему человѣку даже слѣдуетъ немножко грѣшить, хотя бы для того, чтобы Небо имѣло возможность выказать свое милосердіе, прощая намъ наши кое-какія прегрѣшенія. Къ несчастью, т. е. я хотѣлъ сказать къ счастью, я состою мужемъ прекраснѣйшей женщины, полной такта и серьезныхъ убѣжденій, поэтому неудивительно, что и я (nota bene—послѣ тридцатилѣтняго сожителства) успѣлъ заразиться нѣкоторой долей ея щепетильности.

Счастливъ ли я? И да, и нѣтъ. Сверхъестественныхъ блаженствъ, о которыхъ пишутъ поэты, я никогда не испыталъ и нахожу, что даже любовь—единственный предметъ, въ которомъ я себя считаю вполне компетентнымъ—гораздо лучше представляется въ желаніяхъ, чѣмъ въ осуществленіи.

Но зато я не могу пожаловаться на особенно тяжелыя неудачи въ моей жизни. Ни разу я не обанкрутился, никогда не испыталъ, что значить потерять высокое положеніе, а если, на примѣръ, и случалось, что смерть похищала кого либо изъ близкихъ мнѣ людей, то большею частью дорогіе покойники завѣщали мнѣ такія порядочныя суммы, что печалиться было бы съ моей стороны очень похоже на лицемеріе.

Такимъ образомъ я живу беззаботно, не предъявляя къ жизни слишкомъ большихъ претензій. Я люблю покушать не въ большомъ количествѣ, но вкусно, выпить хоть одну рюмку вина, но хорошаго. Я легко перехожу отъ сигаръ къ папиросамъ и обратно, не испытывая при этомъ, подобно другимъ, ни малѣйшей непріятности. Я никогда не прочь въ хорошемъ обществѣ провести время въ бесѣдѣ о политикѣ или за игрой въ карты. Поутру я читаю »Figaro«, а ложась въ постель беру новый романъ, на которомъ незамѣтно засыпаю.

Во снѣ я большею частью ничего не вижу, впрочемъ, иногда мнѣ снится, что я двадцатипятилѣтній молодой человѣкъ; а если возвращаюсь съ раута, гдѣ очень поздно

ужинають, то спокойствіе моего сна нарушается кошмаромъ, въ которомъ мнѣ чудится, будто я лечу съ неизмѣримой высоты въ пропасть. Эти сны я причисляю къ величайшимъ неприятностямъ моей жизни. Обыкновенно они сопровождаются большимъ безпокойствомъ и крикомъ. Жена просыпается и испуганно спрашиваетъ: — что съ тобой?

Протираю глаза, прихожу въ себя и отвѣчаю:

— Ничего, ничего, спи, милая.

— Какъ ничего? Ты кричалъ... Теперь у меня сонъ пропалъ. Вотъ, что значить поздно ужинать. Ты нисколько не заботишься о своемъ здоровьи...

Весь слѣдующій день проходитъ въ упрекахъ насчетъ несоблюденія мною правилъ гигиены.

Проводя такимъ образомъ всю жизнь то во снѣ, то бодрствуя, я подчасъ думаю, что и въ самомъ дѣлѣ »жизнь есть сонъ«. Вспоминая пролетѣвшіе годы дѣтства и потомъ юности, когда я считался искуснымъ танцоромъ и ради дочери интенданта, моей сосѣдки, учился играть на флейтѣ, я вижу все прошлое точно во снѣ.

Надо вамъ сказать, что мое умѣніе играть на флейтѣ еще и теперь услаждаетъ мнѣ жизнь, а нѣкогда оно чуть было не сдѣлалось для меня источникомъ всемірной славы. Вообразите себѣ, вѣдь я однажды собирался участвовать въ любительскомъ концертѣ съ благотворительною цѣлью. Объ этомъ было объявлено въ афишахъ, и я нарочно выучилъ къ назначенному дню двѣ аріи. Но вотъ что случилось. Когда я вышелъ на эстраду и взглянулъ на густую массу сидѣвшей передо мною публики, на меня напалъ такой страхъ, что пальцы окоченѣли, дыханіе сперлось, и я какимъ образомъ не въ силахъ былъ дунуть въ инструментъ. Мнѣ принесли стаканъ вина (вмѣсто воды); нѣкоторые изъ слушателей пытались меня поощрить доброжелательными аплодисментами, но все оказалось напраснымъ. Вино я выпилъ, низкій поклонъ за поощрительный приемъ совершилъ, но выдуть какой нибудь звукъ изъ флейты такъ мнѣ и не удалось, я даже сохранилъ на память N газеты, въ которой былъ описанъ этотъ инцидентъ.

Не взирая на меланхолическое убѣжденіе, что »жизнь есть сонъ«, я не могу сказать, чтобы меня никогда не занимали »высшія цѣли«. Такою цѣлью я считаю, напри-

мѣръ, какое нибудь почетное положеніе, что совпадаетъ и съ требованіями моей жены.

Надо знать, что моя супруга происходитъ изъ рода, проникнутаго амбиціей, члены котораго всегда занимали какія нибудь значительныя мѣста. Поэтому, когда я за нее посватался, мнѣ было поставлено на видъ, что, хотя я имѣю порядочное состояніе, но лишень »положенія«. Вотъ почему я тогда же причислился къ комисіи внутреннихъ дѣлъ, и только послѣ этого состоялась наша свадьба. Вскорѣ же послѣ моей женитьбы приключился со мной вышеописанный случай въ концертѣ, изъ-за котораго я до такой степени »паль духомъ«, что родные мои и моей жены (для огражденія меня отъ возможнаго посягательства на самоубійство) уговорили насъ уѣхать за границу.

Тамъ мы провели года два, потомъ возвратились и опять уѣхали. Вслѣдъ за этимъ явились хлопоты родительскія—воспитаніе дѣтей, замужество старшей дочери. Время какъ-то незамѣтно и прошло.

Теперь только, по прошествіи тридцати пяти лѣтъ, жена вдругъ опять вспомнила, что мнѣ необходимо занимать какое нибудь высшее почетное положеніе.

Нашъ разговоръ съ ней объ этомъ предметѣ недавно произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Солнце садилось и въ комнатѣ моей жены темнѣло. Она сидѣла на креслѣ и вышивала мнѣ туфли. Лицо моей жены, всегда напоминающее холодную красоту статуи, въ эту минуту отличалось особенно строгимъ видомъ.

Обративъ вниманіе на это обстоятельство, я мысленно поспѣшилъ возстановить въ своей памяти исторію моего поведенія за послѣдніе дни. И, хотя не припомнилъ ничего заслуживающаго упрека, но все-таки меня охватило столь сильное безпокойство, что я, присѣвъ на стуль, не могъ открыть рта. »Ужъ не насплетничаль ли ей кто нибудь?« Это подозрѣніе вызвало во мнѣ дрожь, пробѣжавшую вдоль всей моей спины. Жена, между тѣмъ, смотрѣла на меня въ упоръ своимъ спокойнымъ, но пронизательнымъ взглядомъ.

— Вѣдь мы теперь получаемъ двѣнадцать тысячъ въ годъ? Такъ начала она.

— Если не больше, отвѣчалъ я.

— Даже нѣсколько меньше, продолжала она.

— Непремѣнно больше, настаивалъ я, чувствуя, что во мнѣ просыпается духъ противорѣчія.

— Повѣрь мнѣ, что меньше, прервала она меня, въ то же время пронзая своимъ суровымъ взглядомъ, — я лучше это знаю.

— Можетъ быть.

— Ну, такъ слушай, протяжно говорила жена. — У насъ немного меньше двѣнадцати тысячъ, одна дочь замужемъ, другая невѣста, а главное у насъ сынъ, которому тридцать три года. Все какъ будто и хорошо, а на самомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ ни счастья, ни покоя.

— Помилуй, душечка, откуда ты взяла?

— Не отпирайся: я вижу часто, какъ ты зѣваешь.

— Я?

— И зѣваешь отъ тоски, отъ недостатка дѣла.

На послѣднихъ словахъ сдѣлано было удареніе.

— А когда ты зѣваешь, продолжала она, — я вздыхаю, думая о томъ, что столько лѣтъ прошло, а ты не выхлопоталъ себѣ »положенія« и что сынъ нашъ Мечиславъ идетъ прямо по твоимъ слѣдамъ. У насъ столько знакомыхъ разныхъ президентовъ, вице-президентовъ, директоровъ и членовъ правленій, что право мнѣ стыдно подумать: почему ты не въ ихъ числѣ. Прошу тебя, хотя ради того, чтобы подать примѣръ сыну, выхлопochи себѣ какое нибудь мѣсто, а я ужъ сама позабочусь о сынѣ.

Въ эту минуту я замѣтилъ, что моя жена очень поспѣдѣла и, поцѣловавъ ей руку, сказала:

— Всѣ сдѣлаю, какъ тебѣ угодно и какъ ты прикажешь.

Когда я послѣ этого разговора очутился въ своей комнатѣ, то усѣлся на пезлонгъ, чтобы обсудить положеніе. Конечно, разсуждалъ я, Евочка (мою жену зовутъ Евой), права. Хотя бы для того, чтобы показать примѣръ сыну, мнѣ слѣдуетъ прискаты мѣсто, которое дало бы мнѣ какое нибудь почетное званіе. Тѣмъ болѣе, что это согласовалось бы съ моими постоянными мечтами въ томъ же направленіи. Цѣлый потокъ размышленій на эту тему былъ прерванъ только тѣмъ, что я задремалъ. Я проснулся въ полной рѣшимости занять первое подходящее мѣсто. Въ виду этого я напелъ необходимымъ заказать свой портретъ.

Не можетъ быть, чтобы вы не обратили вниманія на

фигурировавшій лѣтъ пять тому назадъ на выставкѣ портретъ мужчины въ полной силѣ зрѣлаго возраста, съ сѣдой коротко остриженной бородой и совершенно юнымъ цвѣтомъ лица. Около него постоянно толпилась публика, особенно женщины, и я самъ не разъ слышалъ такіе отзывы:

— Посмотри—какое свѣжее лицо!..

— Какая живость глазъ!..

— Прелестный старикъ!

Это былъ мой портретъ, оконченный ровно черезъ мѣсяцъ послѣ моего рѣшительнаго разговора съ женой. Я долженъ вамъ признаться, что женщины, называя меня старикомъ, говорятъ не то, что у нихъ на умѣ. Онѣ отлично сознаютъ во мнѣ (да я и самъ чувствую въ себѣ) молодость съ головы до ногъ. Преждевременная сѣдина ничего не доказываетъ; въ нашемъ семействѣ она наследственная. Мой покойный отецъ уже на 57 году былъ совершенно сѣдымъ.

II

Можетъ быть вамъ покажется, что я черезчуръ много распространяюсь о себѣ. Простите, но согласитесь, что очень приятно вспоминать о своихъ, хотя бы и скромныхъ, заслугахъ; особенно когда лежишь съ забинтованной ногой.

Прежде, чѣмъ сообщить сущность моей просьбы, слѣдуетъ, хотя вкратцѣ, рассказать вамъ: какія усилія мнѣ пришлось совершить для завоеванія себѣ положенія въ обществѣ, а также о нѣкоторыхъ таинственныхъ происшествіяхъ, которыя впутались въ эти усилія.

Предупреждаю васъ, что во мнѣ нѣтъ суевѣрія, и я ни въ какія чудеса не вѣрю; напротивъ, я скорѣе скептикъ. Тѣмъ не менѣе исторія моей трости, которую я вамъ сейчасъ расскажу, убѣдила меня, а можетъ быть убѣдить и васъ, что существуютъ на землѣ такія дѣла, какихъ и философовъ не увидать во снѣ.

Прошу васъ обратить особенное вниманіе на то, какимъ образомъ произошло мое первое знакомство съ моею тростью.

У меня привычка: проходя по улицамъ заглядывать въ окна магазиновъ. Это одинъ изъ способовъ приобрѣсти знакомство съ какойнибудь красивой продавщицей, высмотрѣть какойнибудь недорогой подарокъ для добродѣтельной

и нетребовательной дѣвицы и, въ крайнемъ случаѣ, провѣрить себя лишній разъ въ оконномъ стеклѣ вмѣсто зеркала. Я не переношу безпорядка въ костюмѣ и терпѣть не могу, если у меня подвернется воротникъ или подыметя галстукъ. Пятнышко на отворотѣ сюртука въ состояніи испортить на цѣлый день мое расположеніе духа.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ я примѣтилъ въ окнѣ токарнаго магазина прехорошенькое личико. Я остановился и, подъ видомъ разглядыванія выставленныхъ палокъ, трубокъ, мундштуковъ, шахматныхъ фигуръ и домино, бросалъ сладостные взгляды на прекрасную продавщицу, которая, постигнувъ смыслъ признаковъ моего расположенія, многозначительно улыбалась. Я уже рѣшился было привѣтствовать ее приподнятіемъ шляпы, какъ вдругъ я остолбенѣлъ: въ числѣ разнаго фасона палокъ стояла одна черная тросточка, набалдашникомъ которой служила выточенная головка негра съ бѣлыми оскаленными зубами, ярковишневыми большими губами и главное съ чрезвычайно живо сдѣланными, выразительными глазами. Казалось, въ нихъ таилась жизнь и сквозила мысль.

Въ самый моментъ, когда я подымалъ руку къ шляпѣ, чтобы поклониться красавицѣ, я увидѣлъ ясно, что негръ смотритъ прямо мнѣ въ глаза и громко смѣется. Онъ даже откинулся назадъ, какъ бы падая отъ смѣха, причемъ такъ широко раскрылъ ротъ и такъ явно издѣвался надо мной, что, будь это живой человѣкъ, хотя бы и негръ, я вынужденъ былъ бы потребовать отъ него объясненій.

Пока я успѣлъ прийти въ себя и подумать, что, какъ бы ни было, а вѣдь я имѣю дѣло не болѣе какъ съ искусно выточенной тростью, незнакомка исчезла въ окнѣ, какъ чуждое мимолетное видѣніе.

Съ той поры я часто проходилъ мимо магазина токарныхъ издѣлій, но уже незнакомки не было. За то трость съ головой негра приобрѣтала болѣе и болѣе жизненности и выраженія. Иногда мнѣ казалось, что негръ, склонившись въ сторону своего сосѣда-набалдашника въ формѣ головы старика, бесѣдуетъ и шепчется съ нимъ; по временамъ мнѣ казалось, что онъ узнаетъ меня. То онъ мнѣ явно кланялся, нагибаясь къ самому окну, то, обиженный моею сдержанностью, стоялъ прямо и показывалъ видъ будто смотритъ куда-то на противоположную сторону улицы или

обращался съ насмѣшливой миной къ другой палкѣ съ ручкой, изображавшей конское копыто.

Доживъ до 60-ти лѣтъ, я никогда не ходилъ съ палкой; у меня и не было въ заводѣ палокъ. Но на шестидесятомъ году у меня явилось желаніе пріобрѣсти тросточку не для того, чтобы опираться — въ этомъ я и теперь не нуждаюсь — но я замѣтилъ, что съ палкой въ рукѣ моя наружность получаетъ болѣе внушительности. До сихъ поръ я имѣлъ обыкновеніе держать въ правой рукѣ не надѣтую перчатку, но теперь я пришелъ къ заключенію, что такая манера можетъ быть къ лицу только развѣ мужчинѣ отъ 20 до 30 лѣтъ.

Не знаю почему, входя въ магазинъ, я почувствовалъ усиленное бѣненіе пульса. вмѣсто красивой продавщицы я увидѣлъ за прилавкомъ какого-то прокопченнаго дымомъ господина въ круглыхъ очкахъ. Смотрю на окно — нѣтъ моего негра.

— У васъ тутъ была тросточка съ головой негра — я бы хотѣлъ ее купить.

— Негра? Удивительный случай! Его у меня только что купилъ какой-то господинъ; но я могу вамъ предложить болѣе подходящую трость—вотъ, на примѣръ, съ гладкимъ шаромъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, возразилъ я и вышелъ изъ магазина почти печальный,

Но что вы на это скажете?... Прохожу на слѣдующій день мимо и вдругъ вижу мой негръ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Стоитъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, будто подмигиваетъ мнѣ.

»Иди скорѣй, а то меня опять кто нибудь купитъ«, казалось, шепталъ онъ мнѣ торопливо и съ ясно написаннымъ на его лицѣ безпокойствомъ.

Понятно, я вбѣжалъ въ магазинъ съ вопросомъ:

— Негръ здѣсь?

— Какже! и удивительно то, что сейчасъ же послѣ васъ вчера пришелъ господинъ, который было купилъ его, и просилъ переимѣнить на другую тросточку съ журавлинымъ клювомъ.

— Что кому нравится, отвѣчалъ я. — Что вы хотите за этого дьявола?

— Всего два рубля.

Я заплатилъ два рубля, и съ этихъ поръ мы не разлучны съ моимъ негромъ. Если мнѣ и случалось его забывать иногда, то всякій разъ онъ возвращался ко мнѣ самъ, всегда сопровождая свое возвращеніе множествомъ хлопотъ и даже огорченій.

Какъ уже сказано, я ничуть не подверженъ суевѣрію, но мнѣ кажется, что въ моей трости отбываетъ покаяніе какой нибудь дьяволъ, въ которомъ завелась особенная ко мнѣ симпатія.

Вы только выслушайте, что онъ мнѣ натворилъ въ какіе нибудь нѣсколько дней послѣ того, какъ перешелъ въ мою собственность.

Я забылъ васъ предупредить, что хотя у меня живой темпераментъ, но довольно кроткій характеръ. Ссоры съ людьми у меня случались, но не помню, чтобы я кого нибудь ударилъ; такъ было, разумѣется, только до фатальной покупки трости съ негритянской головой.

Съ этого роковаго момента мною овладѣла какая-то дикая жажда на комъ нибудь испробовать новое жестокое орудіе, которое я теперь крѣпко и злобно сжималъ въ рукѣ.

На четвертый день послѣ совершенія несчастной покупки я шелъ по тротуару »Новаго Свѣта«. Иду крупными шагами и замѣчаю, что какая-то подозрительная личность вертится около меня и нахально заглядываетъ мнѣ въ глаза. Вѣрно мошенникъ, думаю себѣ. Ну и задамъ же я тебѣ, только тронь меня!

Въ эту минуту, какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли, кто-то тронулъ меня за карманъ. Я обернулся и вижу того же проходимца съ самой невинной миной, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Ахъ ты каналья! думаю себѣ. Вся кровь хлынула мнѣ въ голову, и я хватилъ тростью по чемъ попало.

— Господи помилуй! — закричалъ подозрительный человекъ. — За что вы меня такъ огрѣбли?

— Кто ты такой, мошенникъ? закричалъ я, хватая его за руку.

— Да развѣ меня не узнаете?.. Я вѣдь Павелъ, лакей господина Бедржинскаго!

— Зачѣмъ же ты ко мнѣ такъ подкрадывался?

— Потому что я несъ вамъ письмо отъ своего барина... О, Господи!..

— Почему же ты сразу не сказалъ?

— Я не смѣлъ приступить къ вамъ — вы на меня такъ свирѣпо смотрѣли.

Я, разумѣется, далъ этому бѣдняку три рубля, но толпа ротозѣевъ успѣла насъ окружить, и мы принуждены были идти въ участокъ для составленія протокола, а на другой день газеты огласили это происшествіе и представили меня сумасшедшимъ.

Чего только изъ-за этого подлеца негра не наслушался я отъ моей жены! Мнѣ страшно даже повторять.

Уже въ то время во мнѣ зародилось подозрѣніе относительно роковаго вліянія вновь пріобрѣтенной палки на мою судьбу, но, посмотрѣвъ внимательно на негра и встрѣтивъ въ выраженіи его лица озабоченность и испугъ, я пожалъ плечами и подумалъ:

— Что за глупость приписывать куску простаго дерева какія-то волшебныя свойства. Чѣмъ виновата трость въ бессмысленномъ инцидентѣ? Я нахожу, напротивъ, что она вела себя прилично обстоятельствамъ, на сколько отъ нея зависѣло...

Но я забылъ вамъ сказать—кто такой Бедржинскій и въ чемъ состояло содерженіе его письма, врученнаго мнѣ его лакеемъ Павломъ при столь неблагоприятныхъ обстоятельствахъ.

Буду краткимъ. Каждый человѣкъ можетъ имѣть и даже имѣть нѣсколько любовницъ, но истиннаго друга только одного. Бедржинскій (и именно Теофилъ Бедржинскій, ибо я знаю ихъ нѣсколько) состоитъ моимъ единственнымъ другомъ. Мои отношенія къ нему подтверждаютъ истину, что настоящая дружба возможна только между людьми съ противоположными характерами. Я и онъ — два контраста.

Онъ — старый холостякъ, я — семьянинъ; онъ вѣчно боленъ и стонетъ, у меня избытокъ силъ; онъ безобразенъ, какъ мефистофель, я... Но лучше всего могло бы служить оцѣнкой моей наружности мнѣніе Бедржинскаго, который постоянно уговариваетъ меня позировать у Матейки для изображенія въ исторической картинѣ какого нибудь сенатора, гетмана или короля. Къ числу контрастовъ при сравненіи меня съ Теофилемъ надо прибавить, что онъ терпѣть не можетъ женщинъ и потому судить о нихъ строже, чѣмъ онѣ заслуживаютъ, я же, напротивъ, такъ ихъ

люблю, что закрываю глаза, если вижу въ нихъ даже и дѣйствительные недостатки. Ко всему этому надо прибавить то существенное различіе между нами, что въ то время, какъ я тоскую въ вѣчномъ желаніи пріобрѣсти какое нибудь почетное положеніе, онъ наполняетъ свою жизнь заботами объ акуратномъ полученіи дохода съ жильцовъ своего дома и веденіемъ съ ними судебныхъ процессовъ.

Ничуть не жала я унижить моего пріятеля, я долженъ еще разъ повторить, что онъ не изъ числа красавцевъ. Маленькій худой, съ желтоватыми глазами и чертами лица хищной птицы, онъ имѣетъ репутацію ростовщика, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ большую часть своихъ доходовъ употребляетъ на уплату чужихъ долговъ, по которымъ онъ былъ поручителемъ. И что это за простая и честная натура!..

Напримѣръ, онъ спрашиваетъ меня:

— Скажи, пожалуйста, что значить, что Фитульскій пересталъ мнѣ кланяться и вездѣ меня ругаетъ?

— Что же онъ о тебѣ говорить?

— Это, говорить, зелье!

— Вѣрно ты за него поручился.

— Да вѣдь въ чемъ я поручился, то акуратно и плачу. Чего же онъ еще хочетъ?

— Можетъ быть именно это-то ему и непріятно.

— Не понимаю!

— Ты ничего не понимаешь! Вспомни поговорку: »хочешь себѣ нажить врага — дай займы«.

— Я вѣдь ему не одолжалъ, а только поручился за него.

Легковѣріе его необыкновенно. Читаетъ всевозможныя газеты, выводитъ изъ всесвѣтныхъ извѣстій политическія комбинаціи и вѣчно пророчить близкую войну, увѣряя меня при этомъ, что свѣдѣнія его изъ такого источника, о которомъ онъ даже не рѣшается сказать. Однажды, будучи съ нимъ въ ресторанѣ, я убѣдился, что сидѣвшіе за сосѣднимъ столикомъ какіе-то молодые люди нарочно вели между собою разговоръ о политическихъ новостяхъ, чтобы имѣть удовольствіе наблюдать за моимъ пріятелемъ, который пренаивно принималъ все, что они для него выдумывали, за чистую манеру. Когда мнѣ стало очевидно, что пріятель мой служитъ для этихъ малокососовъ объектомъ веселаго

издѣвательства, меня это такъ взорвало, что я выбѣжалъ съ досадою изъ ресторана. Бедржинскій выскочилъ вслѣдъ за мной, полагая, что я почувствовалъ себя дурно. Когда онъ узналъ о причинѣ моей рѣшимости не оставаться въ обществѣ дерзкихъ нахаловъ, то сказалъ: » правда, они нѣсколько благеры, но зато милѣйшіе люди«. Вообще этотъ человѣкъ съ ангельскимъ сердцемъ, хотя и съ хищной физиономіей.

— Вотъ отъ него-то я получилъ письмо, послужившее ближайшимъ поводомъ моего поступка (до сихъ поръ я краснѣю!) съ лакеемъ.

Пріяель мой писалъ мнѣ, что при содѣйствіи его и его друзей я могу рассчитывать на избраніе меня въ члены правленія кредитнаго общества или, по крайней мѣрѣ, въ ревизіонную комиссію, и увѣдомлялъ меня, что страдаетъ катарромъ и лежитъ въ постели.

Предложеніе Бедржинскаго мнѣ понравилось. Я поѣхалъ къ нему, чтобы условиться относительно плана кампаніи.

Черезъ недѣлю мы вошли въ большую залу, въ которой уже сидѣло до двухсотъ человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ бѣсѣдовали о театрѣ, другіе о цѣнахъ на зерновой хлѣбъ. Одинъ дремалъ, другой обрѣзалъ себѣ ногти, а какой-то субъектъ жалобнымъ голосомъ объяснялъ собранію, что вслѣдствіе неспособности правленія общество можетъ обанкрутиться и въ доказательство приводилъ вкравшуюся въ отчетъ ошибку на 2 рубля 17 копѣекъ.

— Кто поручится, милостивые государи, что въ будущемъ году та же цифра не передвинется въ другую графу и что отъ этого не произойдетъ ошибка въ нѣсколько сотъ тысячъ милліоновъ рублей...

Послѣ этого заявленія въ залѣ поднялся шумъ невообразимый. Всѣ присутствующіе заголосили вдругъ, но громче всѣхъ раздавался зычный голосъ сидѣвшаго впереди меня мужчины атлетическаго сложенія съ щенистыми усами и лицомъ тигра. Онъ съ такимъ азартомъ оппонировалъ предшествовавшему оратору, что при этомъ стгоряча не замѣтилъ, какъ оттопталъ мозоли своему сосѣду, стучалъ стуломъ и толкнулъ его назадъ, прямо на Бедржинскаго. Въ заключеніе никѣмъ не уполномоченный ораторъ объявилъ, что въ этомъ собраніи никому нельзя довѣрять — ни управленію, ни его оппонентамъ.

Много времени должно было пройти прежде, чѣмъ колокольчику удалось успокоить смятеніе. Бедржинскій очутился у предсѣдательскаго стола, и я видѣлъ, какъ онъ что-то шепталъ членамъ правленія. Тутъ я невольно вздохнулъ, подумавъ: какой бы у меня важный былъ видъ, если бы я сидѣлъ между ними.

Бедржинскій подбѣжалъ ко мнѣ и убѣдилъ меня, что я обязанъ держать рѣчь, потому, что меня записали.

Лишь только я всталъ, какъ господинъ съ щетинистыми усами повернулся ко мнѣ вмѣстѣ со стуломъ и, смотря на меня въ упоръ, произнесъ:

— Это еще что за новый Демосеенъ?

Догадываясь, что имѣю дѣло съ противникомъ моей кандидатуры, я гнѣвно вскипѣлъ, но въ то же время, подчиняясь вдохновенію, рѣшилъ поразить моихъ оппонентовъ краснорѣчіемъ.

— Милостивые государи, началъ я, хотя здѣсь, въ этомъ почтенномъ собраніи, я человекъ новый, такъ какъ я, можно сказать, одной ногой еще стою среди той большой публики, гдѣ складывается общественное мнѣніе, но я считаю себя въ правѣ отъ имени послѣдняго заявить благодарность правленію за его честную дѣятельность...

— Хотѣлъ бы я знать, прервалъ меня тигроподобный господинъ, — кто его уполномочилъ говорить отъ лица цѣлаго народа?

Сказавъ это, онъ взглянулъ на меня съ пренебреженіемъ и удалился изъ залы.

— Превосходно началъ! шепталъ мнѣ въ это время Бедржинскій, — продолжай смѣлѣе!

— Ни за что! отвѣчалъ я. — Кто этотъ грубіанъ?

— Это Штейнбергъ, полковникъ прусскихъ драгунъ, немного скандалистъ, но въ сущности хорошій человекъ, отвѣчалъ мнѣ мой пріятель.

Я хотѣлъ было бѣжать вслѣдъ за этимъ прусскимъ полковникомъ, чтобы вызвать его на дуэль, но Бедржинскій удержалъ меня, потому что началась баллотировка. По окончаніи счета голосовъ оказалось, что Бедржинскій и я получили при выборахъ въ ревизіонную комиссію по одному голосу.

По этому поводу присутствовавшіе разразились взрывомъ хохота, что склонило меня и Бедржинскаго покинуть

залу собранія. Я былъ въ такомъ бѣшенствѣ, что рѣшилъ ни за что болѣе не оставаться членомъ собранія.

Въ придачу ко всѣмъ неудачамъ мнѣ обмѣнили калоши и вмѣсто моей трости съ головой негра оставили мнѣ какую-то палку съ собачьей головой. Мой негръ исчезъ.

Цѣлую ночь я не могъ заснуть—частью отъ сильныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ собранія, частью же потому, что я скучалъ по трости, къ которой уже успѣлъ привыкнуть.

На другой день около полудня мнѣ подали конвертъ съ визитной карточкой »Полковникъ Іоганнъ Штейнбергъ«, на которой значилось:

»Препровождаю вамъ вашу палку съ покорнѣйшей просьбой возвратитъ мнѣ мою изъ чернаго дерева«.

Потерянный было негръ возвратился ко мнѣ, но при такихъ обстоятельствахъ, что я не могъ и порадоваться какъ слѣдуетъ.

Какъ! разсуждалъ я, этотъ скандалистъ самъ перемѣнилъ мою палку, и онъ же мнѣ посылаетъ дерзкія записки! Ну, такъ постой же, любезный!

Я сѣлъ къ столу и написалъ на своей карточкѣ въ отвѣтъ грубіяну:

»Отсылаю вамъ вашу палку чернаго дерева и вмѣстѣ съ тѣмъ старыя калоши съ покорнѣйшею просьбой возвратитъ мнѣ мои—новыя«.

Этотъ краткій и энергическій отвѣтъ доставилъ мнѣ самое искреннее удовольствіе, которое однако быстро смѣнилось менѣе пріятнымъ чувствомъ, когда черезъ часъ послѣ этого ко мнѣ явились какихъ-то два господина и съ ними лакей со сверткомъ въ рукахъ.

Отрекомендовавшись мнѣ, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Полковникъ Штейнбергъ утверждаетъ, что вы, милостивый государь, обвиняете его въ намѣренномъ подмѣнѣ калошъ, и, обращаясь къ лакею, онъ продолжалъ: — покажи калоши полковника.

Вынутыя изъ свертка калоши оказались такихъ размѣровъ, которыя могли бы прійтись впору развѣ слону и снабжены были инициалами Штейнберга.

— Да, произнесъ я,—это не мои калоши.

— Итакъ, вы признаете, что эти калоши не ваши?

— Это очевидно.

— И вы согласны просить извиненія у полковника за нанесенное ему оскорбленіе?

— И не думаю! воскликнулъ я съ досадой.

— Въ такомъ случаѣ вы дадите ему удовлетвореніе съ оружіемъ въ рукахъ.

Съ удовольствіемъ: г. Штейнбергъ столько разъ оскорбилъ меня, что, несмотря на мои лѣта, я готовъ съ нимъ стрѣляться. Я долженъ...

— Итакъ, мы ожидаемъ вашихъ секундантовъ, отрѣзавъ одинъ изъ посѣтителей, и, поклонившись, они оба удалились.

Я тотчасъ поѣхалъ къ Бедржинскому, а съ нимъ мы отправились къ старому маіору Вильчинскому, и я послалъ ихъ обоихъ, въ качествѣ моихъ секундантовъ, по указанному адресу.

Поздно вечеромъ влетѣлъ ко мнѣ Бедржинскій. Никогда я его не видѣлъ въ такомъ возбужденіи. Въ состояніи духа его явилось не только рыцарство, но и жестокость.

— Знаешь, говорилъ онъ, размахивая кулаками, — мы приняли все условія. Чортъ возьми!.. Можетъ быть хоть ты проучишь этого невѣжу! Дуэль назначена на послѣзавтра.

— Это рѣшительный срокъ? спросилъ я.

— Протоколъ подписанъ. Каждому дается два выстрѣла. Стрѣлять у барьера. Если все хорошо кончится, на будущихъ выборахъ тебя могутъ избрать въ члены правленія, потому что этого Штейнберга тамъ никто не любитъ. Ну, покойной ночи, мой дорогой!

— Онъ ушелъ отъ меня сіяющей. Поздно я легъ спать, и всю ночь меня преслѣдовали сны: будто я лечу со страшной вышины.

На другой день меня посѣтилъ Бедржинскій съ извѣстіемъ, что куплены хорошіе пистолеты и что приглашенъ хирургъ.

— Дурацкое дѣло, говорилъ онъ, — но ничего не подѣлаешь... Мы должны стрѣляться...

— Можетъ быть по вашему мнѣнію мнѣ слѣдовало бы...

— Никогда! воскликнулъ мой пріятель. — Примиреніе возможно только у барьера, если ты не будешь стрѣлять въ первую очередь.

— Ну, а если онъ...

— Что онъ? Извинится? Нѣтъ, онъ этого не сдѣлаетъ!

— А если онъ выстрѣлить прежде, чѣмъ я успѣю подойти къ барьеру?

— Насчетъ этого будь покоенъ. Онъ выдержитъ. Это не человѣкъ, а настоящее бѣшеное животное.

Я почувствовалъ такое невольное дрожаніе губъ, что вынужденъ былъ стиснуть зубы.

— Не сдѣлать ли какойнибудь шагъ къ примиренію? переспросилъ я, нѣсколько успокоившись.

— Теперъ это уже невозможно, ты бы себя скомпрометировалъ. На примиреніе всегда будетъ время. Лучше всего сдѣлать это на мѣстѣ, послѣ того какъ ты подойдешь къ барьеру безъ выстрѣла. Такъ поступаютъ настоящіе джентльмены.

Онъ меня обнялъ и побѣждалъ нанимать двѣ кареты. Другую — »на всякій случай!..«

А! подумалъ я, чтобъ васъ всѣхъ громомъ хватило! На какого чорта этотъ Бедржинскій выказываетъ такую неуступчивость въ вопросѣ чести, когда дѣло идетъ обо мнѣ? По настоящему это мнѣ слѣдуетъ быть непоколебимымъ, а отъ него требуется сговорчивость.

Не скажу, чтобы я трусилъ или чтобы я находилъ софты моего друга неосновательными, но меня сердилъ его излишній задоръ. Чѣмъ усиленнѣе онъ старался бы насъ примирить, тѣмъ болѣе росло бы мое возбужденіе противъ Штейнберга.

Замѣчательно, что въ день поединка я былъ спокоенъ какъ никогда. Я никакъ не допускалъ мысли, чтобы недоразумѣніе между двумя почтенными людьми въ обществѣ четырехъ другихъ столь же почтенныхъ могло окончиться трагически. Нѣсколько смущала меня только развѣ эта »запасная карета«, которую мой пріятель тащитъ на поле битвы.

Какъ бы тамъ ни было, въ назначенный часъ мы всѣ явились на это поле, расположенное посреди одного изъ загородныхъ парковъ.

Мы раскланялись съ нашими противниками, они съ нами, причемъ я посмотрѣлъ на Штейнберга, который сопѣлъ, какъ быкъ, и на Бедржинскаго, который былъ блѣденъ и безпрестанно убѣгалъ за деревья. Скажу безъ хвастовства, что я былъ совершенно спокоенъ даже въ тотъ моментъ, когда я услышалъ звуки заряжанія пистолетовъ.

Наши свидѣтели выбрали мѣсто на полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ густыми деревьями, отмѣрили разстоянія и у барьера съ моей стороны воткнули въ землю моего негра.

— Не стрѣляй по первой командѣ, шепнулъ мнѣ Бедржинскій.

— Вниманіе! крикнулъ одинъ изъ секундантовъ Штейнберга охрипшимъ голосомъ.

— Второй выстрѣлъ черезъ десять секундъ послѣ перваго! Впередъ маршъ!..

Я машинально пошелъ и замѣтилъ, что мой негръ, прижмуривъ одинъ глазъ, смотрѣлъ на меня, дѣлая гримасы. Въ ту минуту, когда я услышалъ неприятный свистъ около уха, я замѣтилъ, что у негра не хватаетъ одного изъ стеклянныхъ глазъ (гдѣ бы это онъ потерялъ его?), между тѣмъ какъ Штейнбергъ стоялъ довольно близко противъ меня, окруженный голубоватымъ дымомъ. Несмотря на торжественность минуты, я не могъ не улыбнуться въ отвѣтъ на глупое подмигиваніе негра.

— Одна секунда! двѣ... три! командовалъ хриплый теноръ.

— Стрѣляй! кричалъ Бедржинскій.

— Пали! скомандовалъ майоръ.

Я нажалъ курокъ, раздался звукъ, и я почувствовалъ запахъ сѣры...

— Ай да молодецъ дѣдушка! Онъ бы могъ еще служить въ драгунахъ! произнесъ своимъ басомъ Штейнбергъ, весело подбоченясь.

Присутствовавшіе съ докторами бросились къ намъ, а Бедржинскій обнялъ меня и, со слезами на глазахъ, вопилъ:

— Я не зналъ, что ты у меня такой герой!

Молча я сжалъ его въ моихъ объятіяхъ. Въ эту минуту мнѣ представлялось, что въ лицѣ его я обнимаю все человѣчество. Штейнбергъ подошелъ ко мнѣ, сжалъ мою руку въ своей огромной лапѣ и, съ довольно грубымъ смѣхомъ, сказалъ:

— Ну, старикъ, хотя твое краснорѣчіе никуда не годится, но ты молодецъ; дай я тебя поцѣлую въ морду. Вотъ такъ! еще съ другой стороны! Я вынужденъ былъ и его поцѣловать, хотя не особенно пламенно. Я не на столько фарисей, чтобы показывать видъ будто мнѣ пріятны ласки человѣка, только что покушавшагося на мою жизнь.

Притомъ что за неприличная выходка называть меня дѣдушкой!

Свидѣтели спрятали оружіе, хирурги укладывали свои инструменты въ футляры, откуда виднѣлись даже акушерскіе щипцы. Мы уже приближались къ экипажамъ, когда я внезапно вскричалъ: — А гдѣ же моя тросточка? Опять я потерялъ моего негра!

— Вѣроятно остался у барьера, отозвался одинъ изъ секундантовъ.

— Ну его къ чорту! произнесъ Штейнбергъ. — Ыдемъ къ Степнкѣ *), потому что я ужасно голоденъ.

— Мы васъ сейчасъ догонимъ, возразилъ я, направляясь назадъ.

— Бросьте его, не стоитъ тратить времени для такой палки. Я подарю вамъ гораздо лучше.

Ничего не отвѣтивъ, я ускорилъ шаги. Могъ ли я отказать отъ моего негра, который былъ причиной славнаго поединка, былъ и очевидцемъ его у самаго барьера? Никогда!

Но, не доходя до нашей поляны, мы, я и Бедржинскій, повстрѣчались съ нѣсколькими крестьянами и мальчикомъ, у котораго въ рукахъ оказался мой негръ. Они остановили насъ вопросомъ: — не вы ли стрѣляли?

— Приснилось вамъ, что ли! сказалъ Бедржинскій, нѣсколько поблѣднѣвъ.

— Не онъ стрѣлялъ, а я; у меня была дуэль, сказалъ я твердо.

— Ну, такъ вы заплатите за корову.

— Какую корову?

— Которую вы убили. Отличная скотина, стоитъ рублей сто.

Послѣ долгихъ споровъ я далъ имъ шесть рублей вознагражденія за корову, оказавшуюся не убитою, а легко раненою, и гривенникъ за находку моей трости.

Часъ спустя мы пили у Степки брудершафтъ съ Штейнбергомъ. Мы порядкомъ выпили, а Бедржинскій шумѣлъ, вызывая всѣхъ на дуэль до тѣхъ поръ, пока не съѣхалъ со стула на полъ и не заснулъ на полу. Но меня

*) Такъ называютъ въ Варшавѣ извѣстное гастрономическое заведеніе Степнковскаго.

Примѣч. перев.

болѣе всего занималъ одинъ вопросъ, который я никакъ не могъ разрѣшить, а именно: полезно ли вліяніе негра на мою судьбу или вредно? Ибо вліяніе это было слишкомъ очевидно, чтобы въ немъ сомнѣваться.

По возвращеніи домой я счелъ долгомъ во всемъ признаться моей женѣ. Она мнѣ сдѣлала краткую, но сильную сцену.

Я до настоящаго дня не знаю истиннаго мнѣнія моей жены о моемъ поединкѣ. Она говоритъ, что я обязанъ былъ стрѣляться, а между тѣмъ и упрекаетъ меня, увѣряя, что до самой смерти не проститъ мнѣ моей дуэли... Ни одинъ мудрецъ не отгадаетъ смысла въ женскихъ разсужденіяхъ!

Если вы полагаете, что этимъ ограничивались адскія козни моей трости, то ошибаетесь. Этотъ негръ устроилъ мнѣ еще два фокуса, за которые я отъ души желалъ бы ему, чтобы его кто нибудь у меня укралъ, переломалъ и бросилъ въ печку. Самъ я боюсь ему причинить что нибудь подобное.

Но прежде, чѣмъ я расскажу вамъ объ этихъ новыхъ приключеніяхъ и перейду затѣмъ къ предмету моей просьбы, я долженъ вамъ сообщить, что жена моя отказалась принимать въ нашъ домъ Бедржинскаго.

— Рѣшительно не понимаю за что! повторяетъ мнѣ онъ: — не оклеветалъ ли меня Фитульскій?

Когда я приставалъ къ ней, прося объясненія причинъ ея неудовольствія, то она говорила одно: — нога его въ нашъ домъ не будетъ!

Хотя она отъ меня потребовала обѣщанія порвать всякія отношенія съ этимъ человѣкомъ, но я его далъ лишь въ твердомъ намѣреніи не сдержатъ обѣщанія и на другой же день посѣтилъ моего бѣднаго друга.

Мимо дома Бедржинскаго проходила конка, по которой я обыкновенно къ нему приѣзжалъ. Однажды я много бѣгалъ по городу, былъ у него, въ Саксонскомъ саду, у Стемпка и гдѣ-то забылъ моего негра.

Придется, думаю себѣ, или ходить безъ палки, или приобрѣсти себѣ другую.

Поймете ли вы мою радость, а вслѣдъ затѣмъ мой испугъ, когда на другой день, во время обѣда, я получилъ изъ конторы конно-желѣзныхъ дорогъ записку: »найденъ въ вагонѣ на Лешнѣ«. Записка эта попала прямо въ руки къ женѣ, которая знала, что на Лешнѣ домъ Бедржинскаго.

Взглядъ ея обдалъ меня холодомъ, когда она обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: — Что ты вчера дѣлалъ на Лешнѣ?

Цѣлую недѣлю она со мной не говорила, не забывая въ моемъ присутствіи объяснять дѣтямъ, что честный человѣкъ всегда долженъ держать слово и что такіе люди, которые не исполняютъ обѣщаній, достойны всякаго сожалѣнія.

Удивительное дѣло! Моя жена прекрасная женщина, достойная всякаго уваженія за ея тактъ, но когда она вздумаетъ морализировать, то я лучше согласился бы, чтобы меня живьемъ закопали, чѣмъ слушать безконечную ея воркотню.

Но и на этомъ не кончились продѣлки моего негра.

Несмотря на болѣе чѣмъ сомнительный образъ дѣйствія съ его стороны, я все-таки счелъ своимъ долгомъ зайти къ токарю, который мнѣ его продалъ, и просилъ его вставить негру новый глазъ вмѣсто потеряннаго. Хозяина въ магазинѣ не оказалось. Вмѣсто него я встрѣтилъ тамъ ту хорошенькую продавщицу, которую я нѣкогда любовался въ окно. Неудивительно, что это заставило меня просидѣть въ магазинѣ цѣлые полчаса, въ теченіе которыхъ я успѣлъ ей нѣсколько разъ пожать ручку и узнать ея мѣстожителство. Зовутъ ее Юзей. И вотъ между мной и Юзей завязались сердечныя, хотя вполне идеальныя, отношенія, благодаря моему негритѣнку. Я былъ этимъ такъ доволенъ, что готовъ былъ забыть всё его прежніе грѣхи.

Мое знакомство съ продавщицей продолжалось до половины зимы. Я видѣлъ, какъ это милое дитя привязывается ко мнѣ, съ какой благодарностью относится къ моимъ со-вѣтамъ и мелкимъ подаркамъ. Вообще это была дѣвушка чистая и невинная какъ голубь.

Однажды я встрѣтилъ ее на улицѣ, и мы провели съ ней часа два »Подъ Кометой« въ разговорахъ о сѣтяхъ, отъ которыхъ я ее постоянно предостерегалъ, и которыя всюду разставляются на невинность какъ легкомысленною молодежью, такъ и испорченною старостью. Я вернулся домой около полуночи въ самомъ мечтательномъ настроеніи и только на лѣстницѣ замѣтилъ, что... опять я потерялъ моего негра.

Жена еще не спала.

— Гдѣ ты былъ?

10-5
6-20
3-85

— Въ оперѣ.

— Что играли?

— Фауста.

— Ты вѣдь его уже много разъ слышала.

— Да, но все-таки я люблю его послушать. Прощай, у меня что-то голова болить.

Хотя я сердечно поцѣловалъ жену, но въ душѣ чувствую безпокойство.

— Посмотримъ, какую-то *онз* мнѣ опять выкинетъ неприятную штуку.

Я заснулъ поздно и проснулся поэтому передъ самымъ завтракомъ. Когда мы усѣлись къ столу, жена мнѣ сказала:

— Смотри, тебѣ опять принесли твою любимую палку.

Я чуть не упалъ въ обморокъ. Насилу я могъ спросить:

— А кто ее доставилъ?

— Посыльный изъ Большаго театра.

Во все продолженіе завтрака я не осмѣлился открыть рта.

Когда дѣти ушли, она мнѣ сдержаннымъ шепотомъ сообщила, что палку принесъ лакей изъ ресторана »Подъ Кометой« и что ее нашли въ »отдѣльномъ кабинетѣ«. Послѣ этого она съ досадою вскочила со стула и ушла изъ столовой.

Схвативъ негра, я выбѣжалъ изъ дома, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ »Подъ Комету«, чтобы изломать проклятую трость на спинѣ черезчуръ услужливаго лакея. Но человѣкъ успѣлъ меня обезоружить однимъ словомъ.

— Ты отнесъ мнѣ палку? спросилъ я его.

— Какъ же, я.

— Откуда ты узналъ кто я?

— Кто же васъ не знаетъ! Всѣ знаютъ, что вы убили полковника.

— Какъ убилъ? Полковникъ Штейнбергъ живъ!

— Этотъ можетъ быть и живъ, а тотъ, котораго вы хватили въ самый животъ, вовсе не живъ. Я былъ самъ на похоронахъ.

Вотъ проклятая-то популярность! подумалъ я. И сердиться даже нельзя на этого осла.

— Вотъ тебѣ рубль и прошу тебя впередъ, если я чтонибудь забуду, не относй ко мнѣ ничего.

— Ужъ теперь буду знать; даже если бумажникъ забудете, то ни за что не отнесу!

Ну, говорилъ я себѣ, покончивши такимъ образомъ съ лакеемъ, относительно жены я безповоротно погибъ; зато я убѣдился, что обо мнѣ говорить вся Варшава. О болѣе высокомъ положеніи нельзя и мечтать.

Это происходило на святкахъ. Мои отношенія къ женѣ оставались неопредѣленными. Упрековъ она не дѣлала, говорила со мной рѣдко и равнодушно; чувствовалась близость какой-то приближающейся катастрофы. Пожалуй вздумаетъ развѣхаться со мной!

— Приди сюда на минуту, позвала она меня развѣ утромъ въ гостинную.

Вхожу и остодбенѣлъ... У меня въ домѣ, возлѣ моей жены, вижу Юзю, мою знакомую продавщицу у токаря, и съ ней какого-то молодца.

— Вотъ женихъ и невѣста пришли поблагодарить тебя за приданое. Одинъ и другая стали горячо благодарить жену, которая при мнѣ вручила Юзѣ пять сторублевыхъ и коралловыя бусы.

Черезъ минуту, когда оба они удалились, жена обратилась ко мнѣ со словами:

— Тебѣ ли, старый дѣдъ, этимъ заниматься!

— Ну теперь, по крайней мѣрѣ, ты должна повѣрить въ мою невинность?

— За невинность этой дѣвушки я никогда не опасалась, отвѣтила она саркастически. И какъ бы вы думали? На этомъ покончилась вся исторія. Я такъ былъ тронутъ великодушіемъ жены, такъ подавленъ ея снисходительностью, что тотчасъ заболѣлъ гастрической лихорадкой и пролежалъ цѣлую недѣлю въ постели.

Сердце женщины, милостивый государь, а особенно сердце моей жены навсегда останется для меня загадкой.

Это обстоятельство нисколько, однако, не мѣшаетъ мнѣ признать, что мой негръ большой руки негодяй, и, признаюсь, я потерялъ къ нему всякую симпатію.

III

Теперь, когда вы уже нѣсколько ознакомились со мной и съ моими удивительными приключеніями, вамъ легко будетъ угадать: въ чемъ можетъ заключаться моя *большая просьба*.

Но... еще одно крошечное отступление.

Вслѣдствіе удивительнаго стеченія обстоятельствъ мое рожденіе приходится на 15-е апрѣля. По случаю этого торжественнаго дня жена моя простила мнѣ всѣ мои прегрѣшенія. Я въ этомъ вполнѣ убѣдился, когда увидѣлъ въ нашемъ домѣ моего несчастнаго пріятели Бедржинскаго, который получилъ отъ нея собственноручное приглашеніе. Онъ меня обнималъ съ такимъ же жаромъ, какъ тогда, послѣ дуэли. Потомъ онъ сталъ извиняться, что не умѣлъ избѣгнуть сплетень Фитульскаго. Что за деликатный человѣкъ!

Но это еще не все. Исполняя мою давнишнюю мечту, жена поднесла мнѣ въ подарокъ самый настоящій лондонскій зонтикъ — высочайшее произведеніе зонтичнаго искусства, стоившее сорокъ рублей, съ серебряной монограммой моего имени и съ вырѣзанной на концѣ палки датой дня моего поединка. Такимъ деликатнымъ способомъ было мнѣ доказано, что »подкометное«
недоразумѣніе забыто и что моя отвага признана. Увѣряю васъ, что, еслибъ когда нибудь весь народъ на Театральной площади вздумалъ увѣнчать меня дубовымъ вѣнкомъ, я не считалъ бы себя болѣе оцѣненнымъ, чѣмъ теперь, благодаря этому подарку жены, который сталъ для меня символомъ моихъ семейныхъ заслугъ и супружескаго счастья.

Обыкновенно на каждодневныя прогулки по городу я бралъ съ собою моего негра, желая ему отъ души гдѣ нибудь свернуть себѣ шею, и только для торжественныхъ визитовъ или въ случаѣ какихъ нибудь исключительныхъ поѣздокъ я бралъ съ собою драгоценную память жены — англійскій зонтикъ.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ случаевъ той эпохи, какъ вы вѣроятно помните, было происшествіе съ двумя молодыми людьми изъ-за вопроса о чести. Исторія состояла въ томъ, что когда дѣло дошло до смертельнаго поединка, то сначала одинъ не соглашался драться, потомъ другой отказался отъ своего намѣренія, а въ заключеніе оба рѣшили искать инаго способа удовлетворенія, а именно: подвергнуть себя суду чести.

Съ этой цѣлью въ квартирѣ полковника Штейнберга, съ которымъ я теперь состою въ большой дружбѣ, собрался судъ чести изъ пяти человѣкъ, единогласно избравшихъ изъ своей среды президентомъ меня, что весьма важно, ибо съ

этого времени всѣ меня титулуютъ не иначе какъ »господиномъ презусомъ«. Жена моя, милая Эвезя очень этимъ довольна и весьма гордится моею популярностію и моимъ положеніемъ.

Цѣлыхъ три дня мы мучились надъ этимъ труднымъ дѣломъ, придумывая разные проекты сатисфакціи и наконецъ на четвертый день былъ принятъ проектъ моей резолюціи, чтобы противники подали другъ другу руки. Это и совершилось, причемъ молодые люди заявили, что они покоряются подобному рѣшенію только изъ уваженія къ моимъ заслугамъ и положенію. Любопытно, однако, что бы они могли другое предпринять, не принявъ моего предложенія.

По окончаніи судебного засѣданія и произнесенія приговора Штейнбергъ предложилъ всѣмъ судьямъ и подсудимымъ совершить небольшую поѣздку за городъ. Дѣло было въ половинѣ мая, и такъ какъ жена моя была въ отсутствіи — она уѣхала къ старшей дочери — то я охотно принялъ предложеніе. Три экипажа двинулись впередъ, а я съ однимъ изъ подсудимыхъ заѣхалъ на минуту домой, чтобы переодѣться и взять палку взамѣнъ зонтика, который по моему соображенію не заключалъ въ себѣ тѣхъ »квалификацій«, какія требовались для сопровожденія меня на маѣвку.

Подсудимый забѣжалъ ко мнѣ вмѣстѣ со мной и все время называлъ меня моимъ новымъ титуломъ президента, что меня нѣсколько смутило, и я, выходя изъ дома, не вполне сознавалъ ни какъ я одѣтъ, ни что беру съ собой. На маѣвкѣ мы пробыли до полночи и такъ гуляли и кутили, что въ ресторанѣ Марселина не хватило шампанскаго. Довольно сказать, что за мое здоровье пили разъ двѣнадцать, не забывая притомъ и прочихъ собесѣдниковъ.

На возвратномъ пути я ѣхалъ съ Штейнбергомъ. Онъ всю дорогу пѣлъ и командовалъ эскадрономъ, а я, придерживая колѣнями мою роковую трость, мечталъ, закинувъ руки за голову. Мысли мои невольно перешли къ моему негру.

— Изъ-за него я побилъ человѣка, изъ-за него я дрался на дуэли. Три раза этотъ подлецъ выдалъ меня, а еще неизвѣстно, что онъ мнѣ надѣлаетъ въ будущемъ. Надо бы разъ навсегда съ нимъ покончить!

Размышляя такимъ образомъ о моей трости, я раздвигалъ

нуль колѣни; палка начала передвигаться, скакать съ мѣста на мѣсто, какъ бы заявляя объ ожидающей ея опасности, ударила меня раза два по ногѣ и, наконецъ, выскочила изъ экипажа.

Ну, думаю, теперь ужъ ты не вернешься ко мнѣ!

Я почувствовалъ облегченіе, точно съ сердца свалилась тяжесть. Когда экипажъ остановился у моего дома, Штейнбергъ спалъ. Чтобы не будить его, я выскочилъ быстро изъ экипажа и почувствовалъ, что вывихнулъ себѣ ногу.

— Поѣзжай! крикнулъ я вслѣдъ экипажу.

Я едва дозвонился; заспанный дворникъ помогъ мнѣ войти на лѣстницу и разбудилъ лакея. Я послалъ его за докторомъ, а самъ утѣлся въ передней на стулѣ и началъ стонать.

Вдругъ глаза мои были поражены такимъ явленіемъ, что волосы стали дыбомъ и даже боль въ ногѣ затихла... Въ углу стояла проклятая трость, та самая трость съ головою негра, которая только что выпала изъ экипажа. Я поднялъ такой шумъ и крикъ, что ко мнѣ выбѣжали горничная и кухарка.

— Что это такое? спросилъ я, указывая на негра.

— Это ваша палка, отвѣчали мнѣ служанки, очевидно принимая меня за пьянаго.

— Откуда она взялась?

— Она тутъ и стояла.

— Какъ стояла, когда я ее бралъ съ собой!

— Вы взяли съ собой зонтикъ, а палку оставили.

— Праведное небо! Значить я потерялъ — и вѣдь умышленно потерялъ — дорогой подарокъ жены, а этотъ негодяй остался у меня. Что на это скажетъ моя жена?..

Ну, теперь, кажется, вы догадываетесь, съ какою я къ вамъ обращаюсь просьбой. Умоляю васъ во имя всего великаго и святаго: сочините такую публикацію о пропажѣ моего зонтика, чтобы онъ непременно отыскался. Опишите всѣ его примѣты и нравственное его значеніе для меня; прибавьте, что я готовъ заплатить нашедшему хотя бы 50 рублей. Только адреса моего въ объявленіи не упоминайте, а взамѣнъ его, будьте добры, помѣстите свой, ибо иначе жена можетъ узнать обо всемъ.

Итакъ, не забудьте — зонтикъ!

Post scriptum. Въ самый моментъ, когда я закончилъ это письмо, меня посѣтилъ мой новый пріятель Штейнбергъ, котораго я посвятилъ въ его содержаніе.

Милѣйшій полковникъ покатывался отъ смѣха. На мою просьбу высказать объ этомъ письмѣ свое мнѣніе онъ сказалъ:

— Ты просто великолѣпенъ, пане презесе! Теперь мнѣ понятна твоя улыбка, которую я увидѣлъ на твоемъ лицѣ во время нашего поединка: она относилась не ко мнѣ, а къ твоей палкѣ... а я чуть было тебя не застрѣлилъ за это... Хороша ошибка!

— Я, однако, вижу, прибавилъ онъ серьезно, — что ты, любезный президентъ, чертовски старѣешь.

— Изъ чего ты это взялъ?

— Очень просто: вмѣсто того, чтобы объявить въ двухъ строкахъ, что »потерянъ такой-то зонтикъ и что нашедшему будетъ дано 50 р.«, ты наплелъ цѣлый дивизионъ происшествій, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ зонтику. Во всякомъ случаѣ ты, любезный президентъ, рѣшительно философъ, но у тебя, я вижу, лихорадка.

При этомъ, со свойственной ему грубостью, онъ изо всей силы ударилъ меня по колѣну. Я чуть не вскрикнулъ отъ боли.

Не забудьте же о драгоценномъ для меня зонтикѣ!

Приключенія г. Веселовскаго и его трости на этомъ, однако, и оканчиваются.

Съ польскаго. А. Гриневскій

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ ВЪ ИТАЛИИ

Очеркъ Стендаля *)

Въ 1817 году монсиньоръ Людовикъ Де-Бремъ, бывший главный духовникъ арміи короля Италіи Наполеона, собиралъ въ своей ложѣ, въ миланскомъ театрѣ Ла Скала, общество изъ двѣнадцати или пятнадцати молодыхъ людей. По итальянскому обычаю, мало принятому во Франціи, друзья эти встрѣчались каждый вечеръ. Нельзя быть афектированнымъ съ человѣкомъ, котораго видишь триста разъ въ году. Неестественность и ломанье, эти „расхолаживающіе“ элементы французскихъ гостинныхъ, совершенно изгнаны обычаями, царящими во всемъ строѣ миланскаго общества.

Однажды вечеромъ въ ложу театра Ла Скала, гдѣ мы сидѣли, вошелъ молодой челоувѣкъ небольшого роста съ чудесными глазами. Когда онъ приближался къ краю ложи, мы замѣтили, что онъ немного хромалъ. Монсиньоръ Де Бремъ сказалъ намъ: „господа, лордъ Байронъ!“ и затѣмъ назвалъ насъ его свѣтлости. Все это сдѣлано было съ торжественностью, какую проявилъ бы въ подобномъ случаѣ дѣдъ Де-Брема, бывший посломъ герцога Савойскаго при дворѣ Людовика XIV.

Такъ какъ мы нѣсколько были ужъ знакомы съ характеромъ англичанъ, избѣгающихъ тѣхъ, кто ихъ ищетъ, мы тщательно удержались не только говорить съ лордомъ Байрономъ, но даже смотрѣть на него. Въ ложѣ сидѣлъ очень красивый господинъ съ видомъ военнаго. Лордъ Байронъ какъ будто нѣсколько отступился въ его пользу отъ своей британской холодности.

*) Изъ сборника статей подъ заглавіемъ „Racine et Shakespeare“. Писатель, далеко опередившій свое время, Стендаль (Бейль) только въ наши дни получилъ должную оцѣнку и завоевалъ симпатіи современной Франціи. Въ этомъ портретѣ Байрона, набросанномъ проникательнымъ наблюдателемъ и очевидцемъ, выступаютъ черты поэта, нерѣдко затемняемыя педантизмомъ и ругиною посвященныхъ ему заурядныхъ писаній. Встрѣчаются здѣсь также новыя данныя для уясненія исторіи творчества Байрона.

Въ тотъ день, когда лордъ Байронъ явился въ залу монсиньора Де-Брема, ему сказали, что онъ встрѣтитъ тамъ лицо, участвовавшее въ походѣ Наполеона въ Россію! Въ 1816 году это событіе имѣло еще интересъ новизны. Тогда не былъ напечатанъ ни одинъ изъ романовъ, испортившихъ его намъ въ послѣдствіи. Лордъ Байронъ принялъ того изъ нашихъ друзей, что носилъ усы, за участника похода въ Москву.

На другой день ошибка лорда Байрона разъяснилась. Онъ удостоилъ меня чести бесѣды о русскомъ походѣ. Я обожалъ Наполеона. Я отвѣчалъ ему какъ члену законодательной палаты, которая не задолго передъ тѣмъ передала этого великаго человѣка на пытку на островѣ святой Елены. Ясность разсказа вынуждаетъ здѣсь писателя выступить на сцену самого. Безъ сомнѣнія вынуждаетъ скорѣе скромность, чѣмъ тщеславіе привлечь вниманіе на себя на той же страницѣ, гдѣ только что названъ лордъ Байронъ. Я провелъ ночь за чтеніемъ „Косара“, однако далъ себѣ слово не уклоняться отъ холодности, какую считалъ обязательною въ сношеніяхъ съ членомъ палаты лордовъ.

Моя вѣрность клятвѣ быть ледянымъ въ обращеніи объясняетъ тѣ видимыя знаки расположенія, которые лордъ Байронъ сталъ мнѣ оказывать черезъ нѣсколько дней. Разъ вечеромъ, однако, онъ совершенно нехотѣлъ сталъ говорить о безнравственности французскаго характера. Я стойко возражалъ ему. Я говорилъ о корабляхъ, гдѣ истязаютъ работой французскихъ военноплѣнныхъ, о смертяхъ иностранныхъ политическихъ лицъ, такъ подозрительно совпадающихъ всегда съ интересами Англіи, объ адской машинѣ и пр. и пр.

Въ ложѣ думали, что послѣ этого разговора, очень вѣжливаго и даже почтительнаго съ моей стороны, но въ сущности очень рѣзкаго, лордъ Байронъ перестанетъ говорить со мной. На другой день онъ взялъ меня подъ руку, и мы прохаживались въ теченіе часа въ громаднхъ и пустынныхъ залахъ фойе театра Ла Скала. Я былъ очарованъ этой добротой, ожидавъ совсѣмъ инаго. Лордъ Байронъ желалъ сдѣлать сотни вопросовъ очевидцу похода въ Россію. Я подвергся настоящему экзамену, но я не замѣчалъ этого. Слѣдующую ночь я былъ на верху упоенія, перечитывая „Чайльдъ-Гарольда“. Я любилъ лорда Байрона.

Двѣнадцати или пятнадцати итальянцамъ, собиравшимся въ ложѣ монсиньора Де-Брема, онъ не понравился. Надо сознаться, что какъ-то разъ онъ далъ намъ понять, что ему долженъ принадлежать верхъ во всякомъ спорѣ, такъ какъ онъ лордъ и вельможа.

Эта дерзость не прошла безъ отпора. Монсиньоръ Де-Бремъ напомнилъ извѣстный анекдотъ о генералѣ Де-Кастри, кото-

рый, обидясь вниманіемъ, съ какимъ слушали Д'Аламбера, вскричалъ: „этотъ господинъ, не имѣющій и тысячи франковъ дохода, позволяетъ себѣ разсуждать!“

Друзья мои итальянцы находили лорда Байрона высоко-мѣрнымъ, страннымъ и даже немного сумасшедшимъ.

Онъ былъ очень страненъ однажды вечеромъ, защищаясь съ негодованіемъ отъ всякаго сходства съ Руссо, съ которымъ сравнили его въ какомъ-то журналѣ. Причиной его возраженій, не высказанной, но приводившей его въ бѣшенство, было то, что Руссо былъ лакеемъ. Мы смѣялись отъ души, когда, по окончаніи спора, онъ сталъ спрашивать Де-Брема, принадлежавшаго къ высшей знати Турина, подробности о семействѣ, въ которомъ Жанъ-Жакъ проживалъ въ качествѣ слуги.

Лордъ Байронъ дѣйствительно душою схожъ былъ съ Руссо въ тотъ смыслъ, что постоянно занятъ былъ самимъ собою и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производилъ на другихъ. Это поэтъ *наименѣе драматическій* изъ всѣхъ существовавшихъ. Духъ его не въ состояніи былъ никогда преобразиться въ другаго. Отсюда видимая непріязнь его къ Шекспиру. Онъ презиралъ его сверхъ того, я думаю, за способность превратиться въ Шейлока, гнуснаго венеціанскаго жида, или Када, презрѣннаго демагога.

Однимъ изъ страховъ лорда Байрона, доходившимъ до *idée fixe*, была боязнь потолстѣть. Полидори, молодой врачъ, сопровождавшій его въ путешествіяхъ, сообщилъ намъ, что мать лорда была маленькаго роста и очень полна. Разбирая характеръ лорда Байрона (этимъ занялись мы, признаюсь, какъ только онъ насъ оставилъ; я восхищался при этомъ итальянскимъ умомъ, такимъ тонкимъ: никакая внѣшность не обманетъ его), разсматривая въ микроскопъ духовный складъ великаго поэта, упавшаго среди насъ, какъ бомба, друзья г. Де-Брема рѣшили, что въ продолженіе третьей части дня лордъ Байронъ былъ *дэнди*: онъ не хотѣлъ потолстѣть, пряталъ свою правую ногу, слегка обороченную внутрь, желалъ нравиться женщинамъ. Но тщеславіе въ этомъ смыслѣ было у него такъ чрезмѣрно и болѣзненно, что въ погонѣ за средствами онъ позабывалъ самую цѣль. Любовь мѣшала бы его верховымъ прогулкамъ — онъ пожертвовалъ любовью. Въ Миланѣ и въ особенности въ Венеціи, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, его прекрасные глаза, его прекрасныя лошади, его слава заронили нѣсколько увлеченій въ сердца женщинъ молодыхъ знатныхъ и главное очень хорошихъ.

Одна изъ нихъ сдѣлала болѣе ста миль, чтобы присутствовать на маскарадномъ балу, гдѣ онъ долженъ былъ находиться. Онъ узналъ объ этомъ и изъ гордости или изъ скромности

не удостоилъ ее отвѣтомъ. „Это чудовище!“ вскричала та, ставляя его. Неудача у женщины изъ общества способна была поразить оскорбленную гордость лорда Байрона на смерть. Подъ влияніемъ всего мелкаго, чѣмъ полна англійская цивилизація, онъ обращалъ вниманіе только на тѣхъ женщинъ, въ глазахъ которыхъ богатство любовника составляетъ главное его право на вниманіе.

Будучи самымъ красивымъ человѣкомъ въ Англии, онъ хотѣлъ быть также паремъ моды. Когда онъ бывалъ *дэнди*, то съ трепетомъ зависти и обожанія произносилъ имя Брюмеля, законодателя моды съ 1796 по 1810 годъ. Судьба этого человѣка — одно изъ необычайнѣйшихъ явленій, какія видѣлъ XVIII вѣкъ въ Англии и даже въ Европѣ. Этотъ развѣдчанный король кончилъ жизнь въ Кале.

Въ минуты, когда онъ не думалъ о своей красотѣ, лордъ Байронъ занимался своею знатностью. Мои пріятели, молодые миланцы, съ видомъ очень забавнаго простодушія обсуждали при немъ вопросъ — имѣлъ ли право Генрихъ IV называться *милостивымъ* послѣ того, какъ отрубилъ голову герцогу Бирону, своему прежнему товарищу? — Наполеонъ не сдѣлалъ бы этого, сказалъ лордъ Байронъ. Комизмъ состоялъ въ томъ, что онъ то считалъ себя знатнѣе герцоговъ Бироновъ, то начиналъ завидовать славѣ этого рода. Дѣйствительно, немногія фамиліи въ Англии дали отечеству болѣе храбрыхъ воиновъ, какъ фамилія Бироновъ.

Когда тщеславіе красотой или знатностью не занимало лорда Байрона, онъ вдругъ становился великимъ поэтомъ и *человѣкомъ чувства*. Никогда не обращался онъ къ *фразѣ*, какъ, на примѣръ, г-жа Де-Сталь, которую онъ оставилъ въ Коопе и которая скоро прибыла къ намъ въ Миланъ. Говорили ли о литературѣ, лордъ Байронъ былъ противоположностью академика: больше мыслей, чѣмъ словъ, и никакой погони за красивыми фразами. Около полуночи, въ особенности въ тѣ дни, когда онъ былъ тронутъ музыкою оперы, вмѣсто того, чтобы думать — какое впечатлѣніе онъ произведетъ на другихъ, онъ весь отдавался настроенію души, какъ человѣкъ юга.

Что особенно странно — это то, что въ своей прозѣ онъ постоянно старается блеснуть игривостью ума и игривостью самаго жалкаго разбора, заключающейся въ намекъ на какое нибудь мѣсто классическаго автора. Я могу завѣрить, что ни что не было менѣе похоже на его скучную прозу, какъ его чарующая бесѣда въ тѣ дни, когда онъ не былъ фатомъ или безумцемъ. Да, надо сознаться, — и это можетъ служить скорѣе къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію этого великаго человѣка, — почти третью часть своего времени въ теченіе недѣли онъ ка-

зался намъ сумасшедшимъ. Нѣкоторые утверждали, что этотъ безумный видъ былъ въ немъ слѣдствіемъ угрызеній совѣсти. Не случилось ли, спрашивали мы себя, что въ одинъ изъ порывовъ аристократической гордости или дэндизма онъ раздробилъ черепъ какой нибудь прекрасной греческой невольницѣ, невѣрной его ложу?

Я не удивился бы, еслибы англійскіе журналы прямо объявили лорда Байрона виновнымъ въ убійствѣ. Вѣдь они могутъ существовать и процвѣтать только при поддержкѣ high life'a, ненавидящаго Байрона. Ничего не было бы удивительнаго, еслибы хорошее общество провозгласило поэта убійцей. Въ мемуарахъ лорда Байрона, проданныхъ Муромъ за сто пятьдесятъ тысячъ франковъ книгопродавцу Муррею, есть одно мѣсто, которое при желаніи можетъ служить противъ него обвинительнымъ актомъ.

Въ дневникѣ своемъ лордъ Байронъ намекаетъ на событіе, память о которомъ тревожить его сонъ и причиняетъ ему ужасныя терзанія. „Я написалъ „Абидоскую невѣсту“ въ четыре ночи, говоритъ онъ, „чтобъ отогнать мысли объ * *. Еслибы я не задалъ себѣ этой задачи, я потерялъ бы рассудокъ отъ гнетущей тоски“. И далѣе: „Я очнулся отъ сновидѣнія. Ну чтожь? Развѣ другіе не видѣли сновъ. О, какой сонъ! Но она не могла коснуться меня... И почему мертвые не почиваютъ спокойно. О, какой холодъ сковалъ мою кровь! И я не могъ проснуться!..

Привидѣнія въ эту ночь поразили душу Ричарда большимъ ужасомъ, чѣмъ могъ бы наполнить ее въ дѣйствительности видъ десяти тысячъ солдатъ, предводимыхъ измѣнникомъ * * (цитата изъ „Ричарда III“, Шекспира).

Я не люблю этотъ сонъ! Я ненавижу заключеніе его, давнымъ давно минувшее. Неужели я позволю устрашить себя тѣнямъ? О, если онѣ напоминаютъ... Чтожь такое! Но если я еще разъ увижу такую грезу, то я испробую, могутъ ли и въ томъ, другомъ снѣ, самомъ глубокомъ, являться такія видѣнія“.

Онъ прибавляетъ: „Гобгузъ говорилъ мнѣ, что существуетъ слухъ, будто я самъ и есть настоящій Конрадъ, подлинный корсаръ моей поэмы, и что полагаютъ, что эта часть моего путешествія осталась тайною... Гм! Люди иногда очень близки къ истинѣ, но никогда не угадываютъ ее вполне. Онъ не знаетъ, чѣмъ я былъ въ тотъ годъ, когда онъ покинулъ Востокъ. Никто этого не знаетъ, ни... ни... ни... Вотъ почему это ложь. Но я опасаясь этихъ намековъ злаго ума, который въ своей лжи представляетъ уродливо истину“.

Муръ не даетъ отъ себя никакого разъясненія. Этотъ ум-

ный человекъ не догадался, вѣроятно, что эти нѣсколько строкъ послужатъ текстомъ для рѣчей всѣмъ проповѣдникамъ Англии и Америки.

Что до этого лорду Байрону? Высшее общество можетъ задумать великаго человека, но разъ онъ становится извѣстнымъ, у него является открытый счетъ съ потомствомъ. Роль „Отелло“ лордъ Байронъ разыгралъ, можетъ быть, въ 1811 году. Въ Афинахъ, въ монастырѣ францисканцевъ, въ 1811 году у него были припадки безумія. Если есть какая нибудь подкладка дѣйствительности въ этихъ соображеніяхъ, то сотни свидѣтелей найдутся въ случаѣ надобности, и рано или поздно потомство узнаетъ — имѣли ли угрызенія совѣсти лорда Байрона реальное основаніе или были еще одною изъ его аффектацій.

Достоинъ ли презрѣнія Отелло оттого, что разъ въ жизни поддался ужасному искушенію ревности?

Душа лорда Байрона была до такой степени доступна возбужденію, когда онъ не былъ дэнди, что очень возможно, что эти упреки совѣсти преувеличивали до-нельзя какую нибудь ошибку, сдѣланную въ молодости. Мнѣніе двѣнадцати присяжныхъ, которыхъ случай соединилъ въ ложѣ Де-Брема, было то, что проступокъ, дѣлавшій иногда блуждающими и дикими прекрасные глаза лорда Байрона, былъ совершенъ противъ женщины. Однажды вечеромъ рѣчь зашла, между прочимъ, о хорошенькой миланкѣ, пытавшейся драться на дуэли съ покинувшимъ ее любовникомъ. Говорили еще о какомъ-то князѣ, убившемъ безъ дальнихъ околичностей женщину изъ народа, съ которою онъ жилъ и которая измѣнила ему. Лордъ Байронъ не открывалъ рта. Онъ пытался сперва сдержатъ себя, но скоро вышелъ взбѣшенный изъ ложи. Если это было негодованіе, то оно имѣло предметомъ его самого и оправдываетъ его, безъ сомнѣнія, въ нашихъ глазахъ. Это преступленіе, каково бы оно ни было, можно сравнить съ кражей куска ленты, сдѣланной Руссо въ Туринѣ. Кто изъ людей, сколько нибудь имѣющихъ опытъ жизни и не останавливающихся въ своихъ сужденіяхъ на салонныхъ фразахъ, за одинъ этотъ поступокъ объявить Руссо достойнымъ меньшаго уваженія, чѣмъ большинство честныхъ людей?

Не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ лордъ Байронъ замѣтно сталъ входить во вкусъ миланскаго общества, единственнаго въ девятнадцатомъ вѣкѣ, которое допускаетъ въ обиходѣ своемъ добродушіе. Часто по окончаніи спектакля мы останавливались въ сѣняхъ театра, чтобы видѣть проходившихъ мимо насъ хорошенькихъ женщинъ. Мало городовъ обладало такимъ соединеніемъ красавицъ, какое случай собралъ въ Миланѣ въ 1817 году. Многія изъ нихъ ожидали, что лордъ Байронъ по-

просить позволенія быть имъ представленнымъ. Гордость ли, застѣнчивость или, вѣрнѣе всего, желаніе дѣлать именно противоположное тому, чего отъ него ожидали, но онъ всегда отклонялъ эту честь. Онъ предпочиталъ проводить вечеръ въ разговорахъ о поэзіи или философіи. Я помню — доводы наши часто высказывались съ такой энергіей, что партеръ съ негодованіемъ требовалъ, чтобъ мы замолчали.

Разъ вечеромъ, въ самомъ разгарѣ философскаго спора о принципѣ *полезности*, Сильвіо Пелико, прелестный поэтъ, умершій вполсѣдствіи въ австрійской тюрьмѣ, пришелъ сказать лорду Байрону, что докторъ его, Полодори, арестованъ.

Мы отправились бѣгомъ въ караульню. Полидори, очень высокій и очень красивый человѣкъ, сидя въ партерѣ, выведенъ былъ изъ себя, видя передъ собой мѣховую шапку дежурнаго офицера, мѣшавшую ему, по его словамъ, смотрѣть на сцену, и попросилъ офицера ее снять. Дѣло въ томъ, что, несмотря на итальянскую фамилію, Полидори родился въ Англии и поэтому часто имѣлъ потребность *vent his spleen on somebody* — „сорвать на комъ или на чемъ нибудь свое дурное расположеніе духа“.

Извѣстный поэтъ Монти спустился вмѣстѣ съ нами въ караульню театра Ла Скала. Мы окружили плѣнника въ числѣ пятнадцати или двадцати человѣкъ. Всѣ говорили разомъ. Полидори былъ внѣ себя отъ гнѣва и красенъ, какъ раскаленные уголья. Лордъ Байронъ, напротивъ, страшно блѣдный, сдерживалъ свой гнѣвъ съ величайшимъ усиліемъ. Его патриціанское сердце было жестоко уязвлено при видѣ того, какъ мало значенія имѣлъ онъ здѣсь и какимъ малымъ уваженіемъ пользовался. Въ эту минуту онъ, конечно, сожалѣлъ о томъ, что не принадлежалъ къ ультра-ройалистамъ и не былъ принятъ въ интимномъ кружкѣ и на обѣдахъ эрцгерцога вице-короля миланскаго. Такъ думалось намъ. Какъ бы то ни было, австрійскій офицеръ въ нашемъ сборищѣ увидѣлъ, кажется, ядро мятежа. Можетъ быть, если онъ былъ ученъ, возстаніе въ Генуѣ 1740 года пришло ему на мысль. Такъ или нѣтъ, но Монти замѣтилъ, что онъ выскочилъ бѣгомъ изъ караульни, чтобъ позвать своихъ солдатъ, которые схватили ружья, стоявшіе за дверью. Тогда Монти пришла въ голову превосходная мысль: „*sortiamo tutti; restino solamente i titolati*“ — „вернемся въ залу, пусть здѣсь останутся только имѣющіе титулъ“.

Остались монсиньоръ Де-Бремъ со своимъ братомъ маркизомъ Сартирано, графъ Конфалоньери и лордъ Байронъ. Они написали свои имена. При видѣ титуловъ дежурный офицеръ забылъ объ оскорбленіи, нанесенномъ его мѣховой шапкѣ, и позволилъ Полидори удалиться. Какъ только офицеръ показалъ

себя великодушнымъ, мы нашли много доводовъ къ его оправданію. У него былъ предобродушный видъ. Снявъ мѣховую шапку, дюймовъ въ тридцать вышины, офицеръ, не имѣвшій и пяти футовъ роста, представлялъ очень жалкую фигуру передъ рослымъ красавцемъ Полидори. Простое самомнѣніе помѣшало бы многимъ изъ его собратій отпустить арестованнаго. Въ тотъ же вечеръ, въ полночь, Полидори получилъ приказаніе оставить Миланъ въ двадцать четыре часа. Онъ былъ въ бѣшенствѣ и поклялся, что рано или поздно вернется въ Миланъ, чтобъ дать пощечину губернатору, изгонявшему его такимъ образомъ. Онъ не далъ пощечины, а два года спустя отравилъ, выпивъ цѣлую бутылку синильной кислоты.

На другой день послѣ отъѣзда Полидори лордъ Байронъ, съ которымъ я находился одинъ въ темномъ и громадномъ фойе театра Ла Скала, сталъ жаловаться серьезно, что его преслѣдуютъ. „Въ Коопе“, воскликнулъ онъ, стиснувъ зубы и какъ бы говоря самъ съ собою, дрожа отъ гнѣва, „когда я входилъ въ одну дверь гостинной, всѣ эти скоты изъ Англии и Женевы сейчасъ же выходили въ другую. Послѣднія слова онъ произнесъ едва внятно. Изъ сочувствія къ несчастію или безумію собесѣдникъ лорда Байрона удалился отъ него на нѣсколько шаговъ. Когда онъ приблизился вновь, лордъ Байронъ сталъ жаловаться опять, но въ болѣе умѣренныхъ и общихъ выраженіяхъ. Этотъ собесѣдникъ такъ мало зналъ *i titolori*, выражаясь словомъ Монти, что сказалъ лорду наивно:

— Соберите четыреста или пятьсотъ тысячъ франковъ и распустите слухъ о вашей смерти. Два-три вѣрныхъ друга заркоутъ гдѣ нибудь въ землю полѣно, положимъ на островѣ Эльбѣ. Протоколъ о вашей смерти прійдетъ въ Англию, а въ это время вы, подъ именемъ Смита или Дюбуа, будете жить въ Лимѣ спокойно и счастливо. Ни что не мѣшаетъ даже Смиту, когда волосы его побѣлѣютъ, пріѣхать въ Европу и приобрести у какого нибудь книгопродавца въ Римѣ или Парижѣ тридцатое изданіе „Чайльдъ-Гарольда“ или „Лары“. А въ часъ дѣйствительной смерти г. Смита онъ можетъ, если захочетъ, доставить себѣ блестящій и оригинальный моментъ: „этотъ лордъ Байронъ, котораго считаютъ умершимъ тридцать лѣтъ назадъ, это — я. Англійское общество казалось мнѣ такимъ глупымъ, что я изъ отвращенія бросилъ его“.

— Дворяндный братъ мой, которому долженъ перейти мой титулъ, обязанъ бы написать вамъ самое искреннее благодарственное письмо, отвѣтилъ холодно лордъ Байронъ.

Собесѣдникъ удержался отъ возраженія. Вѣроятно лордъ Байронъ, какъ нерѣдко случается съ людьми, избалованными судьбою, имѣлъ несчастіе питать одновременно два противо-

положныхъ желанія, не приводящихъ ни къ чему кромѣ вѣрнаго страданія. Онъ хотѣлъ быть принятымъ въ высшемъ обществѣ какъ вельможа и возбуждать восторгъ какъ великій поэтъ. Но люди большаго свѣта не прощаютъ никогда тѣхъ, кто пишетъ. Въ этотъ вечеръ мнѣ случилось похвалить герцога Тосканскаго, который вполнѣ того заслуживалъ. Лордъ Байронъ, бывший въ особенно лойяльномъ настроеніи, былъ безмѣрно признателенъ мнѣ за это.

Въ то время въ Миланѣ давали „Елену“ старика Майера, гдѣ, между прочимъ, былъ одинъ божественный секстетъ. Публика терпѣла два посредственныхъ акта, чтобъ слышать этотъ секстетъ. Однажды, когда его пѣли еще лучше обыкновеннаго, меня поразили глаза лорда Байрона: я никогда не видѣлъ ничего болѣе прекраснаго. Еслибъ женщина увидѣла его въ такую минуту, она бы прониклась любовью къ нему. Я далъ клятву никогда не огорчать такой высокой души одною изъ тѣхъ фразъ, какія произносятся въ защиту національнаго или личнаго самолюбія. Я помню, въ тотъ вечеръ рѣчь зашла объ одномъ странномъ сонетѣ Тасса, гдѣ онъ выставляетъ себя невѣрующимъ:

Odi, Filli, che tuona...
 Ma che curar dobbiam che faccia Giove?
 Godiam noi qui, s'egli è turbato in cielo.
 Tema il volgo i suoi tuoni...
 Pera il mondo, e rovini! a me non cale
 Se non di quel che piu piace et diletta;
 Che, se terre sarò, terra ancor fui.

— Эти стихи написаны въ минуту раздраженія и ничего болѣе, сказала лордъ Байронъ. — Нѣжная душа и неукротимое воображеніе Тасса имѣли одинаковую потребность опираться на мысль о Богѣ. Голова его слишкомъ полна была платонизма, чтобы свести вмѣстѣ два-три сколько нибудь сложныхъ соображенія. Когда Тассъ писалъ этотъ сонетъ, онъ чувствовалъ свой гений и лишенъ былъ, можетъ быть, хлѣба или любовницы.

Говоря эти слова, лордъ Байронъ стучался въ двери своей гостинницы, и мы должны были разстаться къ великому сожалѣнію. Мы были очарованы имъ, даже итальянцы, столь недобѣрчивые. Гостинница, гдѣ жилъ лордъ Байронъ, была въ очень далекомъ разстояніи отъ Ла Скала, въ концѣ пустыннаго квартала. Въ тѣхъ мѣстахъ было много воровъ. Надо было идти одному въ два часа утра по узкимъ и зловѣщимъ улочкамъ.

Все это сообщало долю поэзіи уединенію лорда Байрона. Я не могу понять, какъ на него не напали ни разу. Я думаю, что

онъ посчиталъ бы настоящимъ униженіемъ быть ограбленнымъ. Воры разбигрывали съ бѣдными прохожими самыя смѣшныя штуки. Было холодно и вы поэтому шли закутавшись въ плащъ. Воръ, подкравшись сзади, надѣвалъ вамъ черезъ голову обручъ съ бочки и опускалъ его, пока онъ не прижималъ плотно къ тѣлу рукъ, а послѣ того грабилъ васъ сколько было охоты.

Полидори разсказывалъ намъ, что часто Байронъ писалъ стиховъ по сто въ утро. Вечеромъ, возвращаясь изъ театра, возбужденный бесѣдой или музыкой, онъ бралъ написанное и, работая иногда до утра, сокращалъ свои сто стиховъ въ двадцать или тридцать. Когда у него набиралось ихъ сорокъ или пятьсотъ, онъ отправлялъ ихъ Муррею, своему издателю, въ Лондонъ. Онъ пилъ, работая ночью, нѣчто въ родѣ грога, сдѣланнаго изъ можжевелевой водки съ водой. Когда мысли не являлись ему, онъ пилъ много этого грога. Но и этотъ недостатокъ онъ преувеличивалъ, обвиняя себя. Онъ не былъ никогда неумѣреннымъ пьяницей. Часто, чтобъ не полѣтъ, онъ не обѣдалъ совсѣмъ или ѣлъ одно только блюдо изъ овощей да немного хлѣба. Этотъ обѣдъ стоилъ всего франкъ или два. Тогда лордъ Байронъ, хватаясь за эту тѣнь новаго недостатка, говорилъ о своей скупости.

Полидори сообщилъ намъ много подробностей о его женитьбѣ. Молодая наслѣдница, на которой онъ женился, обладала всѣмъ тщеславіемъ и глупостью, свойственными единственнымъ дочерямъ. Она рассчитывала вести блестящій образъ жизни знатной дамы; нашла же только геніальнаго человѣка, который не хотѣлъ ни командовать самъ въ своемъ домѣ, ни подчиняться комунибудь другому. Миледи Байронъ это не понравилось. Злая служанка, которой внушали страхъ странности лорда Байрона, еще болѣе обострила гнѣвъ своей госпожи. Она бросила мужа. Высшее общество воспользовалось удобнымъ случаемъ къ *отлученію* лорда Байрона, и его жизнь навсегда была отравлена.

Можетъ быть благодаря этому, постоянно гнѣвному и страдающему, настроенію такъ любилъ онъ музыку, смягчавшую его горе и заставлявшую его нерѣдко плакать. Лордъ Байронъ былъ чутокъ къ хорошей музыкѣ, но чутокъ какъ новичекъ. Послушавъ въ теченіе года или двухъ новыя оперы, онъ былъ бы безъ ума отъ вещей, которыя въ 1816 году не доставляли ему никакого удовольствія, и которыя онъ даже громко осуждалъ какъ незначительныя и уродливыя.

Говорять, что леди Байронъ или какой-то священникъ отъ ея имени собираются отвѣчать на книгу Мура. Тѣмъ лучше, если загорится споръ между истребителями подлинныхъ

мемуаровъ, всё увидать — посреди какихъ душъ вынужденъ былъ жить лордъ Байронъ.

Въ тотъ день, когда мы отправились за двѣ мили отъ Милана слушать эхо Simonetta, повторяющее звукъ тридцать или сорокъ разъ, лордъ Байронъ былъ прелестенъ какъ дитя, поощенъ веселости и неистощимой находчивости. На слѣдующій день, напротивъ, онъ былъ мраченъ, какъ Тальма въ „Британикъ“, являсь на парадный обѣдъ, который давалъ въ честь него монсеньоръ Де-Бремъ. Онъ пріѣхалъ послѣднимъ и долженъ былъ пройти громадную залу со своей слегка вывороченной ногой въ виду всѣхъ. Нисколько не будучи человѣкомъ равнодушнымъ ко всему и пресыщеннымъ, какъ подобало бы дэнди, онъ всегда волнуемъ былъ чѣмъ нибудъ. Когда болѣе благородныя страсти молчали, безумное тщеславие, лоя всякій поводъ, овладѣвало имъ. Но когда геній просыпался — все было забыто. Поэтъ былъ въ небесахъ и увлекалъ насъ за собою. Какую божественную поэму создалъ онъ однажды ночью, рассказывая намъ жизнь Кастручіо-Кастракани, этого Наполеона среднихъ вѣковъ. Мы повели его тогда смотрѣть при свѣтѣ луны бѣлыя мраморныя иглы миланскаго собора.

У него была одна изъ слабостей пишущихъ людей — необыкновенная чувствительность къ похвалѣ или порицанію, исходящему отъ лицъ той же профессіи. Онъ не замѣчалъ, что желаніе рисоваться диктуетъ всѣ эти приговоры и что лучшіе изъ нихъ могутъ лишь служить доказательствомъ сходства между судящимъ и судимымъ.

Мои друзья-итальянцы, безпощадные къ лорду Байрону, замѣтили, что онъ очень гордится количествомъ языковъ, на которыхъ, по его мнѣнію, могъ говорить. Одинъ настоящій ученый, не шарлатанъ науки, появившійся иногда въ ложѣ монсеньора Де-Брема, говорилъ намъ, что лордъ Байронъ очень плохо зналъ оба греческіе языка — древній и новый. То же самое можно сказать и относительно исторіи, хотя по этой части у него были также большія претензіи.

Я забылъ рассказать о чрезвычайномъ впечатлѣніи, произведенномъ на лорда Байрона одной картиной, на которой Даниилъ Кресси изобразилъ монаха, лежащаго въ гробу посреди церкви, который въ то время, какъ его отпѣваютъ, сбрасываетъ саванъ, выходитъ изъ гроба и восклицаетъ: „Justo judio damnatus sum (я проклятъ, и судъ Божій праведенъ надо мной)“.

Мы не могли оторвать лорда Байрона отъ этой картины и видѣли, что онъ потрясенъ былъ ею до ужаса. Изъ уваженія къ гевію мы молча сѣли на лошадей и отправились дожи-

дать его за милу отъ монастыря Костелаццо, гдѣ Креси нарисоваль во фрескахъ жизнь св. Бруно *).

Лордъ Байронъ смѣялся, когда ему сказали впервые, что существуетъ не одинъ итальянскій языкъ, а десять языковъ, что миланское нарѣчіе, напримѣръ, могло предъявить въ то время двухъ замѣчательныхъ поэтовъ — Томасо Гросси и Карлине Порта и, кромѣ того, прекрасный миланско-итальянскій словарь; что изъ девятнадцати милліоновъ итальянцевъ только обитатели Рима, Сены и Флоренці говорятъ подобіемъ литературнаго языка. Сильвіо Пелико сказалъ однажды лорду Байрону: — самый красивый изъ этихъ десяти или двѣнадцати языковъ, существованія которыхъ даже и не подозревають по ту сторону Альповъ, — языкъ венеціанскій. Венеціанцы — это французы Италиі. — У нихъ, значитъ, есть какой нибудь комическій поэтъ? — Да, отвѣтилъ Пелико, — и превосходный, только, такъ какъ онъ не можетъ ставить своихъ комедій на сценѣ, то пишетъ ихъ въ формѣ сатиръ. Этого превосходнаго поэта зовутъ Бюрати, и каждые полгода венеціанское правительство садитъ его въ тюрьму.

Эти слова Сильвіо Пелико, по моему мнѣнію, рѣшили поѣтическую судьбу лорда Байрона. Онъ жадно спросилъ имя книгопродавца, продававшаго сочиненія Бюрати.

Такъ какъ лордъ Байронъ освоился уже съ миланскимъ добродушіемъ, то собесѣдники его позволили себѣ отвѣтить ему взрывомъ смѣха. Ему сказали, что если Бюрати явилась

*) Въ письмѣ, съ которымъ лордъ Байронъ сдѣлалъ мнѣ честь обратиться ко мнѣ въ 1823 году, чтобъ оправдать Вальтеръ-Скота отъ упрековъ въ излишнемъ низкопоклонствѣ, онъ вспоминаетъ тѣхъ людей, столь же хорошихъ, какъ и несчастныхъ, которыхъ мы знали въ Миланѣ въ 1816 году. Я нашель отгѣнокъ сап'а въ письмѣ лорда Байрона, и, чтобы избѣжать необходимости говорить непріятное человѣку, котораго любилъ, почиталъ и уважалъ, я не отвѣтилъ ему“. Биографъ Стендала Коломбъ приводитъ выдержки изъ этого письма, кажется, неизвѣстнаго въ подлинникѣ. Помимо не понравившейся Стендалю защиты Вальтеръ-Скота Байронъ пишетъ между прочимъ: „теперь, когда я знаю кому я обязанъ лестнымъ отзывомъ въ книгѣ „Римъ, Неаполь и Флоренція“ г. Стендала, я по всей справедливости долженъ принести свою благодарность (пріятную или нѣтъ и заслуживающую лишь того вниманія, какое она стоитъ) г. Бейлю, съ которымъ я имѣлъ честь познакомиться въ Миланѣ 1816 году. Вы сдѣлали мнѣ слишкомъ много чести тѣмъ, что вамъ угодно было сказать обо мнѣ въ этомъ сочиненіи.

Но что доставило мнѣ столько же удовольствія, какъ самыя похвалы, которыми вы меня удостоили, это то, что я узналъ (случайно), что я обязанъ ими лицу, добрый отзывъ котораго дѣйствительно былъ мнѣ желателенъ и дорогъ. Столько перемѣнъ произошло съ тѣхъ поръ въ нашемъ миланскомъ кружкѣ, что у меня едва хватаетъ духа перенестись воспоминаніями къ тому времени. Смерть, изгнаніе и австрійскія тюрьмы разлучили насъ съ тѣми, кого мы любилъ..“

бы охота провести всю свою жизнь въ тюрьмѣ, то для этого было вѣрнѣйшее средство — напечатать свои сочиненія. Но гдѣ взять смѣлаго печатника? *)

Очень неполные списки сочиненій Бюрати стоили три или четыре секина.

На другой день графиня Н. одолжила свой сборникъ одному изъ насъ. Лордъ Байронъ, воображавшій, что знаетъ языкъ Данта и Аріоста, не повялъ сперва ничего въ этихъ стихахъ. Мы прочли съ нимъ нѣсколько комедій Гольдони, и послѣ этого онъ попробовалъ вновь читать очаровательныя шутки *Omo, Strofe* и др. Мы имѣли даже дерзость сообщить ему экземпляръ игривыхъ сонетовъ, названныхъ *Baffo*. Какое преступленіе въ глазахъ Соути! Какъ жаль, что ему въ свое время не былъ извѣстенъ этотъ возмутительный фактъ!

По моему мнѣнію, если лордъ Байронъ написалъ „Белпо“ и возвысился до „Донъ-Жуана“, то потому лишь, что прочелъ Бюрати и видѣлъ — какое наслажденіе доставляютъ его стихи венеціанскому обществу. Этотъ городъ — особенный міръ, котораго не знаетъ скучная Европа. Тамъ самыя огорченія вызываютъ смѣхъ. Это веселье зажигаютъ въ сердцахъ и стихи Бюрати. Никогда не видѣлъ я чего нибудь, что произвело бы на кого большее впечатлѣніе. Но тутъ я пересталъ быть очевидцемъ, а потому долженъ прекратить и свой рассказъ.

В. Горленко

*) Нескоро впоследствии одинъ швейцарскій издатель рѣшился напечатать наименѣе рѣзкія изъ стихотвореній Бюрати.

НА МОТИВЫ ПЕТАРА ПРЕРАДОВИЧА

(Съ хорватскаго)

I

День и ночь

Ночь — печальную царицу, мать веселыхъ, ясныхъ
дней —

Бѣлый день спросилъ: »Родная! Отчего съ то-
ской своей

Никогда ты не простишься? Почему туманный флёръ
Отъ меня всегда скрываетъ твой лучистый, свѣт-
лый взоръ?»

Призадумалась царица и отвѣтила ему:

»Если хочешь правду вѣдать — я тоскую потому,
Что всегда мой сынъ любимый съ каждой зорькой
въ ранній часъ

Самъ съ меня фату снимаетъ и моихъ не ви-
дитъ глазъ!..«

II

Погибшая любовь

О, гдѣ теперь, моя любовь,
Тебя мнѣ схоронить?

Вѣдь въ хрупкомъ сердцѣ мнѣ тебя
 Едва-ли сохранить!
 Зарою въ землю, — но и тамъ
 Не уцѣлѣешь ты:
 Царица фей подземныхъ царствъ
 Вольетъ тебя въ цвѣты!
 Забросить въ море, въ глубину,
 Въ сѣдую бездну? Нѣтъ, —
 Тамъ жемчугами заблеститъ
 Души прекрасной свѣтъ!
 И люди — хищные рабы —
 Цвѣты твои сорвутъ,
 Изъ моря вынутъ жемчугъ твой,
 На рынкѣ продадутъ...
 Такъ улетай же къ небесамъ,
 Зажгися надо мной
 И мнѣ во тьмѣ ночей свѣти
 Печальною звѣздой!

III

Сердце

Сердце людское — обитель мечтаній;
 Вѣчно оно недовольно:
 Только достигнетъ завѣтныхъ желаній,
 Новыми бьется невольно.
 Или безумно ты, сердце людское,
 Въ жаждѣ своей безысходной?
 Или тебя — не давая покоя —
 Коршунъ терзаетъ голодный?

Время крылатое мчится стрѣлою
 Въ ясной лазури небесной;

Смертный, рождаясь, проходитъ землю
 Къ горней странѣ неизвѣстной.

Коситъ желанія смерти злой геній;

Сердца духовныя очи

Видятъ, что всѣхъ не возьмутъ наслаждений

Въ сумракъ кладбищенской ночи.

Аполлонъ Коринфскій

ТЕТЯ МАЛЬВИНА

РАЗСКАЗЪ

Анны Эдгрень-Леффлеръ, герцогини
де-Каянелло

Госпожа Исбергъ поднималась по лѣстницамъ большаго новаго дома, выстроеннаго въ одномъ изъ лучшихъ кварталовъ Гетеборга городскимъ маклеромъ Билльгреномъ для себя и для своихъ семейныхъ дѣтей. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались конторы, во второмъ жилъ женатый сынъ маклера, а самъ онъ занималъ бельэтажъ; выше были комнаты четырехъ дочерей и ихъ гувернантокъ, и тамъ же устраивалась квартира для старшей дочери, недавно помолвленной съ негодіантомъ Альбертомъ Гортомъ.

Госпожа Исбергъ направлялась въ квартиру маклера на большой обѣдъ по случаю перваго оглашенія предстоявшей свадьбы. Лѣстницы были на столько удобны, на сколько это было возможно; тѣмъ не менѣе госпожа Исбергъ принуждена была нѣсколько разъ останавливаться и отдыхать, потому что ей мѣшала больная нога, которую она повредила себѣ, упавъ весною во время гололедицы; подъ осень дѣло усложнилось еще ревматизмомъ, причинявшимъ по временамъ чувствительныя боли.

Она услышала шаги за собой и остановилась, чтобы дать поднимавшемуся пройти мимо себя. Это оказалось служанка, лицо которой показалось ей знакомымъ, вслѣдствіе чего она рѣшилась заговорить съ нею:

— Пойдите, душенька! Вы, кажется, у господъ Гортонъ? Мнѣ сдается, что я видѣла васъ.

— Я служу не у самихъ господъ Гортонъ, а у ихъ замужней дочери Алины, возразила горничная.

— Такъ, такъ, совершенно вѣрно. Надѣюсь, господа здоровы? Они, конечно, будутъ здѣсь къ обѣду?

— Нѣтъ, я какъ разъ несу госпожѣ Билльгрентъ письмо съ отказомъ.

— О, какъ это будетъ непріятно госпожѣ Билльгрентъ! А каково господину Альберту! не встрѣтитъ сестру на такомъ важномъ торжествѣ! — Развѣ кто nibудь захворалъ?

— Нѣтъ, у насъ всѣ здоровы.

Госпожѣ Исбергъ очень хотѣлось разспросить горничную подробнѣе, но она считала себя очень тактичной особой и не хотѣла, чтобы подумали, что она занимается чужими дѣлами. Кромѣ того она надѣялась узнать подробности отъ самой госпожи Билльгрентъ — своей двоюродной сестры. Поэтому она ограничилась просьбой поклониться отъ нея господамъ и позвонила у дверей маклера.

Ей пришлось порядкомъ подождать, пока ей отперли, потому что она явилась по своему обыкновенію за полчаса до назначеннаго времени. Дожидааясь у дверей, она раздумывала, не пройти ли ей чернымъ ходомъ и, вслѣдствіе старой привычки, приобрѣтенной ею въ одиночествѣ, громко разсуждала сама съ собой.

— Нѣтъ, бормотала она, — не стоитъ идти черезъ кухню... Я стѣсню только прислугу, а теперь у всѣхъ, навѣрно, много дѣла...

Наконецъ ее впустила служанка, тотчасъ же скрывшаяся опять и не давшая себѣ даже труда помочь барынѣ снять пальто. Впрочемъ, госпожа Исбергъ привыкла уже къ небрежности, оказываемой ей прислугой въ тѣхъ домахъ, гдѣ она бывала... Она сама сняла пальто и начала стаскивать съ себя цѣлую коллекцію разныхъ шалей, платочковъ, вязанныхъ козыночекъ и кофточекъ. Все это она тщательно свернула въ клубокъ и спрятала въ пальто.

— Здѣсь не увидятъ, говорила она при этомъ. — А то выходитъ всегда цѣлое представленіе, когда дѣвочки найдутъ мои платки.

Въ это время распахнулась дверь залы, гдѣ уже начали зажигать люстру, и двѣ дѣвочки тринадцати и шестнадцати лѣтъ появились въ передней. Онѣ вбѣжали смѣясь и кинулись къ госпожѣ Исбергъ.

— А, тетя Мальвина! кричали онѣ. — А кто здѣсь еще съ кѣмъ вы разговаривали?

— Ни съ кѣмъ я не говорила, протестовала тетка. — Не болтайте глупостей, мысля дѣти... Скажите лучше — много ли получено свадебныхъ подарковъ?

— Еще бы — цѣлыя кучи! Хорошо быть невѣстой!.. Пойдемте, тетя, вы сами увидите.

Онѣ хотѣли увлечь ее въ залу.

— Пойдите, пойдите! остановила ихъ Мальвина. — Я еще не готова. Ступайте себѣ, дѣвочки, и дайте мнѣ оправиться.

Между тѣмъ вниманіе дѣвочекъ было привлечено букетомъ, который горничная какъ разъ пронесла въ залу.

— Ахъ, какая прелесть! вскричали онѣ. — Изъ однѣхъ камелій и розъ!

— Вѣроятно отъ жениха?

— Да, да. На карточкѣ стоитъ „Альбертъ Гуртъ“. Гильда совсѣмъ готова и ждала лишь букета, чтобы выйти...

Дѣвочки завладѣли букетомъ и хотѣли бѣжать съ нимъ къ сестрѣ, но тетка остановила ихъ.

— Пойдите на минутку, мои милыя, сказала она. — Я слышала, что полученъ отказъ отъ сестры и зятя Альберта. Что имъ могло помѣшать придти?

— Не знаю, возразила старшая. — Я слышала только, какъ мама велѣла убрать со стола два прибора.

Дѣвочки скрылись, а господа Исбергъ занялась своимъ туалетомъ. Она достала чепецъ изъ ридикюля, акуратно пригладила волосы, приколола кружевной воротничекъ, который нельзя было надѣть дома, потому что онъ измялся бы отъ воротника пальто, и въ заключеніе начала оправлять высоко подобранныю юбку своего старенькаго чернаго шелковаго платья.

Прежде, чѣмъ все это было сдѣлано, раздался звонокъ, и тетя Мальвина должна была дѣятельно воспользоваться немногими минутами, пока не являлась горничная. Въ то же время она старалась угадать — кто позвонилъ.

— Должно быть, опять съ подарками, бормотала она. — Господи, какъ на иныхъ людей счастье сыпется — точно градъ!

Но вотъ дверь открылась, и все лицо госпожи Исбергъ расплылось въ сплошную привѣтливую улыбку.

— Скажите! вскричала она. — Самъ женихъ! Поздравляю, поздравляю отъ души, дорогой Альбертъ!

Женихъ былъ законченный типъ молодого крупнаго negocianta. У него были англійскіе бакенбарды, высокій, туго накрахмаленный, воротничекъ и коротко остриженные волосы; скроенный по послѣдней модѣ фракъ сидѣлъ на немъ какъ вылитый. Онъ торжественно и чопорно раскланялся съ теткой своей невѣсты и остановился у дверей.

— Проходите впередъ, милый Альбертъ, сказала госпожа Исбергъ. — Я еще несовсѣмъ готова, а вы несетесь на крыльяхъ любви...

Декламируя это, она указывала ему на виднѣвшуюся черезъ открытыя двери залы фигуру молодой дѣвушки. Вся въ бѣломъ, съ букетомъ въ рукахъ, стояла невѣста посреди комнаты, и свѣтъ отъ зажженныхъ уже свѣчей люстры ярко освѣщаль

всю ея милостивую фигуру. Когда къ ней подошелъ и нѣжно поцѣловалъ ея руку женихъ, они казались олицетвореніемъ того, что люди называютъ счастіемъ. Глядя на нихъ, госпожа Исбергъ почувствовала, какъ сердце ея болѣзненно сжалось, и у нея вырвалось вмѣстѣ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Господи, какъ непонятно все, что творится на свѣтѣ!

Она думала о своей собственной дочери, выросшей вмѣстѣ съ Гильдой, но которую постигла совсѣмъ иная судьба. Она была такая славная, хорошенькая дѣвушка! Но ей пришлось слишкомъ рано остаться одной, бѣдняжкѣ... Она выдержала экзаменъ на телеграфистку и, такъ какъ нужно было получить мѣсто какъ можно скорѣе, ей пришлось принять первое предложенное назначеніе куда-то на далекой сѣверѣ. Трудно было матери разстаться съ нею, но жить было не на что и пришлось покориться судьбѣ. Сама Клара была молода, неизвѣстное манило ее, и она уѣхала съ бодрой надеждой на будущее... Сначала все шло хорошо и Клара, повидимому, чувствовала себя прекрасно въ далекой глуши. По службѣ она тоже была исправна. Вдругъ было получено непонятное извѣщеніе, что она лишилась мѣста. Мать пошла посоветоваться съ Билльгренами, но они тоже ничего не понимали и удивлялись вмѣстѣ съ нею.

Наконецъ она узнала въ чемъ было дѣло и перестала говорить съ родственниками о дочери; они тоже, должно быть, кое-что прослышали, потому что перестали разспрашивать. Потомъ мать пришла сообщить, что Клара замужемъ — за кѣмъ именно она еще достовѣрно не знала, но полагала, что за почтовымъ чиновникомъ. Билльгрены навели справки и, узнавъ, что Клара обвѣнчалась съ простымъ молодымъ почтальономъ, опять перестали говорить о ней, какъ будто ея вовсе не было на свѣтѣ. Ахъ, какъ это молчаніе оскорбляло госпожу Исбергъ! Сколько разъ она мучилась, слушая рассказы госпожи Билльгрень о своихъ дѣтяхъ и не имѣя возможности говорить о своей единственной дочери! У нея не было средствъ ѣхать къ дочери, и дороги на сѣверѣ слишкомъ неудобныя для стараго человѣка. Скажемъ болѣе, если бы представилась возможность совершить такое путешествіе, она сама не пожелала бы сдѣлать этого, потому что никто въ душѣ не осуждалъ проступокъ дочери такъ сильно, какъ она... Но такое полное отреченіе отъ Клары, какое высказывали родственники, глубоко возмущало ее... И теперь, глядя на Гильду, сіяющую торжествомъ и счастіемъ, она невольно задала себѣ вопросъ, частенько мучившій ее: почему на свѣтѣ счастья распредѣляется такъ неравномѣрно и однимъ дается все, а другимъ ничего?

Но вотъ она заглянула въ дверь столовой и увидѣла гос-

пожу Биллгренъ, осматривавшую столъ, а также два прибора отставленные въ сторону. Тотчасъ же печальныя мысли покинули ее, и въ ней опять пробудилось любопытство къ причинамъ, побудившимъ сестру Альберта отказаться отъ приглашенія. Поклонившись хозяйкѣ, она немедленно задала вопросъ:

— Скажи, милая Лидія, какъ могло случиться, что Алина прислала отказъ въ самую послѣднюю минуту?

— У нея Марія несовѣмъ здорова, отвѣтила хозяйка.

Вотъ такіе увертливые отвѣты постоянно даютъ ей на самыя невинныя вопросы! Точно она какая нибудь сплетница, тогда какъ, наоборотъ, она боится упоминать даже о томъ, что касается другихъ. И особенно теперь, когда ей достоверно извѣстно, что больныхъ въ семействѣ Алины нѣтъ, зачѣмъ ее обманывать?

Чтобы развлечься, она начала обходить приборы и читать имена приглашенныхъ на оборотѣ обѣденныхъ карточекъ; но госпожа Биллгренъ сказала ей немножко нетерпѣливо:

— Милая Мальвина, пройди, пожалуйста, къ молодымъ людямъ... я сейчасъ приду. Мнѣ страшно, что я забуду что нибудь, если мнѣ не дадутъ спокойно обдумать.

Госпожа Исбергъ вышла изъ столовой съ непріятнымъ сознаниемъ, что всюду хотять отдѣлаться отъ нея. Помолвленныхъ она застала въ будуарѣ, гдѣ они разсматривали рѣзной складень, заключавшій въ себѣ штукъ двѣнадцать фотографическихкихъ портретовъ.

— Идите сюда, тетя, позвала ее Гильда, — я хочу вамъ показать мой свадебный подарокъ Альберту. Это его давнишнее желаніе — коллекція всѣхъ моихъ портретовъ, сдѣланныхъ въ различное время. Одна карточка должна особенно заинтересовать васъ; вы ее не видали, и я сама совѣмъ было забыла о ней.

Тетя Мальвина достала очки, протерла стекла носовымъ платкомъ и, надѣвъ ихъ, поднесла складень къ лампѣ. Слѣдя за указательнымъ пальчикомъ Гильды, она увидѣла фотографическое изображеніе двухъ дѣвочекъ лѣтъ десяти и двѣнадцати, стоявшихъ обнявшись и весело улыбававшихся.

— Господи Боже мой, вскричала тетка, — развѣ это не... О, я вижу теперь: это вѣдь Клара. Откуда ты взяла эту карточку? Я никогда ее не видѣла.

— Это была пробная карточка, которой мама осталась недовольна и не велѣла печатать.

— Атъ, теперъ я припоминаю...

Госпожа Исбергъ тихонько сняла очки, какъ-то судорожно пожевала губами и встала со своего мѣста.

— Кажется, идутъ гости, сказала она.

Дѣйствительно гости начинали съѣзжаться, и въ послѣдовавшія десять минутъ комнаты оглашались поздравленіями и возгласами удивленія передъ выставленными свадебными подарками. Собралось лишь небольшое общество, состоявшее исключительно изъ ближайшихъ родственниковъ жениха и невесты. Разумѣется, всѣ спрашивали, почему нѣтъ Алины, и хозяйка отвѣчала всѣмъ стереотипной фразой: „маленькая Марія несовсѣмъ здорова“. Впрочемъ, самъ Билльгрень, добродушный и толстой старикъ, славившійся своей прямою, откровенно отвѣчала: „одинъ сатана разберетъ, что на нихъ нашло! Жена получила письмо отъ Алины, но мнѣ не дали его прочесть!“

Гости размѣстились парами, чтобы идти къ столу. По обыкновенію госпожѣ Исбергъ не хватило кавалера, и она прошла въ столовую въ хвостѣ шествія.

Да, тетя Мальвина привыкла къ такому обращенію! Почти всегда ее, какъ „близкую родственницу“ и „своего человѣка въ домѣ“, сажали между дѣтьми или съ гувернантками и никогда не давали ей кавалера. Ее приглашали на всякій важный обѣдъ къ Билльгренамъ, и она неизмѣнно являлась, хотя сознавала, что ее приглашаютъ только изъ состраданія, и это глубоко оскорбляло ее. Никогда она не рѣшалась отказаться, потому что, какъ бы тамъ ни было, а хорошей обѣдѣ, въ качествѣ разнообразія въ гостинничномъ столу, которымъ она питалась, имѣлъ свою прелесть, а кромѣ того надо же ей было видѣть иногда людей и слышать новости, чтобы не одичать въ своемъ одиночествѣ.

Сегодня она держала себя за столомъ чрезвычайно странно и была удивительно рассѣянна. Супъ она стала ѣсть десертной ложкой, нѣсколькихъ блюдъ она не коснулась даже, а когда въ какомъ нибудь концѣ стола ей слышалось слово „за здоровье“, она всякій разъ хваталась за рюмки и съ напряженной улыбкой окидывала всѣхъ присутствовавшихъ вопросительнымъ взглядомъ. Наконецъ, когда дѣйствительно былъ провозглашенъ тостъ за помолвленныхъ, она поздравила ихъ въ такихъ напыщенныхъ и преувеличенно-льстивыхъ выраженіяхъ, что было неловко слушать ее.

— Сегодня тебя Мальвина была особенно великолѣпна! говорили между собой дѣвочки, когда кончился обѣдъ. — Видно, она такъ польщена возможностью присутствовать на подобномъ торжествѣ, что совсѣмъ растерялась.

Госпожа Гуртъ, услышавшая это замѣчаніе, сказала дѣвочкамъ:

— Ай-ай, какъ вы сурово судите о людяхъ! Каждая изъ насъ немножко тщеславна... Вы вѣдь знаете, что добрая Мальвина любитъ Гильду какъ дочь и не можетъ относиться равнодушно къ ея помолвкѣ.

Въ то время, какъ обносили кофе, госпожа Исбергъ подошла къ Гильдѣ и отозвала ее въ сторону.

— Пойдемъ въ спальню, моя милая, сказала она, — я хочу сказать тебѣ нѣчто на единѣ.

Гильдѣ было досадно оставить жениха и другихъ гостей; притомъ она знала, что секретныя сообщенія тети Мальвины почти всегда были крайне неинтересны, и она проговорила нѣсколько нетерпѣливо:

— Не можете ли вы сказать это здѣсь?

— Невозможно! возразила тетка. — Я не хочу, чтобы услышалъ ктонибудь другой.

Дѣвушка покорилась необходимости, и онѣ вмѣстѣ вышли въ спальню.

— Видишь ли, сказала тамъ тетя Мальвина, — я хочу попросить у тебя большой услуги. Не прими это дурно... Ты получила сегодня такъ много подарковъ, что, вѣроятно, сама въ великодушномъ настроеніи.

— Въ чемъ дѣло? говорите, тетя! торопила ее Гильда.

— Подари мнѣ что-то, что доставитъ мнѣ много радости— тотъ портретъ Клары.

— Я бы съ радостью сдѣлала это, но онъ уже мнѣ не принадлежитъ: я подарила его Альберту, какъ вы знаете, тетя.

— Ахъ да... конечно, да. Ну такъ я попрошу Альберта... Онъ вѣроятно не откажетъ.

— Нѣтъ, милая тетя, не дѣлайте этого!.. Было бы ужасно досадно! весь хорошенькій складень, нарочно мною заказанный для этого, былъ бы испорченъ, а Альбертъ такъ доволенъ имѣть меня во всѣхъ возрастахъ.

— Ахъ, такъ, да... конечно... Ну, не будемъ, стало быть, и говорить объ этомъ...

— Мнѣ право жаль, что я не могу исполнить ваше желаніе, тетя...

— Ахъ, нѣтъ! Не заботься объ этомъ. Не стоить и думать! Это была простая прихоть съ моей стороны.

Гильда успокоилась и поспѣшила къ гостямъ. Она не знала, на сколько былъ близокъ сердцу старой тетки этотъ портретъ, потому что тетя Мальвина бывала всегда такая жеманная, что нельзя было разобрать, когда она говорила отъ души.

Немного позже въ гостиной разговаривала съ молодой мадамъ Билльгрентъ одна пожилая дама, сестра госпожи Юртъ. Она говорила о своихъ внукахъ и касалась разныхъ подробностей, особенно интересныхъ для всѣхъ бабушекъ. Госпожа Исбергъ сидѣла тамъ же и прислушивалась къ разговору съ особенно блестящимъ взглядомъ, но ничего не говорила, пока тутъ была молодая Билльгрентъ. Когда же послѣдняя встала и

отошла къ другимъ гостямъ, тетя Мальвина подсѣла къ старушкѣ, съ которой встрѣтилась сегодня въ первый разъ, и заговорила:

— Я вамъ разскажу, что и у меня есть маленькая внучка того же возраста, какъ ваша. Это удивительно умный ребенокъ! Я до сихъ поръ еще не видала внучки, потому что моя дочь замужемъ за почтовымъ чиновникомъ и живетъ далеко на сѣверѣ. Но по всѣмъ описаніямъ видно, что ребенокъ поразительно быстро развивается.

Послѣ этого она въ свою очередь сообщила нѣсколько любопытныхъ чертъ, свидѣтельствовавшихъ о развитіи внучки.

Вскорѣ молодая Билльгрентъ снова направилась въ эту сторону, и, замѣтивъ ея приближеніе, тетя Мальвина поспѣшно шепнула своей собесѣдницѣ, чтобы та ничего не говорила о ея внучкѣ при „миллой Минѣ“.

Старушка была такъ удивлена этимъ запрещеніемъ, что воспользовалась первымъ же удобнымъ случаемъ, чтобы разпросить госпожу Мину, и тогда ей пришлось услышать — почему именно не слѣдовало говорить о внучкѣ Мальвины Исбергъ...

Господа Билльгрентъ давно работали надъ планомъ облегчить печальное существованіе тети Мальвины. Они знали, что ея маленькой пенсiи едва-едва хватало на самое необходимое. У нея была лишь одна холодная и неудобная комната, въ которой она жила одна, безъ всякой прислуги; заболѣй она серьезно — а она всегда была болѣзненна — некому было ходить за ней. Между тѣмъ недавно было задумано устройство въ Гетеборгѣ особаго дома для пристарѣлыхъ одинокихъ женщинъ; въ этомъ домѣ предполагалось доставлять старушкамъ всевозможный комфортъ за самую ничтожную плату. Билльгрентъ былъ однимъ изъ учредителей дома и, внося свою часть въ дѣло, поставилъ условіемъ, что одна вакансія въ заведеніи будетъ замѣщаться по его усмотрѣнію. При этомъ онъ думалъ о Мальвинѣ и нарочно для нея удержалъ въ заведеніи очень удобную веселенькую комнату со всякими удобствами, за которую, вмѣстѣ со всѣмъ содержаніемъ, ей пришлось бы платить не болѣе половины своей пенсiи, такъ что ей оставалась бы порядочная сумма на экстренные расходы.

Но весь этотъ хорошо обдуманнй планъ разбился о самое бессмысленное и упрямое сопротивленіе госпожи Исбергъ. Мадамъ Билльгрентъ выдержала съ нею нѣсколько горячихъ стычекъ изъ-за этого вопроса; при этомъ одна говорила о безумiи и возмутительной неблагодарности, другая — о непонятномъ деспотизмѣ, которому она не намѣрена подчиняться, потому что она бѣдна, но дорожитъ всего цѣнить свою свободу и т. д. Разумныхъ доводовъ тетя Мальвина не приводила, тѣмъ не менѣе уговорить ее оказалось невозможно.

Ко времени обѣда, о которомъ мы рассказывали, дѣло дошло до того, что родственники не рѣшались болѣе касаться щекотливаго вопроса, но комнату въ заведеніи, которое открывалось на этихъ дняхъ, все еще оставляли незанятою и рѣшились сдѣлать еще одну попытку образумить тетю Мальвину. Они сговорились со своими друзьями дѣйствовать сообща и особенно повліять на упрямую старуху. Госпожа Юртъ должна была заговорить сегодня, точно мимоходомъ, о великолѣпнѣи новаго учрежденія, а остальные взялись поддержать ее, причемъ всѣ должны были притворяться, что вовсе не знаютъ о кандидатурѣ госпожи Исбергъ.

Когда вечеромъ мужчины удалились въ кабинетъ, молодежь въ особую комнату, а помолвленные въ свой будуаръ, причемъ дамы составили интимный кружокъ въ гостиной вокругъ лампы, госпожа Юртъ начала съ самымъ невиннымъ видомъ:

— Что ни говорите, а у насъ въ Гетеборгѣ дѣлается много хорошаго. Скажу тебѣ, Лидія, что это заведеніе для пожилыхъ особъ оказывается превосходнѣйшимъ учрежденіемъ. На дняхъ я проходила мимо и зашла посмотрѣть. Ну, знаешь ли, тамъ такъ хорошо, что еслибы я осталась въ одиночествѣ, то не могла бы пожелать себѣ лучшаго убѣжища!

Госпожа Исбергъ съ первыхъ же словъ о заведеніи насто-рожилась, какъ бѣглець, которому слышится погоня; въ ея лицѣ что-то обострилось, губы плотно сжались, а выраженіе стало непреклоннымъ; но она не вмѣшилась въ разговоръ и, повидимому, всецѣло была занята альбомомъ, который пере-листавала.

— Кто это, милая Лидія? спросила она, обращаясь къ хозяйкѣ. — Я что-то не узнаю этого господина.

Госпожа Виллгрень не отвѣтила на вопросъ, больше всего заботясь не дать заглухнуть поднятому разговору о вдовьемъ домѣ.

— Да, сказала она, — почти всѣ мѣста уже заняты. Кто желаетъ воспользоваться случаемъ, долженъ рѣшиться поскорѣе. Вы понимаете, что разъ вакансіи будутъ заняты, онѣ не скоро опять откроются.

— Еще бы! согласилась сестра госпожи Юртъ. — Счастливы тѣ, которыя имѣютъ протекцію, потому что безъ этого, вѣроятно, трудно попасть въ заведеніе.

— Дорогая Мина, проговорила тетя Мальвина, обращаясь къ молодой мадамъ Виллгрень. — Ты бы объяснила мнѣ, чьи эта новыя карточки въ альбомѣ. У васъ столько ихъ прибавилось за послѣднее время.

— А вы, мадамъ Исбергъ, не видѣли этого дома? спросила

госпожа Гортъ, рѣшившая, что нужно дѣйствовать рѣшительно.

— Какой домъ, дорогая мадамъ Гортъ?

— Домъ заведеніи для престарѣлыхъ одинокихъ особъ?

— Нѣтъ! Благодаря Бога, я не нуждаюсь въ такомъ домѣ. У меня свое крошечное жилище, которымъ я вполне довольна.

Молодая Мина Билльгрень, нѣсколько горячая и нетерпѣливая, обронила неосторожное замѣчаніе:

— Да, хорошо имѣть свое собственное жилище, но для этого нужны средства!

— Сколько мнѣ извѣстно, я никого не обременяю собой! возразила госпожа Исбергъ нѣсколько глухо.

— Ахъ, милая Мальвина, да кто же можетъ сказать противное! примирительно вмѣшалась мадамъ Билльгрень старшая.

Но Мина не могла примириться съ понесеннымъ поражениемъ и сказала рѣзче прежняго:

— Вамъ слѣдовало бы знать, тетя Мальвина, что всѣ мы хлопочемъ о вашей же пользѣ. Когда мой свекоръ устроилъ для васъ мѣсто въ заведеніи, это было не для своею удовольствія, а для вашего блага!

— Я прошу позволенія самой судить о моемъ благѣ, милая Мина! возразила госпожа Исбергъ съ дрожью въ голосѣ. — Я несовѣтъ же идиотка и не выжила изъ ума... Пока я никого не прошу о помощи, зачѣмъ же беспокоиться другимъ о моихъ дѣлахъ?

У молодой барыни вертѣлся на языкѣ отвѣтъ, что раньше или позже родственникамъ придется позаботиться о старухѣ, когда та станетъ безпомощной. Но такого замѣчанія она не рѣшилась сдѣлать и сказала въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ:

— Мнѣ вѣжется, что съ вашей стороны неблагоприятно, тетя, такимъ образомъ принимать доброжелательство родственниковъ.

— Неблагодарно? Ты полагаешь, что я въ такомъ долгу передъ вами? вырвалось у Мальвины и теперь у нея пошло черезъ край. Все, что годами накопилось у нея на душѣ, рвалось наружу, и, забывая свою обычную осторожность, она заговорила отрывыстыми, безсвязными предложеніями:

— Да, я являлась сюда на обѣды... Меня звали изъ милости... Мною помыкаютъ какъ хотятъ... Я должна притворяться веселою, когда мое сердце разрывается отъ горя... О своихъ и о томъ, что мнѣ дорого, я не имѣю права говорить въ домѣ, гдѣ дѣвушки составляютъ великолѣпныя партіи... Разумѣется! Богатымъ и надменнымъ людямъ должно быть одно только счастье... а я должна всѣмъ во-

сторгаться... О моемъ ребенкѣ никто не спрашиваетъ, но я имѣю честь сказать вамъ, что моя дочь не хуже кого бы то ни было! Можете думать о ней, что хотите, я не забочусь объ этомъ, но скорѣй вы отнимете у меня жизнь, чѣмъ право раздѣлить съ дочерью мое скромное жилище... Конечно, если она захочетъ! Мнѣ нечего идти въ богадѣльню — столько же основаній, какъ госпожѣ Иоргъ или самой Лидіи! Я не одинокая женщина, какъ вы утверждаете, потому что у меня есть дитя, отъ котораго я не отрекаюсь... Полагаю, что у меня такія же человѣческія чувства, какъ у васъ... Если моя Клара вздумаетъ вернуться къ своей старой матери, она можетъ быть увѣрена, что я жду ее.. Правда, у меня жалкое жилище въ сравненіи съ вашимъ, но я не безпріютна, и съ Божьей помощью дочь всегда найдетъ у меня пріютъ!

Въ комнатѣ водворилась мертвая тишина, и барыни не рѣшались даже взглянуть другъ на друга, подавленные такимъ чувствомъ стыда, точно онѣ сами оскорбили и опорочили дочь тети Мальвины. Каждая чувствовала неудержимую потребность оправдаться, заглазить свою вину, и еслибы въ эту минуту Клара вошла въ комнату, ее приняли бы съ большими знаками уваженія, чѣмъ самое невѣсту.

Между тѣмъ госпожа Исбергъ встала, овладѣла собой и тотчасъ же впала въ свой обыкновенный слащавый тонъ, точно испугавшись того, что сдѣлала, и торопясь уйти съ дороги другихъ людей.

— Господи, заговорила она, — я положительно омрачила радость торжественнаго дня! Мнѣ ужасно жаль!.. И охота была милой Минѣ говорить о моихъ ничтожныхъ дѣлишкахъ!.. — Теперь я прошу извинить меня и должна проститься — иначе я опоздаю на конку. До свиданія, дорогая Лидія! Благодарю тебя за безконечно пріятный день...

Послѣднюю фразу тети Мальвина сказала по привычѣ и безъ малѣйшаго злаго умысла, но госпожа Билльгрень почувствовала въ ея словахъ горькій и заслуженный упрекъ. Она проводила старую кузину въ переднюю, поглядывала на нее съ раскаяніемъ и приказала четырнадцатилѣтнему сыну, Арвиду, проводить тетю до конки.

Мальчикъ не особенно былъ польщенъ порученіемъ и такъ торопилъ тетю, что та одѣлась кое-какъ. Она страдала отъ непривычнаго неряшества и знала, что непременно простудится, потому что не успѣла надѣть подъ шляпу теплую козынку, но не протестовала и торопилась освободить навязаннаго ей провозжатаго.

Проходя сѣни, она пожелала заглянуть въ кухню, чтобы поблагодарить служанокъ. Когда часто являешься въ домъ, надо

же дѣлать что нибудь для прислуги, а если нѣтъ возможности давать на чай, нельзя скупиться на добрыя слова и улыбки.

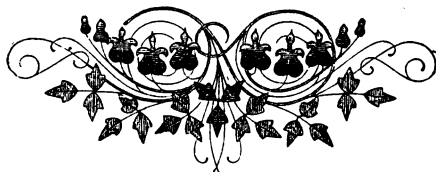
Арвидъ убѣдительно просилъ тетю поторопиться и такъ гналъ ее по лѣстницамъ, что она споткнулась и вскричала въ отчаяніи.

Боже ты мой! дитя мое, не загони ты меня до смерти! Развѣ ты не понимаешь, что я стара и мнѣ не угнаться за тобой!

Но немного позже, когда они вышли на улицу и прошли нѣсколько шаговъ молча, она внезапно улыбнулась самой пріятной улыбкой, ласково потрепала Арвида по плечу и сказала:

— Послушай, милый мой мальчикъ, не можешь ли ты объяснить мнѣ — почему Алина отказалась пріѣхать на обѣдъ?

Со шведскаго. Баронъ В. Ф—съ

ТЕМНАЯ ВЕСНА

Э С К И З Ъ

Коррадо Риччи

Въ юношескомъ возрастѣ человѣкомъ подчасъ овладѣваетъ необъяснимая меланхолія. Никто еще не прошелъ этотъ такъ называемый блестящій переходъ нашей жизни отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, не испыталъ по временамъ глубокой, непонятной душевной тоски.

Отъ избытка ли жизненныхъ силъ происходитъ этотъ недугъ, отъ того ли, что душа пробуждается для новыхъ чувствъ или что сердце жаждетъ новой привязанности?

Въ этомъ отношеніи ошибочно называютъ юношескіе годы самыми свѣтлыми. Ни за какія блага въ мірѣ не хотѣлъ бы я ихъ пройти снова.

Почему юноша съ такой грустью смотритъ на солнечный закатъ? почему онъ мечтательно слѣдитъ за движеніемъ облаковъ, отыскивая въ ихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ таинственные, причудливые образы? почему иногда овладѣваетъ имъ желаніе плакать безъ всякой видимой причины?

Все это относится не только къ такимъ юношамъ, положеніе которыхъ представляетъ какіе нибудь видимые и дѣйствительные поводы тоски, но и къ здоровымъ, сильнымъ, счастливымъ. Неудивительны желтизна и блѣдность лица горбатыхъ дѣтей. Она происходитъ отъ вѣчно раздражающаго ихъ недовольства собою. Мучительно-трогательна грустная улыбка юнаго слѣпца, эта выразительная улыбка, блуждающая на его устахъ, когда онъ поднимаетъ голову къ небу, котораго онъ не видитъ. Какая причина тому, что не-

счастливые, лишенные божественного дара зрѣнія, такъ любить стоять на солнцѣ?

Человѣку свойственно наблюдать радости и печали юношескаго возраста: стоять ли изслѣдованій движенія чело-вѣческой души въ томъ ея фазисѣ, когда она уже приучилась къ притворству! Надо заглядывать въ душу, пока она вся раскрыта, подобно нимфѣ, вышедшей на поверхность озера.

Эти строки вызваны горькимъ воспоминаніемъ объ одномъ изъ самыхъ грустныхъ впечатлѣній моего юношескаго возраста.

Въ прежнія времена въ Болоньѣ слѣпыхъ почему-то учили играть только на скрипкѣ. Теперь, благодаря заботливости нѣкоторыхъ благотворителей, существуетъ для нихъ институтъ, въ которомъ ихъ обучаютъ всему, чему только можно обучать слѣпыхъ. Если не всё, то многіе изъ нихъ играютъ на фортепіанахъ, впрочемъ, нисколько не лучше зрячихъ, вопреки ошибочному мнѣнію, будто слѣпые всегда способнѣе къ музыкѣ, чѣмъ люди, обладающіе зрѣніемъ.

Однажды на балу въ домѣ богатой дамы я увидѣлъ одного изъ воспитанниковъ института слѣпыхъ въ качествѣ тапера. Онъ игралъ танцы и среди шумнаго веселья, казалось, забывалъ о своей несчастной участи. Присутствіе этого слѣпыхъ юноши въ блестящемъ залѣ меня до того разстроило, что даже видъ всѣхъ собравшихся здѣсь красавицъ, противъ обыкновенія, не могъ меня вывести изъ тяжелаго равнодушія.

Прикованный его неизмѣримымъ несчастіемъ, большую часть вечера я оставался возлѣ него.

Въ противоположность обыкновеннымъ піанистамъ, когда онъ игралъ, двигая пальцами, лицо его оставалось почти неподвижнымъ и голова никогда не наклонялась къ клавишамъ. Онъ родился слѣпымъ, поэтому у него не проявлялось никакихъ движеній, связанныхъ съ зрѣніемъ. Онъ никогда не видѣлъ лица своей матери; ему не была знакома улыбка на женскихъ устахъ; не для него весна одѣвала въ яркую зелень холмы и лѣса; не для него она рассыпала пестрые цвѣты по лугамъ; не для него двигались облака по синему своду; не для него свѣтились на немъ звѣзды!

Его окружалъ густой, безпросвѣтный мракъ. О, Боже, думалъ я, существуютъ ли такія блага и радости у насъ, окруживъ которыми слѣпыхъ, мы могли бы уравновѣсить ихъ лишенія и хотя сколько нибудь приравнять къ нашимъ обыкновеннымъ радостямъ и печалямъ?

Слѣпой долго игралъ безъ остановки, съ точнымъ соблюденіемъ ритма и въ живомъ темпѣ. Дамы находили, что подъ его музыку отлично танцуется, и нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе любезныя, мелькая мимо него, успѣвали произносить: »браво... браво... чудесно!«

И слѣпой неумоимо продолжалъ играть, не измѣняя своей позы. Одно только блѣдное его лицо, подъ вліяніемъ усталости на минуту вспыхивавшее отъ похвалъ яркой краской, и блуждавшая на устахъ грустная улыбка изобличали въ немъ жизнь мученика.

Послѣ кадрили раздалися горячіе аплодисменты въ честь виртуоза: онъ игралъ съ такимъ брію, съ такимъ энтузіазмомъ, что совершенно увлекъ танцующихъ. Всѣхъ охватила какая-то баззавѣтная веселость; сердца ихъ прониклись добродушіемъ и взаимной симпатіей, при которой начинается искренный обмѣнъ доброжелательными, любезными рѣчами, руки встрѣчаются въ горячихъ пожатіяхъ, а глаза въ привѣтливыхъ взглядахъ.

Въ первый ли разъ бѣдному слѣпому юношѣ пришлось выслушать столько похвалъ? Легкое дрожаніе рукъ обнаруживало его волненіе. Въ промежуткахъ между танцами онъ неподвижно оставался сидѣть за фортепіаномъ. Въ одномъ изъ антрактовъ, послѣ небольшого отдыха, онъ невольно, въ видѣ интермеццо, сталъ тихо наигрывать извѣстную »Frühlingslied« Шумана, эту грустную »пѣснь весны« великаго музыканта, который понималъ, что и посреди самаго веселья душа человѣческая переживаетъ свои печали.

Дамы подъ руку со своими кавалерами уходили въ *буфетъ*, и мало по малу въ опустѣвшей залѣ воцарялась тишина.

Никого въ ней не осталось кромѣ меня. Я стоялъ возлѣ него и слѣдилъ за нимъ.

»Пѣснь весны« въ его исполненіи производила странное впечатлѣніе. То онъ несвоевременно замедлялъ темпъ, то придавалъ ему несоотвѣтственную быстроту.

Отчего это происходило? Вѣроятно его учили исполнять ее какъ слѣдуетъ, но подѣ влияніемъ его собственнаго чувства она приняла нѣсколько иной, чуждый намѣренію автора, характеръ. Пѣснь превратилась въ плачь, въ болѣзненный стонъ, за которымъ снова слѣдовала главная тема мелодіи въ ея настоящемъ характерѣ любовнаго романса.

Онъ никогда не видѣлъ весны и поэтому не могъ понимать всего значенія нѣжныхъ и сладостныхъ звуковъ, изображавшихъ ее. Въ его порывистой игрѣ выражалась боль его души, протестъ противъ мрачной и непонятной несправедливости судьбы. »Почему долженъ я воспѣвать хвалу природѣ, если она скрыла отъ меня свою красоту? И правда ли, что она, укутавшая меня тьмою, создала какіе-то свѣтлые, чудные образы? Существуетъ ли свѣтъ? Существуютъ ли прекрасныя творенія?« Такъ казалось мнѣ, думаль въ это время слѣпой юноша.

Грустная пѣснь Шумана продолжала раздаваться въ пустой и безмолвной залѣ. Между тѣмъ онъ, видимо, предполагалъ, что всѣ эти милыя дамы, которыя его только что хвалили, слушаютъ его въ благоговѣйномъ молчаніи, что онѣ понимаютъ всю глубину его печали, всю неизмѣримость его несчастія, что онѣ сладкими рѣчами утѣшенія дадутъ его сердцу чувство весны, которую онъ не могъ познать взоромъ и которую такъ всѣ воспѣваютъ.

Бѣдный слѣпой! Люди не особенно терпѣливы къ обездоленнымъ! Между ними рѣдко попадаются души, знающія божественныя слова милосердія и утѣшенія!

Пѣснь кончилась. Крикъ сердечнаго протеста умолкъ.

Какъ неподвижно было лицо его, такъ же неподвижно покоились теперь его обезсиленные руки на клавишахъ рояля. Можетъ быть, онъ ожидалъ знаковъ одобренія, словъ сочувствія, аплодисментовъ. Можетъ быть, онъ мечталъ, что сладкій голосъ произнесетъ ему похвалу или что нѣжная рука ласково прикоснется къ его волосамъ...

Но вдругъ онъ понялъ истину, почувствовалъ свое одиночество, и двѣ слезы упали на блѣдныя щеки. Глазамъ твоимъ, подумаль я, чужды радости свѣта, но не горечь слезъ.

Съ итальянскаго. И. А. Гр—ская

ТЕРНИСТЫМЪ ПУТЕМЪ

(P E R A S P E R A)

Историческій романъ

ГЕОРГА ЭБЕРСА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

XXXII

Между тѣмъ какъ Александръ, потрясаемый лихорадкой отъ ранъ, но пользовавшийся хорошимъ уходомъ Аргутиса и Иоанны, звалъ Агаею и своего брата Филиппа, но еще гораздо чаще сестру, Мелисса находилась одна въ своемъ потаенномъ убѣжищѣ.

Оно было довольно обширно, потому что состояло изъ комнатъ, служившихъ для посвященія постороннихъ людей въ мистеріи Сераписа. Для этого назначенія былъ отведенъ рядъ комнатъ, палатъ и залъ, занимавшій всю ширину гигантскаго зданія отъ запада къ востоку. Прилежныя руки живописцевъ и ваятелей украсили здѣсь повсюду стѣны и потолки живописными изображеніями или горельефами, которые должны были смущать или устрашать непосвященныхъ. Статуи, въ которыхъ не было недостатка, тоже носили странные символическіе знаки, а мозаика пола представляла картины, возбуждавшія воображеніе зрителя и еще чаще устрашавшія его.

Когда Мелисса вошла въ свою маленькую спальню, тѣма скрыла все это отъ ея глазъ.

Она охотно послѣдовала совѣту матроны — тотчасъ же лечь спать. Но Эвриала еще нѣкоторое время сидѣла на краю ея постели, слушая разсказъ о томъ, что пережила

она въ послѣдніе часы, и дала ей наставленіе, какъ она должна поступить въ томъ случаѣ, если ея убѣжище подвергнется осмотру.

Прощаясь со своею покровительницей, Мелисса сообщила ей также то, что рассказывала ей служанка Іоанна о жизни Іисуса Христа; но свое расположеніе къ личности Спасителя она выражала такимъ страннымъ, чисто языческимъ, образомъ, что Эвріала жалѣла, что не можетъ теперь же разъяснить слышанное дѣвушкамъ, истомленной усталостью.

Наконецъ матрона, съ сердечнымъ поцѣлуемъ, пожелала ей покойной ночи, и какъ только Мелисса осталась одна, сонъ сомкнулъ ея усталые глаза.

Отъ того момента, когда она заснула, утро было не далеко, и Мелисса, привыкшая вставать рано, съ удивленіемъ замѣтила проснувшись, что день уже далеко подвинулся впередъ.

Поэтому она быстро встала и тотчасъ же сообразила, что, должно быть, Эвріала заходила къ ней, потому что дѣвушка нашла возлѣ своего ложа свѣжее молоко и нѣсколько исписанныхъ свитковъ, которыхъ не было наканунѣ.

Ея первую мыслью была мысль о своихъ близкихъ: объ отцѣ, братьяхъ, женихѣ, и она помолилась о каждомъ изъ нихъ, прося о ихъ спасеніи прежде всего духъ умершей матери, затѣмъ великаго Сераписа, которые, конечно, могли услышать ее въ этомъ, имъ посвященномъ, мѣстѣ.

То, что угрожало ея милымъ, заставило ее совершенно забыть о своей собственной опасности, и она живо представляла себѣ — что происходитъ съ каждымъ изъ нихъ, что дѣлается для каждаго, чтобы скрыть его отъ сыщиковъ ужаснаго челоуѣка, который теперь, вѣроятно, уже получилъ ея письмо.

Вопросъ — не можетъ ли онъ все-таки оказаться великодушнымъ и простить ей — безпрестанно подымался въ ея душѣ, хотя все заставляло ее отвѣчать на него отрицательно.

Во время молитвы и озабоченныхъ думъ о своихъ близкихъ она чувствовала себя еще спокойною, но при первой мысли, относившейся къ личности цезаря, ея душою овладѣло мучительное волненіе, и, чтобы успокоить его, она начала осматривать свое обширное потайное убѣжище, о странномъ видѣ котораго Эвріала уже предупредила ее.

Но этотъ видъ не только былъ страненъ, но во многихъ мѣстахъ волновалъ сердце и умъ изумленіемъ и ужасомъ.

Куда бы ни смотрѣли здѣсь глаза — имъ повсюду представлялись загадки, и когда Мелисса, стоя у рельефной картины, изображавшей обезглавленныхъ людей вверхъ ногами и осужденныхъ, которыя, кипя въ большомъ котлѣ, съ адскою проніей навѣвали на себя прохладу, смотрѣла дальше, ея взглядъ встрѣчалъ то изображение женщины, по скорченному тѣлу которой плавали барки, то четырехглаваго барана или птицъ съ человѣческими головами, подымавшихся съ трупа, обвязаннаго пеленами мумій. На потолкѣ находились еще болѣе странныя изображенія, а когда Мелисса, для успокоенія своей встревоженной фантазіи, смотрѣла на полъ, то ея взглядъ упалъ на мозаичную картину, представлявшую сонмъ богинь мщенія, которыя гнали передъ собою преступниковъ, или на огненную лужу, охраняемую съ четырехъ сторонъ какими-то странными уродами.

Притомъ всѣ эти изображенія были выполнены не въ жесткомъ, прямолинейномъ стилѣ, свойственномъ египетскимъ произведеніямъ подобнаго рода, а греческими художниками, съ такою натуральностью и жизненностью, точно они говорили со зрителемъ; и Мелиссѣ казалось, что они сходятъ со стѣнъ или съ потолка на встрѣчу ей.

Дальнѣйшее пребываніе здѣсь, подумала она, свело бы ее съ ума, однако же, ея вниманіе привлекали: то исполтинская жаровня, на металлическомъ днѣ которой еще лежали большіе куски угля, то водяной бассейнъ, на днѣ котораго виднѣлись крокодилы, лягушки, черепахи и раковины, сдѣланныя изъ мозаики.

Кромѣ этихъ вещей, ея любопытство приковывали къ себѣ также большіе шкафы, въ которыхъ лежали здѣсь — свистки письменъ, тамъ — какая-то странная утварь, далѣе, наконецъ, одежды различной формы и всякой величины, начиная отъ простаго хитона обыкновеннаго человѣка до пышной, покрытой звѣздами, мантии адепта.

Она слышала отъ Эвриалы, что мисты, желавшіе быть принятыми въ болѣе высокую степень, должны были переходить здѣсь черезъ огонь и воду и въ различныхъ одѣянiяхъ подвергаться разнымъ церемоніямъ.

Далѣ покровительница Мелиссы сообщила ей, что непосвященный, который захотѣлъ бы войти въ эти покои, долженъ отворить три двери, причемъ каждая поднимаетъ громкій звонъ бубенчиковъ, и такимъ образомъ Мелиссѣ будетъ время уйти изъ комнаты, въ которой она можетъ запереться. Въ случаѣ опасности дверь, видимая только для посвященныхъ, выведетъ ее оттуда на лѣстницу и затѣмъ на улицу. Къ счастью, спальная комната находилась недалеко отъ оконъ, выходящихъ на западъ, и здѣсь она находила облегченіе послѣ опутывавшихъ ея умъ впечатлѣній, нахлынувшихъ на нее при созерцаніи внутреннихъ комнатъ ея потайнаго убѣжища.

Вымощенный камнями проходъ, отдѣлявшій Серапеумъ отъ Стадіума, сначала былъ довольно оживленъ, но колесницы, всадники и пѣшеходы, на головы которыхъ она смотрѣла внизъ изъ своего высоко расположеннаго помѣщенія, привлекали ее такъ же мало, какъ и обширная пустая внутренность ристалища съ широкою ареной, часть которой она могла обозрѣвать.

Должно быть на завтра назначены состязанія въ бѣгахъ, думала она, потому что множество рабовъ здѣсь — выравнивали песокъ, тамъ — украшали цвѣтами ложу въ самомъ нижнемъ ряду для зрителей, которая, очевидно, предназначалась для императора.

Неужели ей предстоитъ еще разъ увидѣть этого ужаснаго человѣка отсюда, гдѣ она считала себя спрятанною отъ него?

Ея сердце забилось быстрѣе, и въ то же время ея возбужденный умъ началъ ставить ей вопросъ за вопросомъ, изъ которыхъ каждый съ новою силой пробуждалъ въ ней заботу о ея близкихъ, о которыхъ она передъ тѣмъ думала съ гораздо большимъ спокойствіемъ и съ большею увѣренностью.

Куда могъ убѣжать Александръ? Удалось ли отцу и Филиппу скрыться въ мастерской Главкіаса? Ускользнулъ ли изъ гавани вѣвремя Діодоръ съ Полибіемъ и Праксиллой? Какимъ образомъ устроилъ Аргутисъ, чтобы ея письмо дошло до цезаря, не подвергая себя самого слишкомъ большой опасности? Относительно Каракаллы она не сознавала за собою никакой вины.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ существовала какая-то таинствен-

ная сила, которою она была привлечена къ нему. Она еще и теперь чувствовала, что она охотно оказала бы ему всякую услугу и помогла бы ему переносить то тяжкое бремя, которое на него наложила его жестокая судьба.

Только его судьба не могла сдѣлаться и ея судьбою. Сердце ея принадлежало другому, и въ этомъ созналась она въ своемъ письмѣ къ нему, хотя, можетъ быть, слишкомъ поздно.

Если онъ дѣйствительно обладаетъ сердцемъ, способнымъ къ любви, и привязался этимъ сердцемъ къ ней, то ему должно быть тяжело чувствовать, что онъ отдалъ свою привязанность дѣвушкѣ, уже принадлежавшей другому въ то время, когда она явилась къ нему въ первый разъ въ качествѣ просительницы, глубоко охваченная теплымъ состраданіемъ. Однако же, онъ, конечно, не имѣетъ права осуждать способъ ея дѣйствій.

Въ этомъ она была твердо убѣждена.

Если ея отказъ возбудитъ его гнѣвъ и предсказаніе отца и Филострата, что его ярость ввергнетъ въ погибель и многихъ другихъ, все-таки оправдается, то...

Здѣсь она остановилась, и по ней пробѣжалъ холодъ.

Но вслѣдъ затѣмъ она вспомнила о томъ часѣ, когда она была готова сдѣлаться его женою и пожертвовать любовью и счастьемъ для того, чтобы смягчить его дикій нравъ и защищать другихъ отъ его необузданной страстности. Она уже теперь была бы, можетъ быть, его женою, еслибы онъ самъ не показалъ ей, что она никогда и ни въ какомъ случаѣ не пріобрѣтетъ силу—смягчать его внезапно вспыхивающій гнѣвъ и испрашивать милосердіе къ жертвамъ его свирѣпой жестокости.

Умерщвление Виндекса и его племянника нанесло этой надеждѣ смертельный ударъ. Мелисса наилучшимъ образомъ знала, какъ серьезна была ея рѣшимость безкорыстно отречься отъ всякаго притязанія на будущее счастье, чтобы отстранить отъ другихъ угрожавшую имъ опасность, и теперь, когда она знала исторію божественнаго Учителя христіанъ, она сказала себѣ самой, что въ тотъ часъ она поступила такъ, что ея дѣйствія были бы одобрены Имъ. Но отдавать на пропятіе самыя чистыя, самыя жаркія желанія своего сердца напрасно и не ради какой нибудь другой благочестивой идеи — это не было бы ни добрымъ, ни спра-

ведливымъ, — такъ ей съ увѣренностью говорилъ ея здравый смыслъ.

Преступленія, которыя совершалъ Каракалла теперь, безъ нея, онъ совершалъ бы и съ нею. Какъ мало цѣнили бы онъ обладаніе ею, а она... Какъ только минуетъ эта опасность, какъ только онъ снова удалится въ какую нибудь другую часть своей обширной имперіи, и тѣ, которыхъ она любитъ, останутся не тронутыми, — тогда съ человѣкомъ, которому принадлежитъ ея сердце, она можетъ сдѣлаться столько же счастливою, невыразимо счастливою, сколько, сдѣлавшись супругою императора, она была бы несчастна, причемъ сдѣлалась бы жертвой никогда непрекращающагося смертельнаго страха.

Эвриала была права, и судьба, которую призвала она, Мелисса, рѣшила правильно. Величайшая изъ жертвъ была бы принесена напрасно; въ угоду нечистымъ желаніямъ злодѣя она совершила бы самую низкую измѣну, отравила бы сердце и душу и себя самой, и своему возлюбленному и испортила бы себя всю свою будущую жизнь.

Итакъ, прочь праздныя сомнѣнія! Пиеагоръ былъ правъ, запрещая терзать свое сердце. Выборъ сдѣланъ! Каракалла и она идутъ по разнымъ дорогамъ, и каждое будущее преступленіе будетъ только продолженіемъ его прежнихъ дѣяній.

Ей же остается только бороться за счастье собственное и своихъ близкихъ противъ cadaго, кто угрожаетъ ему, и прежде всего противъ ужаснаго человѣка, который принудилъ ее, невинную, скрываться подобно преступницѣ.

Ею овладѣло честное негодованіе противъ кроваваго преслѣдователя, и съ поднятою головою она вернулась въ комнату, чтобъ докончить свое одѣваніе.

При этомъ она работала руками еще быстрѣе, чѣмъ обыкновенно, потому что свитки, которые принесла ей Эвриала, когда она еще спала, привлекали ея взоры, обѣщая ей многое.

Съ нетерпѣніемъ желая узнать ихъ содержаніе, она схватила книги, поставила на подоконникъ скамейку и попробовала читать. Но извнѣ до нея донеслось множество голосовъ, и, посмотрѣвъ на улицу, она увидала цѣлыя толпы юношей, шедшихъ въ Стадіумъ.

Какъ прекрасны были эти фигуры, которыя, болтая и

распѣвая пѣсни, шли группами; и она сказала себѣ самой, что Діодоръ и Александръ оказались бы здѣсь выше большинства ихъ и принадлежали бы изъ красивыхъ къ числу красивѣйшихъ.

Въ теченіе нѣкотораго времени она развлекалась этимъ зрѣлищемъ; но когда послѣдній человѣкъ исчезъ въ Стадіумъ и всѣ выстроились тамъ по отдѣльнымъ отрядамъ, она снова схватилась за свитки.

Одинъ содержалъ въ себѣ евангеліе Матѳея, другой евангеліе Луки.

Начало перваго, съ его родословною, не представляло ничего кромѣ чуждыхъ именъ, которыя не могли приковать ея вниманіе, и потому она перешла къ евангелію Луки, и спокойный повѣствовательный тонъ его понравился ей. Правда, чтеніе сначала подвигалось съ трудомъ, и она перескакивала черезъ разныя непонятныя для нея фразы, но вторая глава начала занимать ее. Тамъ рассказывалось о рожденіи великаго Учителя, котораго христіане чтутъ какъ своего Бога. Ангелы возвѣстили пастухамъ въ полѣ, что всему народу предстоить великая радость, потому что родился его Спаситель. И этимъ Спасителемъ и избавителемъ будетъ не какой либо великій герой или мудрецъ, а младенецъ, обвитый пеленами и лежащій въ ясляхъ.

Здѣсь Мелисса въ первый разъ улыбнулась снова: она любила маленькихъ дѣтей и уже давно не знала ничего пріятнѣе, какъ играть съ малютками и ухаживать за ними. Какимъ множествомъ веселыхъ часовъ она была обязана хорошенькимъ внукамъ своего сосѣда Скопаса!

И этотъ младенецъ, который при своемъ рожденіи былъ принятъ ангелами, сдѣлался Богомъ, въ котораго вѣруютъ столь многіе люди. И слова, которыми онъ былъ привѣтствуемъ, гласили: »Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе!«

Какъ величественно и вмѣстѣ какъ привѣтливо звучали эти слова!

Въ живомъ волненіи она схватила свитокъ, и ея черты выразили нетерпѣливое желаніе положить конецъ противоположному состоянію вещей, когда она, внятно только для себя самой, вскричала: »да, миръ, спасеніе, благоволеніе!« Не эта злоба, жажда мести, не эта кровь, не это

преслѣдованіе и, какъ ея ужасный плодъ, эта боязнь, эта страшная, жестокая боязнь...

Здѣсь она была прервана бряцаньемъ оружія и стукомъ молотка, доносившимися до ея слуха.

Македонскій легіонъ императора и другіе пѣхотинцы молча шли отрядами и исчезали въ боковыхъ дверяхъ, которыя вели къ верхнимъ ярусамъ Стадіума.

Что могло это значить?

Въ то же время плотники запирали большія главные ворота огромными брусьями. Это имѣло такой видъ, какъ будто дѣло шло о томъ, чтобы укрѣпить ворота какого нибудь шлюза отъ напора поднявшейся воды.

Но вѣдь Стадіумъ былъ наполненъ людьми!

Она видѣла, что многія тысячи молодыхъ людей вошли туда, и тамъ внизу стояли они, голова къ головѣ, на аренѣ. Къ этому присоединилось большое множество воиновъ. Но вѣдь всѣ они захотятъ выйти снова оттуда, и какая давка должна будетъ произойти на боковыхъ лѣстницахъ, если будетъ запертъ главный выходъ!

Ей хотѣлось закричать туда внизъ и предостеречь плотниковъ отъ подобнаго безумія. »Или же хотятъ«, думала она, »задержать городскую молодежь силою въ Стадіумѣ, чтобы прочесть ей новыя строгія предписанія и арестовать ослушниковъ?

Должно быть такъ! Что за безобразіе!«

Вотъ подъѣхало нѣсколько отрядовъ нумидійскихъ всадниковъ медленнымъ шагомъ. Во главѣ ихъ ѣхалъ на необычайно длинноногой лошади легатъ. Какой онъ высокій!

Вотъ онъ посмотрѣлъ вверхъ и въ сторону, и Мелисса узнала въ немъ начальника полиціи, египтянина Цминиса.

Ея рука искала — гдѣ находится сердце, потому что ей казалось, что оно перестало биться.

Этотъ злодѣй, смертельный врагъ ея отца и Александра, теперь въ качествѣ начальника находится во главѣ римскихъ войскъ!

Должно быть творится что нибудь ужасное неслыханное!

Солнце отражалось на гладкой шерсти его высокой вороной лошади и въ сѣкирѣ ликтора, которую онъ держалъ

въ рукѣ и которая служила ему въ качествѣ жезла вос-
начальника.

Вотъ онъ поднялъ ее одинъ разъ и еще разъ, и хотя
Мелисса смотрѣла на него съ значительной высоты, но она
видѣла, какъ рѣзко желтоватые бѣлки его глазъ выдѣля-
лись на коричневомъ тонѣ его лица.

Вотъ бѣлая сталь въ третій разъ сверкнула на солнцѣ;
затѣмъ послѣ короткаго промежутка времени, который по-
казался ей невыносимо долгимъ, послышались трубные сиг-
налы одинъ за другимъ.

Мелисса сама не знала — откуда у ней взялось столь-
ко хладнокровія, чтобы сосчитать ихъ; но это ей удалось.
Трубные звуки умолкли послѣ седьмого, и вскорѣ затѣмъ
то здѣсь, то тамъ извнѣ со всѣхъ сторонъ Стадіума корот-
кіе звуки трубы прорѣзали воздухъ.

Каждый вонзался, подобно стрѣлѣ, въ сердце дѣвушки,
которая прислушивалась, затаивъ дыханіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ она увидѣла Цминиса, она счита-
ла возможнымъ все, даже самое ужасное; однако же, тысяче-
голосый крикъ ярости и отчаянія, который теперь доходилъ
до нея бурно вздымающимися волнами звуковъ, вопіялъ къ
ея слуху такъ, какъ далеко неслыханная дѣйствительность
превосходила ея самыя ужасныя предчувствія.

Задыхаясь, съ пылающею головою, она далеко высуну-
лась изъ окна и не чувствовала лучей солнца, которые въ
эту минуту начали задѣвать верхній этажъ западной сто-
роны Серапеума, и не обращала вниманія на опасность —
быть замѣченной и свергнуть самое себя и свою покрови-
тельницу въ погибель.

Дрожая, подобно газели въ морозную зимнюю ночь, она
хотѣла вернуться въ глубину комнаты, но чувствовала се-
бя точно прикованною къ окну. Она хотѣла закрыть уши
и глаза, однако же принуждена была видѣть и слышать. Все
въ ея душѣ побуждало ее кричать о помощи, но съ ея
губъ не сорвалось ни одного звука.

Такъ стояла она, смотрѣла и вслушивалась, пока ея
тихіе стоны не превратились въ тотъ смѣхъ, который горе,
истощившее всѣ средства для своего проявленія, заимст-
вуетъ отъ веселія.

Наконецъ она опустилась на колѣни и, скорчившись на
полу, снова начала смѣяться пронзительнымъ хохотомъ

сквозь горькія слезы, пока въ ней не явилось сознание того, что она дѣлаетъ.

Тогда она вздрогнула отъ ужаса, и порывистыя рыданія потрясли ея грудь. Она плакала и плакала — и слезы облегчили ее.

Первые лучи послѣполуденнаго солнечнаго сіянія касались окна, но она еще не собралась съ духомъ, чтобы встать. Потокъ яркаго свѣта, въ которомъ кружились миллионы пылинокъ, волновался передъ ея глазами, и между тѣмъ какъ ея дыханіе разсѣвало эти колеблющіяся атомы, въ ея душѣ промелькнула мысль, что въ это мгновеніе слово бѣшеннаго безумца съ силою бури уноситъ въ царство ничтожества счастье, радость, спокойствіе и надежду жизни многихъ тысячъ людей.

Но затѣмъ она собрала всѣ свои силы. То страшное, что она соверчала, грозило напечатлѣться въ ея глазахъ такъ глубоко и отчетливо, какъ черты тѣхъ изображеній, которыя ея отецъ вырѣзывалъ своею радирною иглою на ониксѣ; и она должна была освободиться отъ этого впечатлѣнія, — иначе всякая надежда на то, что къ ней когда нибудь снова вернется радость, будетъ для нея потеряна.

Едва ли прошелъ одинъ часъ съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла арену наполненною, подобно корзинѣ со свѣжими цвѣтами, великолѣпными юношескими фигурами.

Затѣмъ на сидѣньяхъ обширнаго пространства для зрителей, на которое она смотрѣла сверху, появились воины македонской фаланги и многія когорты эеіопскихъ стрѣлковъ изъ лука и усѣлись во всѣхъ рядахъ, какъ любопытные зрители ожидаемаго представленія, но въ полномъ военномъ уборѣ.

Вначалѣ юноши и молодые люди, построенные въ отдѣльные отряды, пѣли, смѣялись, болтали, и то тамъ, то здѣсь раздавалась какая нибудь веселая пѣсня; но затѣмъ произошли непріятныя столкновенія съ полицейскими, и между тѣмъ какъ болѣе юные и беззаботные еще сохраняли свою веселость, здѣсь цѣлыя толпы непріязненнымъ взоромъ смотрѣли на римлянъ, тамъ — отдѣльныя лица многозначительно и озабоченно переглядывались другъ съ другомъ или безмолвно и съ недовольнымъ видомъ смотрѣли на песокъ арены.

Безпокойная, горячая кровь этихъ сыновъ неугомоннаго, дѣятельнаго, свободнаго города, жившаго ускоренною жизнью среди упорнаго труда и одуряющаго веселія, не мирилась съ долгимъ ожиданіемъ, а когда имъ сдѣлалось извѣстнымъ, что ворота запирають, они достаточно ясно выразили свое нетерпѣніе и недовѣріе.

Робкіе свистки и другія выраженія неудовольствія скоро смѣнились болѣе рѣзкими и громкими, потому что стоять въ замкнутомъ пространствѣ сдѣлалось невыносимо.

Однако же ликторы и полицейскіе позволяли всему этому спокойно идти своимъ чередомъ, послѣ того какъ они удалили изъ среды молодыхъ людей ученика музея, сочинившаго эпиграмму на мать императора. Казалось, что этотъ одинъ, который вѣдь и въ самомъ дѣлѣ зашелъ слишкомъ далеко, поплатится за другихъ.

Затѣмъ раздались звуки трубъ, и тогда даже самыми легкомысленными изъ юношей овладѣли безпокойство и томительная боязнь.

Со своего возвышеннаго наблюдательнаго поста Мелисса, несмотря на то, что появленіе Цинниса лихорадочно взволновало ее, — видѣла, какъ ихъ сомкнутыя группы разомкнулись, какъ онѣ въ нерѣшимости, ожидая чего-то недобраго, двигались, смѣшиваясь одна съ другою, и кудрявыя головы поворачивались то туда, то сюда, пока звуки трубъ, раздавшіеся съ мѣстою для зрителей, не заставили всѣ глаза направиться вверхъ, — и какъ тогда ужасное началось.

»Остановитесь, безумные!« Дѣйствительно ли этотъ крикъ вырвался съ губъ Мелиссы, или же она только вообразила, что бросила его въ Стадіумъ, — она сама не знала; однако же когда она подумала о длинномъ рядѣ нумидійцевъ и о томъ, какъ они съ быстротою молніи подняли свои кривые луки и затѣмъ осыпали дождемъ стрѣлъ беззащитныхъ несчастныхъ молодыхъ людей на аренѣ, то ей показалось, что она кричитъ имъ во второй разъ: »остановитесь!«

Тогда ей показалось, какъ будто буря сорвала съ вершины какого-то невидимаго исполинскаго дерева тысячи прямыхъ вѣтвей и сверкающихъ на солнцѣ металлическихъ листьевъ и бросила ихъ на арену. И когда ея взоръ слѣдилъ за ними, ей почудилось, что она видитъ хлѣбную ниву

надъ которою разразился ужасный градъ. Но вѣтви и листья были — копьѣ и стрѣлы, а каждый изъ побитыхъ стеблей былъ — молодое цвѣтущее человѣческое существо.

Неслыханное предложеніе Цминиса было приведено въ исполненіе. Каракалла насытился кровью александрійской молодежи.

Изъ поносившихъ его юношескихъ явиковъ не осталось уже ни одного; каждая пара юныхъ губъ, которая дерзнула открыться для насмѣшливаго восклицанія или при видѣ цезаря сжаться, чтобы освистать его, и съ немногими виновными во сто разъ большее число невинныхъ—все это успокоилось навѣкъ.

Теперь Мелисса знала — для чего были заперты входныя ворота Стадіума балками, для чего отряды всадниковъ были поставлены предъ боковыми дверями!

Площадь для бѣговъ превратилась въ озеро крови, омывавшее смѣшанную кучу умирающихъ; убійство овладѣло мѣстами зрителей и оттуда, вмѣсто зеленыхъ вѣнковъ и кляковъ одобренія, посылало смертоносное оружіе на арену.

Казалось, что солнце изъ состраданія желаетъ своимъ ослѣпительнымъ блескомъ помѣшать человѣческимъ глазамъ видѣть ужасающую картину.

Чтобы избавиться отъ невыносимаго зрѣлища, Мелисса закрыла глаза и сдѣлала надъ собою усилие, чтобы собраться съ духомъ и спрятаться куда нибудь.

Но вотъ снова до нея донеслись громовыя фанфары и громкіе клики торжества,—и какая-то непреодолимая сила повлекла ее снова къ окну.

Передъ Стадіумомъ стояла великолѣпная колесница, запряженная четверкой лошадей и окруженная воинами и придворными.

Это была колесница императора: возжи держалъ сенаторъ Пандіонъ.

Одобрить ли Каракалла свирѣпѣйшее изъ всѣхъ злодѣяній, которымъ руководилъ Цминисъ, или же онъ, возмущенный излишествомъ кроваваго рвенія своего злаго орудія, отвернется отъ него съ негодованіемъ?

Она думала, она надѣялась, что произойдетъ послѣднее. Она во что бы то ни стало желала получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, который былъ возбужденъ въ ней не однимъ любопытствомъ.

Приложивъ руку къ сильно бившемуся сердцу, она смотрѣла на окровавленную арену, на мѣста для зрителей и на украшенную ложу императора.

Тамъ стоялъ Каракалла и возлѣ него — египтянинъ, который пальцемъ указывалъ на арену. И то, что представляла послѣдняя въ томъ мѣстѣ, на которое онъ указывалъ, было такъ ужасно, что Мелисса снова сомкнула глаза и закрыла ихъ руками. Но она все - таки должна была видѣть и потому снова посмотрѣла внизъ. Тотъ, чьему увѣренію, что только забота о тронѣ и государствѣ и принужденіе со стороны жестокой судьбы заставили его проливать человѣческую кровь, она повѣрила, стоялъ тамъ, возлѣ презрѣннаго, нечестиваго сыщика, котораго длинная фигура далеко превосходила ростъ императора. Рука цезаря лежала на плечѣ негодяя, его глаза покоились на кровавомъ полѣ, покрытомъ трупами у его ногъ. Но вотъ онъ поднялъ голову, вотъ онъ повернулъ къ ней лицо, котораго страдальческое выраженіе однажды ввволновало ея душу, и засмѣялся. Ни одна черта его не ускользнула отъ ея взгляда. Да, онъ смѣялся такъ громко, такъ непринужденно-весело, что ей еще никогда не случалось быть свидѣтельницею подобнаго смѣха. Да, онъ смѣялся такъ отъ души, что его грудь и плечи тряслись и вздымались.

Вотъ онъ отнялъ руку отъ плеча египтянина и самъ указалъ на ужасное мѣсто смерти.

Мелиссѣ казалось, что смѣхъ Каракаллы, ни малѣйшій звукъ котораго не могъ дойти до нея, громко раздается въ ея ухахъ, подобно вою гіены, и, повинувся непреодолимому побужденію, она еще разъ посмотрѣла на все это молодое счастье, на эту жизнь, которыя были уничтожены въ какой нибудь часъ, и на эти потоки крови, которые будутъ оплаканы такимъ множествомъ горячихъ слезъ.

Сердце ея обливалось кровью отъ этого зрѣлища, однако же она была благодарна ему, такъ какъ оно показало ей въ первый разъ всю преступную испорченность смѣющагося чудовища, во всей ея отвратительной наготѣ.

Омерзѣніе къ человѣку, для котораго все было ничтожно кромѣ власти, злобы и козней, вытѣснило изъ сердца Мелиссы страхъ, состраданіе и послѣднюю тѣнь упрека себѣ самой за то, что она возбудила въ немъ желанія, которыхъ не могла исполнить.

Ея маленькія руки сжались въ кулаки, и, не глядя больше на отвратительнаго мясника, осмѣливавшагося поднять къ ней глаза, она отступила отъ окна и, уstraшенная хриплымъ звукомъ своего собственнаго голоса, громко вскричала себѣ самой: »Время, время! Сегодня оно исполняется для него«.

Какъ сверкнули при этомъ ея глаза, и съ какимъ бурнымъ волненіемъ подымалась и опускалась ея грудь! Какимъ твердымъ шагомъ измѣряла она затѣмъ длинный рядъ комнатъ, между тѣмъ какъ въ ней укрѣплялось убѣжденіе, что это дѣяніе злобнаго убійцы въ пурпурѣ приблизитъ для угнетеннаго свѣта день спасенія и мира, о которыхъ мечталъ отпущенникъ Андреасъ. Когда же безмолвное ея скитаніе по комнатамъ снова привело ее къ тѣмъ книгамъ, которыя Эвріала тихонько положила на ея постель, она въ восторженномъ возбужденіи схватила радостное благовѣстіе Луки, подняла его вверхъ и громко крикнула въ окно привѣтствіе ангела, напечатлѣвшееся въ ея памяти, какъ будто желая, чтобы Каракалла услыхалъ его: »и на землѣ миръ въ человѣкахъ благоволеніе!«

Затѣмъ она снова начала ходить по комнатамъ языческихъ мистовъ, повторяя про себя каждое доброе слово, которое она слышала отъ Эвріалы и отпущенника Андреаса. Образъ Божественнаго Учителя, пришедшаго для того, чтобы даровать міру любовь и самоотверженно запечатлѣть свое возвышенное ученіе смертью, возставалъ предъ ея душою, и то, что ей рассказывала о Немъ христіанка Іоанна, поясняло этотъ образъ такъ, что онъ стоялъ передъ нею съ явственными чертами, прекрасный, кроткій, полный любви и благости.

При этомъ она радостно вспомнила борьбу, которую вела сама съ собою, и пріятное чувство послѣ своего рѣшенія — пожертвовать своимъ собственнымъ счастіемъ, чтобы оградить другихъ отъ страданія.

Теперь свитки Эвріалы могущественно привлекали ее, такъ какъ они содержали въ себѣ ключъ для входа во внутренность чудеснаго зданія, въ преддверіе котораго ввели ее сама жизнь и ея собственныя испытанія.

Она сѣла спиною къ окну и раскрыла евангеліе Маттея до перваго стиха, который рука Эвріалы написала красными чертами.

Для связаннаго, послѣдовательнаго чтенія у Мелиссы не доставало спокойствія; съ нетерпѣніемъ ребенка, въ первый разъ попавшаго въ новый садъ, пріобрѣтенный его родителями, она сиѣшила перейти отъ одного привлекательнаго мѣста къ другому и каждое примѣняла къ себѣ самой, къ тѣмъ, кого она любила, и, въ другомъ смыслѣ, къ нарушителямъ ея мира.

Съ радостнымъ сердцемъ она вѣрила теперь обѣщанію, которое сперва поразило ее, что скоро придетъ царство небесное. Но ея глаза быстро пробѣгали развернутый свитокъ дальше и были прикованы нѣкоторымъ мѣстомъ, обращающимъ вниманіе читателя на одну главу.

Въ немъ описывалось, какъ Иисусъ Христосъ взошелъ на гору, чтобы сказать слово толпѣ народа, слѣдовавшей за Нимъ. Онъ говорилъ о царствѣ небесномъ, о блаженствѣ и о тѣхъ — кому будетъ дано достигнуть его.

Въ числѣ ихъ прежде всего были названы нищіе духомъ, и Мелисса подумала, что она сама, конечно, принадлежитъ къ нимъ. Среди богатыхъ ея братъ Филиппъ, разумѣется, принадлежалъ къ числу богатѣйшихъ, а куда привели его острый умъ и безпрестанное размышленіе, которое такъ рѣдко давало время чувству возвысить свой голосъ?

Плачущіе, говорилось далѣе, утѣшатся. О, еслибы ей было возможно призвать къ себѣ Веренику и заставить ее принять участіе въ этомъ обѣтованіи! А кроткіе! Можеть быть имъ достанется господство по низверженіи злодѣя, который залилъ мѣръ кровью и стоитъ дальше всѣхъ людей на землѣ отъ того кроткаго и наполняющаго сердце теплою духа, который смотритъ на нее изъ этой книги. Къ алчущимъ и жаждущимъ правды опять принадлежитъ она сама. Она насытится — Эврѣала и Андреасъ уже накрыли для нея столъ.

Милостивые, говорилось далѣе, будутъ помилованы. Если ктонибудь, то она, конечно, имѣетъ право причислить себя къ миролюбивымъ, и поэтому и къ ней относится обѣщаніе о причисленіи миротворцевъ къ дѣтямъ Божиимъ.

При слѣдующемъ стихѣ она выпрямилась, и все ея лицо просіяло отъ радости, потому что этотъ стихъ показался ей написаннымъ для нея. Ей казалось даже какимъ-то счастливымъ чудомъ, что она нашла его здѣсь. Въ немъ говорилось: Блаженны тѣ, которыхъ преслѣдуютъ за правду, по-

тому что имъ принадлежить царство небесное; блаженны вы, когда повосятъ васъ и изгоняють и говорятъ про васъ всякія злыя слова.

Все это случилось съ нею самою въ послѣдніе дни, хотя она не ради Иисуса Христа или справедливости, а ради себя самой хотѣла взять на себя самое тяжкое бремя.

А убитые тамъ, на аренѣ! Не ждетъ ли и ихъ также обѣщанное блаженство? О, какъ горячо желала бы она даровать этимъ несчастнымъ самую прекрасную участь! И если подобная участь выпадетъ имъ на долю послѣ смерти, то къ чему послужить мщеніе ихъ кровожаднаго убійцы?

Еслибы еще жива была ея мать, еслибы она, Мелисса, могла сообщить ей объ этомъ великомъ утѣшеніи для души!

Она обратилась съ краткою молитвою къ своей дорогой покойницѣ, и когда она развернула свитокъ дальше, ей въ глаза бросились слова: »Любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, дѣлайте добро ненавидящимъ васъ«.

Этого она еще не въ состояніи была дѣлать, подобное требованіе казалось ей слишкомъ большимъ; но такое поведение, конечно, прекрасно и благотворно уже потому, что оно помогаетъ укрѣплять миръ, котораго желаетъ она для себя пламеннѣе, чѣмъ какого бы то ни было другаго блага.

Далѣе она прочла: »какимъ судомъ вы судите, такимъ и судимы будете«, и по ней пробѣжала дрожь, когда она подумала о будущей судьбѣ челоуѣка, который среди мира сдѣлалъ коварное смертоносное нападеніе на цвѣтущій городъ, чтобы наказать его за легкомысленныя слова и крики нѣсколькихъ насмѣшниковъ и за разочарованіе, которое приготовила для него ничтожная дѣвушка.

Но скоро она вздохнула съ облегченіемъ, потому что далѣе говорилось: »просите — и дастся вамъ; ищите — и найдете; стучитесь — и отворится вамъ«.

Какое обѣщаніе можетъ быть прекраснѣе этого?

И на ней — она чувствовала это — оно уже исполнилось, потому что едва ея палець какъ бы случайно пришелъ въ соприкосновеніе съ дверью, какъ она уже отворилась, и то, чего она искала такъ долго, находилось уже передъ нею!

Но вѣдь это естественно, потому что Богъ христіанъ любить тѣхъ, которые съ вѣрою обращаются къ Нему, какъ

его дѣти. Здѣсь объяснено также, почему просящему будетъ дано и ищущій найдетъ. »Кто изъ васъ, — говорилось тамъ, — когда его сынъ попроситъ у него хлѣба, подасть ему камень?«

Уже за свое миролюбіе она теперь дитя Того, кто поставилъ этотъ вопросъ, и она не можетъ ожидать отъ Него ничего инаго, кромѣ благихъ даровъ. И то, что требовалось для этого въ слѣдующихъ строкахъ, показалось ей такимъ простымъ, такимъ удобоисполнимымъ и вмѣстѣ такимъ мудрымъ.

Она подумала немного и нашла, что это изреченіе, о которомъ говорилось, что въ немъ заключаются и законъ, и пророки, въ самомъ дѣлѣ содержитъ въ себѣ такую заповѣдь, которая, еслибы ей слѣдовали люди, сдѣлала бы каждого отдѣльнаго человѣка и все человѣчество невиннымъ и счастливымъ. »Это изреченіе, думала она, слѣдовало бы написать на каждой двери и на каждомъ сердцѣ, — подобно тому, какъ надъ каждымъ вратами египетскихъ храмовъ изображенъ окрыленный солнечный дискъ, — чтобы никто не забывалъ его ни на одно мгновеніе«. Она желала удержать его въ памяти и проговорила его тихимъ голосомъ про себя. Далѣе говорилось: »Все, чего желаете вы, чтобы дѣлали для васъ люди, и вы дѣлайте для нихъ«. Въ обратной постановкѣ эти слова значили бы: »Всего, чего ты не желаешь, чтобы тебѣ дѣлали люди, не дѣлай и ты имъ«.

Тогда ея взоры обратились къ окну и Стадіуму. Какъ счастливы могъ бы быть міръ подъ управленіемъ другаго властителя, который слѣдовалъ бы этому повелѣнію! А Каракалла? Нѣтъ, она не желаетъ больше мыслями о немъ нарушать наполняющую ее радость!

Она быстро схватила палочку изъ слоновой кости, которую нашла въ свиткѣ, чтобы развернуть его дальше, и ея взглядъ встрѣтилъ слова: »придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ«.

Если къ кому либо относилось это приглашеніе, то оно относилось и къ ней, потому что не на многихъ наложено болѣе тяжелое бремя, но она уже почувствовала облегченіе послѣ всего того ужаснаго, что довело ее до порога отчаянія, и еще теперь, окруженная угрожающею ей опасностью, была далека отъ того, чтобы чувствовать себя уstraшенною или подавленною. Нѣтъ, только ея сердце билось быстрѣе отъ

богатой надеждою радости и ее наполняла горячая благодарность, такъ какъ она со вновь пробудившеюся увѣренностью говорила себѣ самой, что она нашла новаго руководителя и можетъ идти впередъ, опираясь на его любящую, могучую руку.

Когда она напечатлѣла въ своей душѣ и это изреченіе, то ей показалось, какъ будто она получила изъ дружеской руки фіаль, наполненный дорогимъ лекарствомъ, исцѣляющимъ отъ всякой болѣзни. Она желала запомнить навсегда — какое дружеское, полное обѣщаній, приглашеніе заключается въ немъ для нея. При этомъ она имѣла такой довольный видъ, какъ будто она услышала что нибудь, наполняющее счастьемъ умъ и сердце. Ея пунцовыя губы снова раскрылись и обнаружили два ряда бѣлыхъ зубовъ, которые у ней показывались всегда только въ такія минуты, когда она улыбалась и когда ея душу волновали какія нибудь очень пріятныя мысли.

Она воображала, что находится въ комнатѣ одна; однако же еще тогда, когда на ея глаза попались слова, которыми Спаситель призываетъ къ себѣ труждающихся и обремененныхъ, въ убѣжище Мелиссы вошла Эвріала черезъ потайную дверь, извѣстную только ей и ея мужу. Дверь отворилась безъ шума, и матрона приблизилась къ Мелиссѣ.

Теперь дѣвушка съ изумленіемъ смотрѣла на Эвріалу, которая ожидала, что найдетъ ее внѣ себя, въ отчаяніи, болѣе, чѣмъ когда нибудь, нуждающеюся въ утѣшеніи и успокоеніи.

Несчастную должны были привлечь къ окну крики павшихъ, и она должна была бросить хоть одинъ взглядъ на ужасное злодѣяніе въ Стадіумѣ! Эвріалѣ было бы понятнѣе состояніе дѣвушки, еслибы она нашла ее помѣшавшеюся или убитою горемъ подъ вліяніемъ ужасовъ, которыхъ она была свидѣтельницею.

Но молодая дѣвушка, которую она знала доброю и жалостливою, сидѣла и улыбалась, и при этомъ глаза ея, которые за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ должны были видѣть ужаснѣйшее зрѣлище, какое только можно представить себѣ, сіяли, какъ будто въ свиткѣ, лежавшемъ у ней на колѣняхъ, заключалось первое признаніе ея милого въ любви.

Книга на колѣняхъ Мелиссы была — евангеліе Матѳея, которую она, Эвріала, сегодня рано утромъ, когда дѣвушка

еще спала, оставила ей, чтобы утѣшить ее и открыть ей глава на блага, заключающіяся въ христіанствѣ. И вотъ это писаніе, столь святое въ глазахъ Эвріала, повидимому, не произвело никакого впечатлѣнія на юную язычницу, сестру скептика Филиппа.

Эвріала любила Мелиссу, но еще дороже была для нея книга, къ захватывающему содержанію которой дѣвушка, повидимому, отнеслась съ такою недоступною холодностью.

Изъ-за Мелиссы незадолго передъ тѣмъ жилище главнаго жреца было обшарено сверху до низу подчиненными новаго начальника полиціи, и она, Эвріала, перенесла справедливые укоры отъ своего мужа. Она въ душѣ своей лелѣяла мысль — привести эту дѣвушку, какъ новаго чистаго ягненка, въ стадо добраго Пастыря, который былъ дорогъ ей и чрезъ котораго ея жизнь, возмущенная горемъ, получила для нея новую прелесть, а ея страждущее сердце приобрѣло новую радость.

Еще нѣсколько часовъ передъ тѣмъ она увѣряла друга своего Оригена, что она встрѣтила гречанку, которая докажетъ ему, что язычница, которая съ чистымъ и сострадательнымъ сердцемъ прошла чрезъ школу страданій, нуждается только въ одномъ воспламеняющемъ словѣ для того, чтобы испытать на себѣ самой могущество христіанства и всѣми силами своей души пожелать крещенія. И вотъ теперь ту, на которую она возлагала такія прекрасныя надежды, она находитъ улыбающеюся въ виду смерти и гибели тысячъ невинныхъ людей, какъ будто ее посѣтило какое-то счастье! Куда же дѣвалось нѣжное любящее сердце дѣвушки, которая еще вчера была готова пожертвовать собою для счастья дорогихъ ей существъ?

Неужели она, Эвріала, состарѣлась для того, чтобы ее обманывалъ ребенокъ?

Сердце ея забилось сильнѣе отъ разочарованія, однако же она не хотѣла осуждать заблудшую, не выслушавъ ее.

Увлеченная внезапнымъ порывомъ, она взяла свитокъ съ колѣнъ Мелиссы, и въ ея голосѣ было больше огорченія, чѣмъ строгости, когда она воскликнула:

— Я надѣялась, дитя мое, что эти писанія сдѣлаются для тебя, какъ они сдѣлались уже для многихъ, ключемъ къ дверямъ вѣчной истины. Я думала, что они утѣшатъ тебя и научатъ любить высокаго Учителя, котораго

жизнь и трогательная смерть не остаются для тебя неизвѣстными съ тѣхъ поръ, какъ тебѣ рассказывала о нихъ Іоанна. Мало того, я думала, что, можетъ быть, со временемъ они возбудятъ въ тебѣ пламенное желаніе присоединиться къ намъ, которые...

Но она не могла продолжать, потому что Мелисса кинулась къ ней на шею, и, между тѣмъ какъ изумленная матрона старалась высвободиться изъ ея объятій, дѣвушка, на половину плача, на половину смѣясь, вскричала:

— Уже исполнилось то, чего ты ожидала! Я буду жить и умру, вѣрная высокому Учителю, котораго люблю. Я уже ваша! Да, мать, я уже готова, я желаю креститься. Я была трудящеюся и обремененною болѣе, чѣмъ кто либо, и слово вашего Господа оживило меня. Эта книга учить меня, что къ истинному счастью есть только одинъ путь и именно тотъ, который указываетъ намъ Христось. О, госпожа Эвріала, какъ было бы все прекрасно на землѣ, еслибы у каждаго въ сердцѣ было запечатлѣно то, что говорится здѣсь о блаженствѣ. Я не узнаю больше себя самоѣ, и возможно ли, чтобы бѣдное человѣческое существо въ подобной бѣдѣ и опасности и послѣ такихъ ужасовъ чувствовало себя такимъ благодарнымъ и такъ полнымъ самой свѣтлой радости!

Матрона крѣпко прижала свою любимицу къ себѣ, и ея слезы увлажили лицо Мелиссы, и она поцѣловала ее и снова поцѣловала, и веселость дѣвушки, только за минуту передъ тѣмъ жестоко оскорблявшая ее, казалась ей теперь какимъ-то самымъ желаннымъ чудомъ.

Ея время было сочтено, потому что ей пришлось выждать, и для посѣщенія дѣвушки она воспользовалась короткимъ промежуткомъ, когда полицейскіе собраны были на площадь для представленія своихъ донесеній. Поэтому она торопила Мелиссу, и послѣдняя рассказала матронѣ въ бѣглыхъ словахъ, что она здѣсь наверху видѣла и пережила и какъ евангеліе Маттея сдѣлалось для нея веселымъ благовѣстіемъ, какъ оно утѣшило ее и наполнило ее невыразимую радостью.

Тогда и Эвріала забыла окружавшіе ее ужасы, пока Мелисса не напомнила ей о страшной дѣйствительности. Съ понижшею головою и съ глубокою грустью дѣвушка спросила ее — не знаетъ ли она что нибудь о милыхъ ей существахъ.

Въ душѣ матроны произошла жестокая борьба. Ей было такъ тяжело обременять печалью сердце Мелиссы, стоявшей

передъ ея глазами подобно тѣмъ одѣтымъ въ бѣлыя одежды дѣвушкамъ, которыя приготовлялись къ крещенію и которымъ въ этотъ великій праздникъ приносили подарки, заботливо устраняя отъ нихъ все, что могло обезпокоить ихъ и нарушить тихую, святую радость ихъ души.

Однако же вопросъ дѣвочки требовалъ отвѣта, и потому она отвѣчала, что о другихъ, въ томъ числѣ о своей золовкѣ Вереникѣ и о Діодорѣ, она не знаетъ ничего, но съ ея братомъ Филиппомъ случилось несчастье. Онъ былъ благородный человекъ и, несмотря на свои заблужденія при отысканіи истины, достоинъ ея состраданія.

Тогда Мелисса, глубоко встревоженная, спросила, что же случилось съ Филиппомъ, и Эвриала, не говоря о родѣ смерти его, сказала ей, что его нѣтъ болѣе въ живыхъ.

Затѣмъ она начала убѣждать заплакавшую дѣвочку — искать утѣшенія у друга всѣхъ огорченныхъ, котораго она теперь знаетъ, и въ увѣренности, что ни на кого не возлагается бремя тяжелѣе того, какое онъ можетъ вынести, быть готовою къ самому худшему, потому что ярость кровожаднаго тирана, подобно мрачной бурѣ, угрожаетъ Александріи и каждому изъ ея гражданъ. Она сама своимъ посѣщеніемъ дѣвочки подвергаетъ себя большой опасности и можетъ видѣться съ нею опять только завтра.

На боязливый вопросъ Мелиссы — не отказъ ли ея сдѣлаться женою Каракаллы былъ причиною ужасовъ, обрушившихся на невинную александрійскую молодежь, Эвриала могла отвѣтить отрицательно, такъ какъ она отъ своего мужа слышала, что ярость императора была возбуждена ругательною эпиграммой одного изъ учениковъ музея.

Съ теплыми успокоивающими словами Эвриала указала дѣвочкѣ на пищу, которую она принесла для нея въ корзинкѣ, показала ей такъ же еще разъ тайную выходную дверь и обняла ее при прощаніи такъ сердечно, какъ будто небо возвратило ей въ лицѣ Мелиссы ея умершую дочь.

XXXIII

Мелисса снова осталась одна.

Она теперь знала, что Филиппа уже нѣтъ болѣе въ живыхъ. Навѣрное и онъ сдѣлался жертвою чудовища, и вопросъ — не изъ-за нея ли онъ умерщвленъ — овладѣлъ ея ду-

шю съ непреодолимою силой. Ей казалось, что со смертью этого высокодаровитаго юноши вырванъ краеугольный камень изъ дома ея отца. Въ кругу любимыхъ ею существъ сдѣлана была новая брешь. Одной бури было достаточно для того, чтобы вслѣдъ за павшимъ Филиппомъ низверглось все, что оставалось на мѣстѣ.

Глаза ея затуманились, и мучительная мысль—не умертвилъ ли ея брата императоръ въ наказаніе за бѣгство сестры—не давала ей покоя. Теперь она дѣйствительно принадлежала къ числу гонимыхъ и угнетенныхъ, и точно такъ какъ вчера, когда она, еще не зная вполнѣ Христа, побуждаемая величайшей душевною скорбью, призывала Его, она и теперь воздѣла къ Нему руки и обратила свое сердце, напоминая Ему въ своей молитвѣ о Его обѣщаніи утѣшить ее, когда она, труждающаяся и обремененная, обратится къ Нему. И когда она кончила свою молитву, то прониклась твердымъ убѣжденіемъ, что по крайней мѣрѣ Онъ понимаетъ ее. Это ее успокоило, однако же ея радостному настроенію наступилъ конецъ, и она не могла читать дальше.

Глубоко огорченная и, чѣмъ дальше подвигалось время, тѣмъ болѣе терзаемая новымъ безпокойствомъ, она поспѣшными шагами ходила отъ одного конца своего узкаго и длиннаго помѣщенія къ другому.

Отвратительныя изображенія, попадавшіяся ей повсюду, начали дѣлаться ей невыносимыми. Вблизи ея комнаты къ западу лежалъ Стадіумъ съ его ужасными картинами, и потому она направилась къ восточному ряду комнатъ, чтобы посмотрѣть на улицу Гермеса, гдѣ, какъ она думала, не представлялось никакого ужаснаго зрѣлища, какъ изъ тѣхъ комнатъ, которыя выходили къ западу.

Но она ошиблась. Едва она взглянула внизъ, на мостовую, какъ увидѣла, что и мостовая залита кровью и покрыта трупами. Тогда ея овладѣлъ внезапный ужасъ, и она побѣжала назадъ, точно преслѣдуемая сыщиками. Посреди ряда комнатъ она остановилась, такъ какъ ужасныя картины, представившіяся на западной сторонѣ, были еще страшнѣе тѣхъ, отъ которыхъ она убѣжала. При этомъ въ ея душѣ поднялся вопросъ: кто еще можетъ пасть жертвою злодѣя послѣ того, какъ онъ истребилъ съ лица земли цвѣтущую молодежь Александріи?

Вечернее солнце бросало длинные золотые лучи на Стадіумъ, а Мелисса знала, какъ быстро въ Александріи слѣдуетъ ночь за сумерками. Если она еще разъ хочетъ видѣть — кого еще ярость тирана предала смерти, то она должна была сдѣлать это какъ можно скорѣе, потому что гигантское зданіе храма бросало длинныя тѣни. Рѣшась сдѣлать надъ собой усиліе и, все-таки, трепеща, она подошла къ окну и быстро взглянула внизъ.

Однако же потребовалось нѣсколько времени для того, чтобы она могла различить отдѣльныя фигуры, потому что онѣ упорно сливались подъ ея взоромъ въ одну нагроможденную массу.

Наконецъ ей удалось различать предметы болѣе явственно.

На площади до самаго входа въ улицу Гермеса сотни жертвъ Каракаллы были разбросаны не кучами, какъ въ Стадіумѣ, а отдѣльно. Здѣсь лежалъ старикъ съ большою бородой, должно быть сиріецъ или еврей; тамъ — должно быть шкиперъ — это выдавала его одежда; далѣе — нѣтъ, она не ошибалась — юноша, тѣло котораго неподвижно лежало тамъ, былъ Миртилось, другъ Филиппа и, какъ онъ, членъ музея.

Новый ужасъ, повидимому, хотѣлъ выгнать Мелиссу изъ ея потайнаго убѣжища. Но у бассейна прекраснаго мраморнаго фонтана, возвышавшагося передъ восточными боковыми воротами Серапеума, лежала, прислонившись, какая-то еще другая юношеская фигура. Юноша двигался и, повидимому, былъ только раненъ. Вокругъ его курчавой головы обвивалась бѣлая повязка, и это напомнило Мелиссѣ объ ея миломъ и приковало ея взглядъ.

Вотъ юноша пошевелился снова, вотъ онъ повернулъ лицо къверху, и Мелисса съ тихимъ крикомъ высунула голову изъ окна и, не обращая вниманія на опасность быть замѣченною и навлечь на себя ярость Каракаллы, стала внимательно смотрѣть на него.

Раненый живой — вотъ онъ пошевелился снова — былъ Діодоръ, ея возлюбленный.

Она оставалась у окна до тѣхъ поръ, пока послѣдній свѣтъ сумерокъ не смѣнился ночью тьмою и, задерживая дыханіе, смотрѣла на раненаго. Отъ нея не ускользнуло ни малѣйшее его движеніе, и при каждомъ изъ нихъ она, охва-

ченая трепетомъ надежды, благодарила небо и молила о его спасеніи.

Наконецъ возраставшая темнота скрыла и его отъ глазъ дѣвушки.

Все болѣе и болѣе сгущавшійся мракъ врвался въ окна, и, ничего не обдумывая, не соображая, а только увлеченная непреодолимымъ побужденіемъ, она ощупью пробралась назадъ въ свою комнатку, гдѣ стояла лампа, зажгла свѣтильню и, одушевленная мыслью — спасти раненаго отъ смерти, начала думать — какъ поступить.

Ей было легко выбраться наружу. Она имѣла при себѣ нѣсколько денегъ; на ея пеплосѣ была застежка, унаслѣдованная ею отъ матери, съ двумя драгоценными бездѣлушками работы ея отца и на верхней части ея руки — золотой браслетъ. За все это она могла купить помощь.

Дѣло было только въ томъ, чтобы сдѣлать себя неузнаваемою.

На большой, дѣ-черна закоптѣвшей, металлической площадкѣ, которую должны были переходить мисты, обязанные пробраться сквозь огонь, лежало довольно угольевъ и тамъ, въ шкафу, висѣли одежды всякаго рода.

Въ одно мгновеніе она сбросила свою одежду, чтобы вымазать себѣ углемъ лицо и бѣлое тѣло. Въ швейномъ приборѣ, который Эвріала принесла вмѣстѣ со свитками, находились ножницы. Дѣвушка схватила ихъ и быстрымъ сильнымъ и безпощаднымъ движеніемъ обрѣзала свои густые волосы, предметъ восторга Александра и ея милаго.

Наконецъ она выбрала одинъ хитонъ, доходившій ей до колѣнъ, чтобы придать себѣ видъ мальчика.

У нея захватывало дыханіе, руки ея дрожали, и она уже подошла къ потайной двери, чтобы бѣжать изъ этого мѣста ужасовъ, какъ вдругъ остановилась снова и тихо покачала головой.

Она посмотрѣла кругомъ, и сумбуръ, который она оставила въ маленькой комнатѣ, показался противнымъ ей, привыкшей къ порядку. Это непріятное чувство, отъ котораго она не могла удержаться, заставило ее собраться съ мыслями прежде, чѣмъ она оставитъ убѣжище, предложенное ей Эвріалой.

Осторожная и привыкшая дѣйствовать разсудительно, она теперѣ быстро представила себѣ — какой большой опас-

ности можетъ подвергнуться Эвриала, если замѣтные слѣды выдадутъ какому нибудь постороннему лицу, что она жила здѣсь. Доброта позаботившейся о ней съ истинно материнскимъ чувствомъ подруги не должна была послужить послѣдней въ погибель.

Быстро подняла она свое платье съ пола, подобрала длинныя космы волосъ до послѣдняго волоска и все это, вмѣстѣ со швейнымъ приборомъ и корзинкою, заключавшею въ себѣ пищу, бросила въ печь возлѣ жаровни и зажгла. Ножницы взяла она съ собою какъ оружіе на случай крайней нужды.

Наконецъ она положила евангельскія книги къ другимъ свиткамъ, бросила послѣдній взглядъ кругомъ и, убѣдясь, что всѣ слѣды ея пребыванія здѣсь исчезли, еще разъ обратилась съ мольбою къ милосердому Утѣшителю несчастныхъ, который обѣщалъ преслѣдуемымъ спасти ихъ.

Затѣмъ она отворила потайную дверь.

Съ сильно бьющимся сердцемъ, но еще болѣе увлекаемая энергичнымъ порывомъ, заставлявшимъ ее спѣшить, чтобы во-время подать необходимую помощь, чѣмъ тревожимая страхомъ опасности, она такъ быстро сбѣжала съ лѣстницы, какъ это дѣлаетъ ребенокъ шала.

Какъ много было потеряно времени при преведеніи въ порядокъ комнаты, безъ котораго однако же ей нельзя было обойтись!

У ней не исчезло изъ памяти — гдѣ надо сдѣлать натискъ, чтобы тяжелый камень, запиравшій входъ, сдвинулся съ мѣста, но при ея прыжкѣ съ послѣдней ступени лампа ея погасла. Черная тѣма скрывала гладкую гранитную плиту, отдѣлявшую ее отъ улицы.

Что, если, выйдя за стѣну, она будетъ замѣчена ликторами или сыщиками? При этой мысли ею въ первый разъ овладѣлъ страхъ съ полною силою.

Теперь она чувствовала, какъ при ощупываніи стѣны дрожали ея руки и капли пота покрывали ея лобъ; но она должна была спѣшить къ раненому жениху! Гдѣ человѣку грозитъ опасность истечь кровью, тамъ каждое потерянное мгновеніе равняется ужаснымъ словамъ: »слишкомъ поздно!« Діодоръ погибъ, если камень не сдвинется съ мѣста.

Мелисса отняла руки отъ гранита и, собравъ всю силу воли, принудила себя къ спокойному размышленію.

Гдѣ находится то мѣсто, давленіе на которое должно сдвинуть камень?

Оно было вверху, справа отъ нея, и Мелисса осторожно начала водить рукою по пазамъ, въ которыхъ лежалъ камень, и только послѣ того, какъ ея осязаніе дало ей явственное представленіе о его формѣ, она начала свои изслѣдованія снова. Вдругъ ея пальцы коснулись какого-то предмета, который былъ холоднѣе камня. Она нашла металлическую ручку. Глубоко вздохнувъ и не задерживаясь мыслью о томъ, что она можетъ встрѣтить за стѣною, она нажала пружину. Плита сдвинулась; еще одинъ шагъ — и Мелисса стояла на улицѣ, между Стадіумомъ и Серапеумомъ.

Все было тихо вблизи. Только съ площади, лежавшей къ сѣверу отъ храма, къ которой стремилась все, носившее оружіе, чтобы пить вино, которое тамъ, какъ знакъ признательности императора, лилось потоками, и изнутри Стадіума доносились голоса. Изъ гражданъ ни одинъ человѣкъ не осмѣливался выходить на улицу, хотя избіеніе послѣ захода солнца прекратилось. Не носившіе императорскаго оружія заперлись въ домахъ; улицы и площади казались совершенно опустошенными до тѣхъ поръ, какъ воины собрались предъ Серапеумомъ.

Никто не замѣтилъ Мелиссы.

Опасности, угрожавшія ей издали, теперь мало тревожили ее. Она знала только, что она должна спѣшить все впередъ и впередъ, чтобы дойти до милаго въ-время.

Когда она обходила южную сторону храма, чтобы дойти до фонтана, ей нужно было держаться въ тѣни. Мѣсяцъ еще не взошелъ и до сихъ еще не было зажжено ни котловъ со смолою, ни факеловъ, которыя обыкновенно горѣли передъ южнымъ фасадомъ храма. Въ этотъ день люди были заняты другими вещами и теперь требовалось много рукъ, чтобы подобрать трупы. Люди, голоса которыхъ доносились изъ Стадіума, уже начали это.

Впередъ, только впередъ!

Но сегодня это было труднѣе, чѣмъ въ прошлую ночь. Тонкія сандалии Мелиссы уже промокли и ей постоянно приходилось обходить разныя препятствія. Она знала, что ея ноги мокнуть въ человѣческой крови, и каждое препятствіе, на которое она натыкалась — былъ человѣческій трупъ. Но она не хотѣла объ этомъ думать и, не обращая

вниманія ни на башмаки, ни на кровь, она спѣшила все впередъ и впередъ, постоянно думая о раненомъ юношѣ, склонившемся у фонтана.

Такъ дошла она до восточной стороны храма. Она уже слышала журчаніе источника, видѣла мерцаніе бѣлаго мрамора въ темнотѣ и искала мѣсто, гдѣ передъ тѣмъ она замѣтила милаго. Тогда для ея движенія впередъ встрѣтилось препятствіе.

Въ одно время съ ней приближались съ юга, отъ устья улицы, которая вела въ Раккотисъ и къ морю, колеблющіеся тусклые и болѣе свѣтлые огни. Она находилась посреди улицы и, кромѣ какъ въ одной изъ нишъ Серапеума, ей негдѣ было укрыться. Должна ли она была удалиться оттуда? Но вѣдь ей слѣдовало идти впередъ, а искать прикрытія у стѣны святилища значило бы вернуться назадъ. Поэтому она остановилась и, сдерживая дыханіе, смотрѣла на приближавшіеся свѣтильники.

Вотъ они остановились.

Послышались мужскіе голоса и бряцаніе оружія. Карауль задержалъ факелоносцевъ. Это были первые воины, которыхъ она увидѣла, другихъ задержало вино на площади или работа въ Стадіумѣ. Не подойдутъ ли солдаты и къ ней?

Но нѣтъ! они шли съ факелоносцами впереди къ улицѣ Гермеса.

Что это были за люди, которые бродили между убитыми и то поворачивались туда и сюда, то останавливались, точно ища чего-то.

Это не могли быть грабители труповъ, иначе карауль задержалъ бы ихъ.

Вотъ они подошли совсѣмъ близко къ ней, и она вздрогнула, потому что одинъ изъ нихъ былъ воинъ. Свѣтъ фонаря отражался на его панцырѣ. Онъ шелъ впереди какого-то мужчины и двухъ юношей, которые слѣдовали за навьюченнымъ осломъ, и въ болѣе высокомъ изъ молодыхъ людей Мелисса съ ускореннымъ біеніемъ сердца узнала садоваго работника Полибія, который часто оказывалъ ей услуги.

Теперь она ближе рассмотрѣла и пожилаго мужчину и, несмотря на его крестьянскую одежду, узнала въ немъ Андреаса.

Каждое дыханіе ея молодой груди превратилось въ благодарную молитву. Довольно скоро и вольноотпущенникъ въ стройномъ черномъ мальчикѣ, который точно выросъ изъ земли и поспѣшилъ къ нему и теперь указывалъ ему дорогу, узналъ Мелиссу и ему показалось, что произошло какое-то чудо.

Подобно цвѣткамъ, распускающимся на мѣстѣ казни, вокругъ котораго каркають жадные вороны, расцвѣли здѣсь въ благодарныхъ сердцахъ, среди смерти и ужаса, радость и надежда.

Діодоръ былъ живъ.

Ни одного слова, — только быстрое пожатіе руки и быстрый взглядъ сказали зрѣлому мужчинѣ и молодой дѣвущкѣ, которая теперь была похожа на мальчика, едва вышедшаго изъ школы, что чувствовали они оба, когда они опустили на колѣни возлѣ раненаго и перевязали нанесенную ему мечомъ въ плечо рану, отъ которой онъ упалъ.

Немного времени спустя Андреасъ вынулъ изъ корзины, которую несъ осель и изъ которой онъ уже досталъ полотно для перевязки и лекарство, плетенныя, походныя носилки. Наконецъ онъ посадилъ Мелиссу на спину осла, и они двинулись впередъ.

То, что она видѣла въ то время, когда находилась вблизи Серапеума, заставляло ее закрывать глаза, въ особенности, когда осель натыкался на какое нибудь препятствіе или когда ему и его проводнику приходилось пробираться по липкой влагѣ.

Она теперь не могла забыть, что эта влага — красная; поэтому и теперь ей пришлось переживать мгновенія, когда ей казалось, что она умретъ отъ дрожи и ужаса, отъ горя и гнѣва.

Она снова открыла глаза только въ спокойномъ перулкѣ Раккотисъ, гдѣ можно было подвигаться впередъ ровно и безпрепятственно.

Но ею овладѣла какая-то особенная гнетущая скорбь, которую она ощущала еще въ первый разъ, и ея голова горѣла до того, что она едва узнавала Андреаса, который шелъ впереди, и молодыхъ работниковъ, которые, подкрѣпленные радостью по поводу того, что ихъ господинъ живъ, не отдыхая несли Діодора на плетенныхъ носилкахъ.

Воинъ — это былъ центуріонъ Марціалъ, изгнанный на

берега Понта — все еще сопровождалъ шествіе, но пылающая голова Мелиссы болѣла такъ сильно, что она не спросила даже, кто онъ и какимъ образомъ присталъ къ нимъ.

Нѣсколько разъ въ ней пробуждалось желаніе освѣдомиться, куда же они направляются; но ей не доставало силы воли для того, чтобы возвысить голосъ. Когда однажды Андреасъ подошелъ къ ней и указалъ ей на центуріона, безъ котораго ему никакъ бы не удалось спасти ее и ея жениха, она слышала только глухое бормотанье, содержаніе котораго ускользало отъ нея. Она желала даже, чтобы отпущенникъ лучше молчалъ, когда онъ началъ объяснять ей свое своевременное появленіе близъ фонтана, хотя оно должно было представляться ей какъ бы чудомъ.

Клеймо раба на рукѣ помогло ему проникнуть въ домъ Селевка, гдѣ онъ надѣялся услышать о ней. Тамъ Іоанна провела его къ Александру, а у Авреліевъ онъ нашелъ центуріона и раба Аргутиса. Послѣдній только что вернулся отъ Эвріалы и увѣрялъ, что онъ видѣлъ раненаго Діодора. Тогда Андреасъ высказалъ свою рѣшимость — отнести сына своего бывшего господина въ безопасное мѣсто, и молодые трибуны поручили центуріону проводить отпущенника черезъ караулы. Закрытіе гавани для выхода кораблей задержало садовыхъ работниковъ Полибія съ осломъ на постояломъ дворѣ, на городской сторонѣ Марсеотійскаго озера, и Андреасъ предусмотрительно воспользовался ими. Безъ центуріона, знакомаго другимъ солдатамъ, часовые, конечно, не пропустили бы отпущенника къ фонтану, и потому Андреасъ требовалъ, чтобы Мелисса поблагодарила воина.

Однако же и это желаніе прошло мимо ея ушей, и когда Андреасъ оставилъ ее, чтобы снова ухаживать за Діодоромъ, она вздохнула съ облегченіемъ, потому что его быстрая рѣчь причиняла ей боль.

Еслибы только онъ не подошелъ къ ней снова, чтобы опять говорить съ нею!

Она не обращала вниманія даже на своего милаго. Не имѣть нужды что нибудь видѣть или слышать — это казалось ей теперь самымъ лучшимъ, самымъ желательнымъ.

Когда Мелисса потомъ на столько овладѣла собою, что могла поднять больные глаза, то увидѣла бѣдные домишки, которыхъ, какъ ей казалось, она еще никогда не

видѣла до сихъ поръ. Но она чувствовала, что приближается или къ Маресотійскому озеру, или къ морю, потому что на нее вѣялъ влажный воздухъ и приятно прохладядалъ ея горячую голову.

На высококомъ плетвѣ передъ хижиной, на которую только что упалъ свѣтъ отъ фонаря, висѣла, должно быть, рыбацья сѣть. Правда, это могло быть и чтонибудь другое, такъ такъ образы, представлявшіеся ея отяжелѣвшимъ глазамъ, начинали путаться одинъ съ другимъ, двоиться и были обведены какими-то радужными кругами.

Она чувствовала такую тяжесть въ тѣлѣ, что ея умъ пересталъ бояться или надѣяться, однако же онъ продолжалъ медленно работать, между тѣмъ какъ путники безостановочно шли все впередъ сквозь ночную тьму.

Когда послѣднія хижины остались позади нихъ, Мелисса сдѣлала надъ собою усиліе и посмотрѣла вверхъ.

Вечерняя звѣзда ярко сіяла на небѣ, и Мелиссѣ казалось, что остальные звѣзды быстро вращаются вокругъ нея.

Во рту у нея была какая-то неприятная сухость, и уже нѣсколько разъ ею овладѣвало головокруженіе, которое заставляло ее крѣпче держаться за сѣдло.

Теперь они находились передъ какимъ-то большимъ воднымъ пространствомъ, и у нея сдѣлалось удивительно легко на душѣ. Вѣдь это должно быть милое, столь дорогое ей, озеро!

Вонъ тамъ стоитъ уже и Агаея и киваетъ ей, а вонъ тамъ Эвриала, среди прекрасныхъ коронъ великолѣпныхъ пальмъ. Яркое солнечное сіяніе окружаетъ обѣихъ, а между тѣмъ теперь еще ночь, потому что вечерняя звѣзда все еще смотреть на нее сверху. Что же это значить?

Но когда она хотѣла изслѣдовать этотъ вопросъ, голова ея разболѣлась такъ сильно, головокруженіе такъ овладѣло ею, что она склонилась къ шеѣ осла, чтобы не упасть на землю.

Когда она снова выпрямилась, она увидѣла большую лодку, изъ которой вышло ей на встрѣчу много людей и впереди ихъ какой-то высокій мужчина въ длинной бѣлой одеждѣ.

Это не былъ сонъ — она ясно сознавала это.

Однако же какимъ образомъ происходитъ то, что фонарь, который высоко держитъ одинъ изъ нихъ, такъ сильно жжетъ голову ей, а не ему? О какъ она горитъ!

И теперь все снова завертѣлось вокругъ нея вмѣстѣ съ нею, и въ глазахъ ея все потемнѣло. Но только на короткое время, потому что затѣмъ внезапно сдѣлалось вокругъ нея свѣтло, какъ днемъ, она услышала какой-то густой, добрый голосъ, призывавшій ее, и когда она отвѣтила »я здѣсь«, она увидала около себя какого-то незнакомаго человѣка величественнаго вида, но съ добрымъ выраженіемъ въ лицѣ, какимъ она представляла себѣ распятаго Спасителя христіанъ, въ бѣлой одеждѣ, и въ ухахъ ея прозвучало ласковое приглашеніе труждающимся и обремененнымъ придти къ Нему, чтобы успокоиться.

»Я здѣсь«! вскричала она снова и явственно увидѣла теперь, какъ открылись объятія этого человѣка въ бѣлой одеждѣ.

Она шатаясь кинулась къ нему и почувствовала, что твердая мужская рука дружески схватила ее руку и, затѣмъ, благословляя, опустила на ея горящій лобъ, причемъ она почувствовала прохладу.

Затѣмъ все снова потемнѣло у нея въ глазахъ, и она уже не видѣла и не слышала ничего больше.

Андреасъ снялъ ее съ осла и поддерживалъ, между тѣмъ какъ два христіанина благодарили воина за помощь.

Послѣдній сталъ увѣрять, что тутъ не было никакой услуги; онъ только исполнилъ волю своихъ начальниковъ. Затѣмъ онъ быстро исчезъ въ темнотѣ, а отпущенникъ поднялъ Мелиссу на свои крѣпкія руки и понесъ ее къ ожидавшей его лодкѣ Зенона.

— У ней горячка, сказалъ Андреасъ, бросивъ на нее участливый взглядъ. — Душа ея сильна, но не могла вынести потрясеній этого дня; »ты долженъ меня успокоить« — таковы были ея послѣднія слова, прежде чѣмъ она лишилась чувствъ. Не объ обѣщаніи ли Спасителя думала она?

— Если нѣтъ, отвѣчалъ густой звучный голосъ Зенона, — то мы покажемъ ей Того, кто призывалъ дѣтей, а также труждающихся и обремененныхъ. Она принадлежитъ къ ихъ числу.

— Ее глубоко поразили слова Христа, которыя Павелъ повторилъ въ посланіи къ галатамъ, и я думаю, что въ эти ужасные дни и для нея »время исполнилось«.

Съ этими словами отпущенникъ поднялся на мостикъ,

соединявшій лодку съ берегомъ. Діодора уже перенесли въ лодку прежде.

Когда Андреасъ уложилъ Мелиссу на мягкую скамью въ маленькой каютѣ, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и сказалъ:

— Вотъ мы и у цѣли.

XXXIV

Ужинъ Каракаллы кончился, и такимъ безумно веселымъ уже много лѣтъ не видали этого мрачнаго человѣка его друзья. Правда, верховный жрецъ Сераписа Теофилъ, сенаторъ Діанъ Кассій и нѣсколько другихъ изъ императорской свиты отсутствовали; зато жрецъ Александра, префектъ Макринъ и любимцы Теоокритъ, Пандіонъ, Антигонъ и имъ подобные окружали густою толпой императора, пили съ нимъ вмѣстѣ и поздравляли его по поводу великолѣпно удавшагося мщенія.

То, что повѣствовали исторія и преданія о подобныхъ дѣяніяхъ кроваваго возмездія, сравнивали съ подвигами этого дня и находили, что послѣдніе превосходятъ все, бывшее до сихъ поръ.

Это радовало полупьянаго цезаря.

Съ блистающими глазами онъ увѣрялъ, что сегодня онъ въ первый разъ нашель въ себѣ мужество быть вполне тѣмъ, для чего предназначила его судьба — судьбою и вмѣстѣ палачомъ нечестиваго и испорченнаго человѣчества. Подобно тому, какъ Титъ названъ былъ добрымъ, онъ желаетъ получить прозвище «грозный». Этотъ день упрочилъ за нимъ это сильное и всѣмъ его сердцемъ желанное имя.

— Да здравствуетъ достойный любви, который, однако, желаетъ быть грознымъ! — вскричалъ Теоокритъ, подымая кубокъ, и всѣ другіе послѣдовали его примѣру.

Затѣмъ начались соображенія относительно числа убитыхъ.

Никто не могъ опредѣлить его въ точности, потому что Цминисъ, единственный человѣкъ, который могъ рѣшить этотъ вопросъ, еще не появлялся. Насчитывали — кто шестьдесятъ, а кто семьдесятъ тысячъ наказанныхъ смертію александрійцевъ, но префектъ Макринъ увѣрялъ, что

ихъ должно быть тысячъ сто или еще больше, и Каракалла наградилъ его за это громкимъ восклицаніемъ:

— Великолѣпно, величественно, почти необъятно для обыкновеннаго ума! но этимъ еще кончено не все, что я для нихъ придумалъ. Сегодня я поразилъ ихъ члены, но я долженъ пронзить ихъ сердце, какъ они пронзили мое!

Здѣсь онъ остановился и послѣ короткой паузы продекламировалъ разомъ, точно увлеченный внезапнымъ порывомъ вдохновенія, стихи, которыми Эврипидъ заканчиваетъ многія изъ своихъ трагедій:

Многое Зевсъ на Олимпѣ творить и приводить въ порядокъ,
Многое также нежданно рѣшаетъ его приговоръ:
Не исполняется то, чего ждалъ ты съ великой надеждой,
Для божества же открытъ и въ невозможному путь.

Этимъ кончилась отвратительная бесѣда. Договоривъ послѣдній стихъ, императоръ оттолкнулъ отъ себя кубокъ и, весь блѣдный, уставился въ пустое пространство такими неподвижными, бессмысленными глазами, что придворный врачъ, предвидя новый припадокъ, уже взялся за свои лекарства, чтобы имѣть ихъ подъ рукою.

Префектъ преторіанцевъ подалъ другимъ знакъ — не обращать вниманія на императора — и съ своей стороны позаботился о томъ, чтобы поддержать остановившійся разговоръ. Наконецъ Каракалла послѣ долгаго промежутка времени отеръ свой вспотѣвшій лобъ и вскричалъ хриплымъ голосомъ:

— Гдѣ же пропадаетъ египтянинъ? Онъ долженъ привести къ намъ живыхъ узниковъ, я говорю *живыхъ!*

При этомъ онъ запальчиво ударилъ по маленькому столику, стоявшему у его ложа, и, точно звонъ столкнувшихся при этомъ одинъ съ другимъ металлическихъ сосудовъ посоветовалъ ему быть сдержаннѣе, продолжалъ болѣе спокойнымъ, задумчивымъ тономъ:

— Сто тысячъ! Еслибы мертвыхъ еще сожигали здѣсь, то потребовался бы цѣлый лѣсъ, чтобы превратить ихъ въ пепель.

— Этотъ день и безъ того обойдется ему довольно дорого, прошепталъ жрецъ Александра, который, по своей должности идиолога, обязанъ былъ доставлять подати съ храма и его недвижимыхъ имуществъ въ кассу императора, старому Юлію Паулину, и послѣдній отвѣчалъ:

— Харонъ дѣлаетъ сегодня превосходныя дѣла. Сто тысячъ оборотовъ въ нѣсколько часовъ. Если власть еще долго останется въ рукахъ Таравтаса, то я возьму лодку старика на откупъ.

Во время этого перешептыванія любимецъ Теокрытъ громкимъ голосомъ увѣрялъ императора, что конфискація имущества убитыхъ будетъ достаточно для уплаты за похороны всякаго рода и за огромную массу благодарственныхъ жертвъ въ добавокъ.

— Жертвъ! повторилъ за нимъ Каракалла, указавъ на короткій мечъ, лежавшій возлѣ него на подушкѣ, и прибавилъ: — этотъ мечъ помогъ при работѣ. Мой отецъ носилъ его во многихъ битвахъ, да и я не давалъ ему заржавѣть. Но я сомнѣваюсь, чтобы до вчерашняго дня онъ и въ его, и въ моихъ рукахъ вмѣстѣ доходилъ до ста тысячъ.

— Затѣмъ онъ началъ глазами искать верховнаго жреца и, не найдя его въ числѣ гостей, вскричалъ:

— Достойный Теофилъ сегодня прячетъ отъ насъ свое лицо! А между тѣмъ это мщеніе я ввѣрилъ рукѣ его бога. Онъ жалѣетъ о богомольцахъ, которыхъ потерялъ великій Сераписъ, какъ ты, Вестинъ — при этомъ онъ обратился къ идіологу — убитыхъ плательщиковъ налоговъ. При этомъ ты не забываешь и о моей долѣ, и это я долженъ похвалить. Твой товарищъ, служащій Серапису, заботится только о величіи своего бога; но ему не удастся возвыситься до этого величія самому. Бѣдняга! Я научу его этому. Сюда, Эпагатосъ, и ты, Клавдій! Сейчасъ же отыщите Теофила. Передайте ему этотъ мечъ. Я его посвящаю его Богу. Пусть онъ хранится въ его святая святыхъ въ память величайшаго изъ всѣхъ дѣяній мести. Если Теофилъ откажется принять его... Но нѣтъ! Это человѣкъ разумный. Онъ знаетъ меня.

Здѣсь онъ замолчалъ и сталъ искать глазами Макрина, который всталъ, чтобы поговорить съ нѣкоторыми должностными лицами и воинами, вошедшими въ залу. Они пришли съ извѣстіемъ, что парійское посольство прервало переговоры и послѣ полудня оставило городъ. Оно не желаетъ никакого союза и ждетъ римскихъ войскъ.

Макринъ, пожимая плечами, сообщилъ цезарю это рѣшеніе, однако же умолчалъ о замѣчаніи престарѣлаго начальника посольства, что они не боятся противника, на-

влекшаго на себя гнѣвъ боговъ такимъ ужаснымъ злодѣяніемъ.

— Въ такомъ случаѣ намъ предстоитъ война съ парянами! воскликнулъ Каракала. — Мои войны поражаются.

Но вслѣдъ затѣмъ онъ съ болѣе суровымъ видомъ спросилъ:

— Они оставили городъ? да развѣ они птицы? ворота и гавань были заперты.

— Маленькое финикійское судно проскользнуло съ ними передъ закатомъ солнца между нашими сторожевыми кораблями.

— Проклятье! громко воскликнулъ императоръ и послѣ короткаго разговора въ полголоса съ префектомъ велѣлъ принести папирусъ и письменныя принадлежности.

Онъ долженъ былъ самъ увѣдомить сенатъ о случившемся. Императоръ сдѣлалъ это въ короткихъ словахъ.

Онъ не зналъ числа убитыхъ и не считалъ стоющимъ труда опредѣлить его даже приблизительно. — Собственно говоря, писалъ онъ, — всѣ александрійцы заслужили смерть.

На разсвѣтѣ быстроходная трирема должна была везти это посланіе въ Остію. Правда, онъ не спрашивалъ мнѣнія какогонибудь ничтожнаго сената, однако же чувствовалъ, что будетъ лучше, если вѣсть о событіяхъ этого дня дойдетъ до куріи отъ него самого, чѣмъ посредствомъ искажающаго все голоса молвы.

Макринъ не убѣждалъ его, какъ это было прежде, придать своему посланію болѣе вѣжливую форму. Это злодѣяніе болѣе, чѣмъ чтонибудь, могло помочь ему, префекту, въ осуществленіи предсказанія мага Серапіона.

Въ то время, какъ императоръ свертывалъ письмо, въ залу вошелъ такъ долго ожидаемый Цминисъ.

Начальникъ полиціи былъ великолѣпно одѣтъ и носилъ знаки своего новаго званія. Онъ почтительно извинился въ своемъ долгомъ отсутствіи. Онъ долженъ былъ привести свою внѣшность въ соотвѣтствіе съ внѣшностью гостей высокаго цезаря, потому что... И онъ хвастливо началъ описывать, какъ онъ самолично купался въ крови, какъ на переднемъ дворѣ музея красный сокъ жизни александрійцевъ достигалъ колѣнь его коня.

— Число павшихъ, заключилъ онъ съ гордостью на

вопросъ императора, — превысило сотню тысячъ, какъ считывалъ префектъ.

— Такъ опредѣлимъ его примѣрно во сто десять тысячъ, прервалъ его Каракалла. — Но довольно говорить о мертвыхъ. Теперь начинается увѣнчаніе дня. Вели привести живыхъ.

— Кого? спросилъ изумленный египтянинъ.

Вѣки императора задрожали, и угрожающимъ тономъ онъ напомнилъ своему кровожадному орудію о тѣхъ, которыхъ онъ велѣлъ привести, въ качествѣ узниковъ, живыми.

Однако же египтянинъ продолжалъ молчать, и цезарь гнѣвно спросилъ его — не ускользнула ли отъ него дочь Герона и неужели онъ не привелъ также рѣзчика и живописца.

Цминисъ понялъ, что убійственный мечъ цезаря можетъ направиться и противъ него. Однако же онъ готовъ былъ защищаться всѣми средствами.

Онъ обладалъ изобрѣтательнымъ умомъ и, предвидя, что ему труднѣе всего будетъ испросить прощенія въ томъ, что онъ не схватилъ Мелиссу, онъ старался оправдаться посредствомъ лжи.

Поэтому, привязавшись къ одному случаю, при которомъ онъ самъ присутствовалъ, онъ началъ:

— Прекрасная дочь рѣзчика была уже у меня въ рукахъ, потому что мои люди оцѣпили домъ Герона. Но до слуха александрійскихъ мошенниковъ дошло, что одинъ изъ сыновей художника, именно живописецъ, и его сестра изменили своимъ согражданамъ и возбудили твой гнѣвъ противъ нихъ. Они приписали имъ то наказаніе, которое я совершилъ надъ александрійцами по твоему приказу. Это отродье не можетъ здраво разсуждать, и потому, прежде чѣмъ мои люди могли помѣшаться этому, александрійцы напали на невинное строеніе. Они подожгли его и разрушили. Все, что въ немъ было, погибло, въ томъ числѣ и дочь Герона. Къ сожалѣнію, это подтвердилось вполнѣ. До старика и его сына я доберусь завтра. Сегодня приходилось такъ много косить, что нѣкогда было думать о связываніи сноповъ. Дѣло въ томъ, что они, должно быть, убѣжали прежде, чѣмъ толпа напала на домъ.

— И дочь рѣзчика?.. спросилъ императоръ дрожащимъ голосомъ. — Это вѣрно, что она сгорѣла вмѣстѣ съ домомъ?

— Такъ же вѣрно, какъ то, что я усердно старался дать почувствовать александрийцамъ твою карающую руку, отвѣчалъ египтянинъ съ гордостью, и затѣмъ съ мѣднымъ лбомъ продолжалъ гдть: — при мнѣ находится запястье, которое она носила на рукѣ. Его нашли въ погребѣ на обуглившемся тѣлѣ. Адвентъ говорить, что Мелисса вчера получила его отъ тебя въ подарокъ. Вотъ оно.

Съ этими словами онъ подалъ цезарю то самое запястье въ формѣ змѣи, которое Каракалла послалъ Мелиссѣ передъ отправленіемъ въ циркъ. Огонь попортилъ его, однако же его нельзя было не узнать.

Его нашли въ мусорѣ разрушеннаго дома, а вовсе не на рукѣ какого нибудь человѣка, и Цминисъ только отъ Адвента, которому онъ показалъ его, узналъ, что оно принадлежало дочери Герона.

— Да и лицо трупа, заключилъ египтянинъ свой ложный докладъ, — еще можно было узнать.

— Трупа! повторилъ Каракалла глухимъ голосомъ. — И ты говоришь, что александрийцы разрушили домъ?

— Да, господинъ, яростная толпа, въ томъ числѣ и старики, греки, евреи, сирійцы... Кто ихъ знаетъ! У большинства изъ нихъ твоя месть отняла, послала въ Аидъ отца, сына или брата. Самыя дикія проклятія относились къ живописцу Александру, который въ самомъ дѣлѣ былъ твоимъ шпиономъ. Но тутъ какъ разъ въ-время подоспѣла македонская фаланга. Она перебила большинство изъ нихъ, а нѣкоторыхъ арестовала. Ты можешь допросить ихъ завтра. Что касается жены Селевка...

— Ну? спросилъ императоръ вскочивъ, и его взглядъ оживился снова.

— Она пала жертвою неловкости преторіанцевъ.

— Ого! прервалъ его легатъ Квинтъ Флавій Нобиліоръ, подарившій Авреліямъ жизнь Александра. Макринъ тоже не позволилъ себѣ оскорбительныхъ замѣчаній противъ безупречнаго войска, которымъ онъ имѣлъ честь командовать.

Однако же египтянинъ не смутился и съ жаромъ продолжалъ:

— Извините, господа, это вѣрно, что никто иной какъ преторіанецъ — его имя Руфъ и онъ принадлежитъ ко второй когортѣ — пронзилъ госпожу Веренику копьемъ.

Флавій попросилъ слова и рассказалъ, что жена Се-

левка искала смерти и нашла ее. Онъ сказалъ это такимъ тономъ, какъ будто прославлялъ какую нибудь героиню. Однако же онъ заключилъ свою рѣчь словами порицанія:

— Но, къ сожалѣнiю, заблудшая окончила жизнь съ проклятиемъ противъ тебя, цезарь, на измѣнническихъ губахъ.

— И героиня нашла въ тебѣ своего Гомера! вскричалъ императоръ.—Мы еще поговоримъ объ этомъ съ тобою, мой Квинтъ.

Съ этими словами онъ поднялъ кубокъ ко рту, осушилъ его до дна, затѣмъ со звономъ бросилъ его на столъ и вскричалъ:

— И такъ ты не привелъ никого, ни одного изъ тѣхъ, которыхъ я велѣлъ схватить! Даже слабую дѣвушку, не выходящую изъ отеческаго дома, позволилъ ты умертвить грубымъ чудовищамъ! И ты думаешь, что я нахожу это похвальнымъ? Завтра около этого времени рѣзчикъ и вмѣстѣ съ нимъ сынъ его Александръ должны стоять передо мною, или — клянусь головою моего божественнаго отца — ты будешь растерзанъ звѣрями въ циркѣ!

— Они не пожираютъ подобнаго себѣ, замѣтилъ престарѣлый Юлій Паулинъ, и императоръ одобрительно кивнулъ ему головой.

Египтянинъ похолодѣлъ: это движеніе головы императора показало ему, на какой слабой нити держится его жизнь.

Онъ съ быстротою молніи сообразилъ — куда онъ могъ бы бѣжать, еслибы ему не удалось найти ненавистныхъ ему людей. Еслибы онъ потомъ нашелъ бы даже Мелиссу въ живыхъ, тѣмъ лучше! Онъ могъ бы объяснить, что за трупъ ея было принято другое тѣло. Ручное запястье могла украсть и надѣть на себя какая нибудь раба, прежде чѣмъ она сгорѣла вмѣстѣ съ домомъ. Ему хорошо было извѣстно, что обуглившееся тѣло, о которомъ онъ говорилъ императору, принадлежало одной непотребной женщиной, съ яростью воровавшейся прежде другихъ въ домъ »императорской любовницы« и »измѣнницы«, которой она завидовала, и погибшей тамъ въ быстро вспыхнувшемъ пламени.

Одно мгновеніе Цминисъ радовался изобрѣтательности и находчивости своего ума, но уже и при этомъ успѣлъ

подумать — чѣмъ бы ему было можно расположить цезаря въ свою пользу.

Изъ александрійцевъ члены музея были ненавистны Каракаллѣ болѣе всѣхъ. Онъ настоятельно приказалъ Цминису не давать пощады ни одному изъ нихъ, и когда цезарь вмѣстѣ съ панцирными всадниками ѣздилъ по залитымъ кровью улицамъ, онъ дольше всего оставался передъ грудю труповъ на дворѣ музея. Въ проходѣ, построенномъ по образцу аѣинскаго *стоа*, гдѣ около дюжины ученыхъ искало спасенія, онъ даже убилъ нѣсколькихъ изъ нихъ собственноручно. Кровь на мечѣ, который Каракалла посвятилъ Серапису, добыта была въ музеѣ.

Здѣсь египтянинъ самолично руководилъ рѣзней и произвелъ ее основательно. Если чтонибудь могло успокоить гнѣвъ цезаря, такъ это воспоминаніе объ умерщвленнхъ пустословахъ, и потому едва умолкнулъ крикъ одобренія, который вызвала направленная противъ него выходка проконсула, Цминисъ началъ рассказывать о побоищѣ въ музеѣ.

Онъ говорилъ, что можетъ похвалиться тѣмъ, что едва ли спасся отъ его руки хоть одинъ изъ пустослововъ, изъ среды которыхъ вышли эпиграммы противъ великаго цезаря и его матери. Учителей и учениковъ, даже должностныхъ лицъ музея, постигло мщеніе оскорбленнаго властителя. Отъ великаго учрежденія, которое, впрочемъ, давно уже пережило свою славу, не осталось ничего кромѣ камней. Нумидійцы, помогавшіе ему въ этой работѣ, точно опьянѣли отъ крови и ворвались даже въ аудиторію врачей и въ больницу, гдѣ заперлись послѣдніе. Они и тамъ не оказали никому пощады и въ числѣ больныхъ, которые были помѣщены туда для излеченія и для того, чтобы ихъ показывать ученикамъ, находился также и раненый гладіаторъ Таравтасъ. Одинъ нумидіецъ самый младшій изъ солдатъ легіона, безбородый мальчикъ пригвоздилъ къ постели копьемъ страшнаго побѣдителя львовъ и людей и потомъ тѣмъ же копьемъ избавилъ отъ страданій по крайней мѣрѣ дюжину товарищей Таравтаса.

Во время этого разсказа египтянинъ смотрѣлъ неподвижными глазами въ пустое пространство, точно онъ видѣлъ то, что описывалъ, и бѣлки его глазъ страшнѣе чѣмъ когданибудь выдѣлялись на коричневомъ фонѣ его лица. Подобно

говорящему трупъ, стоялъ этотъ худой блѣдный чело-вѣкъ противъ цезаря и не замѣчалъ, какое дѣйствіе производить на послѣдняго его разсказъ объ умерщвленіи гладиатора.

Но ему пришлось узнать это довольно скоро, потому что еще въ то время, какъ онъ говорилъ, Каракалла оперся на стоявшій воулѣ лежа столикъ обѣими руками и безмолвно уставился глазами въ его лицо.

Вдругъ онъ вскочилъ; внѣ себя отъ бѣшенства, оборвалъ рѣчь египтянина и закричалъ:

— Мой Таравтасъ, едва спасшійся отъ смерти Таравтасъ! Герой, храбрѣйшій изъ всѣхъ ему подобныхъ, предательски умерщвленъ на постели варваромъ, какимъ-то безбородымъ мальчишкой! И это ты стерпѣлъ, гнусное чудовище? Это позорное дѣяніе — ты знаешь это, негодяй — будетъ приписано мнѣ. Оно будетъ тяготѣть на мнѣ до конца дней моихъ въ Римѣ, во всѣхъ провинціяхъ, повсюду! Изъ-за тебя будутъ проклинять меня вездѣ, гдѣ только чело-вѣческое сердце бьется и чувствуетъ, гдѣ только движется хоть одинъ языкъ. А я! Когда я приказывалъ тебѣ утолять твою жажду крови кровью раненыхъ и больныхъ? Никогда, ни въ какомъ случаѣ я не могъ отдать подобное приказаніе! Я велѣлъ падать даже женщинъ и не имѣющихъ своей воли рабовъ. Вы всѣ были свидѣтелями этого. Однако же на мнѣ теперь лежитъ обязанность — слышите ли вы? — на мнѣ теперь лежитъ обязанность — отмстить за предательское умерщвленіе несчастныхъ больныхъ. Я отомщу за тебя кровавою местию, храбрый, доблестный Таравтасъ! Эй ликторы! свяжите его! въ циркъ его, къ преступникамъ, назначеннымъ для растерзанія дикими звѣрями!

— Дѣвушку, жизнь которой я приказалъ пощадить, онъ позволяетъ сжечь предъ его глазами, несчастные больные по его приказанію избиваются безбородымъ мальчишкой. А Таравтасъ! Я цѣнилъ его, какъ все превосходящее свою среду, и заботился о немъ... Онъ былъ раненъ, друзья, ради нашей забавы... Бѣдные больные, бѣдный храбрый Таравтасъ!..

Здѣсь онъ разразился громкимъ рыданіемъ, и въ этомъ плачѣ чело-вѣка, который даже при смерти своего отца не пролилъ ни одной слезы, было нѣчто до того неслыханное и непостижимое, что даже насмѣшливый языкъ Юлія Пау-

лина остался при видѣ этого зрѣлища точно парализованнымъ.

И другіе вокругъ него, уstraшенные и подавленные, тоже молчали, между тѣмъ какъ ликторы связали руки Цминису и, несмотря на его усилія возвысить еще разъ голосъ для своей защиты, потащили его съ собою и вытолкали на порогъ столовой залы.

Дверь заперлась за нимъ, и, хотя каждый считалъ египтянина достойнымъ его участи, не слышалось ни одного клика одобренія, потому что императоръ все еще плакалъ.

Возможно ли, чтобы эти слезы относились къ больнымъ, которыхъ онъ не зналъ и къ этому грубому гладиатору, истребителю звѣрей и людей, которому цезарь не былъ обязанъ ничѣмъ, кромѣ нѣкотораго возбужденія при опьяняющихъ зрѣлищахъ въ циркѣ?

Однако же должно быть онъ плакалъ о нихъ, потому что съ губъ императора все еще срывались по временамъ тихія восклицанія: »несчастные больные«, »бѣдный Таравтасъ!«

Но и самому Каракаллѣ было бы въ эту минуту невозможно сказать опредѣлительно — кого именно онъ оплакиваетъ.

Въ циркѣ онъ свою судьбу поставилъ въ зависимость отъ участи Таравтаса. Если онъ въ память его проливалъ теперь слезы, то онѣ относились не столько къ убитому гладиатору, сколько къ скорому концу его собственной жизни, который, какъ онъ думалъ, предстоялъ ему со смертью этого бойца.

Но во время войны и въ другихъ случаяхъ онъ довольно хладнокровно приближался къ дверямъ Аида, и теперь, въ своихъ жалобныхъ вопляхъ вспоминая о больныхъ и о Таравтасѣ, онъ видѣлъ предъ своими внутренними очами вовсе не постель какого либо больного, а тѣмъ болѣе не приземистую фигуру дикаго героя цирка, а стройную гибкую фигуру очаровательной дѣвушки и возлѣ нея почернѣвшую дѣвическую руку, на которой блестѣлъ золотой браслетъ.

О, эта женщина! Эта коварная, низкая и вмѣстѣ столь прелестная, милая женщина была выброшена изъ ряда живыхъ, и вмѣстѣ съ нею, Мелиссой, единственное существо,

заставлявшее его сердце биться сильнѣе, волшебница, обладавшая чудодѣйственною способностью прекращать его страданія, любовь которой — этому онъ теперь желалъ вѣрить и вѣрилъ, хотя онъ не внялъ ни одной изъ ея просьбъ оказать милосердіе — дала бы ему силу сдѣлаться кроткимъ благодѣтелемъ рода человѣческаго, вторымъ Траяномъ и Титомъ.

Онъ забылъ о томъ, что онъ обрекъ ее на жесточайшія мученія и на позорную смерть на аренѣ, въ случаѣ, еслибы ее привели къ нему какъ узницу. Ему казалось, что кончина Роксаны, съ которою уничтожалась его любимая мечта, разрываетъ его сердце въ куски, и, конечно, съ именемъ гладиатора на губахъ онъ такъ горько оплакивалъ дѣвушку съ браслетомъ, его, Каракаллы, подаркомъ, который она носила на рукѣ до самой смерти.

Но скоро ему удалось преодолѣть этотъ припадокъ слабости. Ему было стыдно проливать слезы о той, которая его обманула и убѣжала отъ его любви.

Онъ всхлипнулъ еще только одинъ разъ. Затѣмъ онъ всталъ и, держа платокъ у глазъ, сказалъ гостямъ съ театральнымъ паѳосомъ:

— Да, друзья, расскажите каждому, кто захочетъ слушать, что вы видѣли Бассіана плачущимъ, но прибавьте къ этому также и то, что его слезы были вызваны печалью по случаю необходимости наложить на множество его подданныхъ такую жестокою кару. Скажите имъ также, что цезарь плакалъ изъ состраданія и отъ гнѣва. Да и какой хорошій человѣкъ въ состояніи удержаться отъ слезъ при видѣ жестокостей, причиняемыхъ несчастнымъ больнымъ и раненымъ? какого друга людей не заставило бы зарыдать зрѣлище нечестія, которому священное горе больныхъ и раненыхъ не препятствуетъ наложить на нихъ злодѣйскую руку убійцы? Оправдайте меня этимъ передъ римлянами, которымъ бы вздумалось пожимать плечами по поводу слабодушія плачущаго императора, »грознаго« властителя. Моя должность требуетъ строгости. Однако же, друзья, я не стыжусь этихъ слезъ.

Сказавъ это, онъ простился со своими гостями, чтобы идти спать, и оставшіеся теперь сочли каждое слово рѣчи, каждую слезу цезаря гнуснымъ лицемѣремъ. Бывшій актеръ Теокрытъ на этотъ разъ удивлялся отъ всего сердца.

Онъ зналъ — какъ рѣдко удавалось даже величайшимъ актерамъ одною силою воли заставлятъ свои глаза проливать потоки настоящихъ, горячихъ слезъ, а теперь собственными глазами видѣлъ, какъ онѣ текли изъ глазъ императора.

Между тѣмъ какъ цезарь, держа руку на гривѣ льва, шель къ двери, преторъ Присциллианъ прошепталъ, обращаясь къ Цило:

— Твой ученикъ здѣсь, на Нилѣ, бралъ уроки у плачущихъ крокодиловъ.

На большой площади войны отдыхали послѣ своей дневной кровавой работы.

Въ виду важнѣйшаго изъ храмовъ большого города они зажгли костры, точно въ походномъ лагерѣ. Около каждаго изъ нихъ лежали или сидѣли группами пѣхотинцы и всадники и, попивая вино, угощеніе императора, рассказывали другъ другу объ ужасныхъ событіяхъ этого дня, о которыхъ даже разбогатѣвшіе отъ нихъ вспоминали съ отвращеніемъ. Около многихъ костровъ ходили кругомъ серебряные и золотые кубки, только что захваченные въ видѣ добычи, и виноградный сокъ лился въ стаканы изъ кувшиновъ, сдѣланныхъ изъ благороднаго металла.

Тамъ происходили громкіе споры, потому что хотя господствовало только одно мнѣніе о случившемся, но въ числѣ собесѣдниковъ были люди покладистые и честолюбивые, которые осмѣливались защищать его. Каждое слово могло дойти до императора, и этотъ день, кромѣ денегъ и разнаго добра, могъ доставить еще повышеніе по службѣ.

Даже болѣе спокойные были еще возбуждены кровавымъ дѣломъ, которое они выполнили, и притомъ здѣсь происходили переговоры о добычѣ и оживленная мѣновая торговля.

Проходя помимо алтана, Каракалла, окруженный лекторами, показался на немъ на минуту, чтобы поблагодарить своихъ вѣрныхъ воиновъ за послушаніе и храбрость, которые они доказали сегодня. — Измѣнники-александрійцы, говорилъ онъ, — теперь наказаны, какъ они того заслуживали. Чѣмъ значительнѣе добыча его любезныхъ братьевъ по оружію, тѣмъ болѣе онъ радуется.

Эта рѣчь была встрѣчена радостными криками, которые

были довольно громки; но цезарь слышалъ, какъ эти самые дорого купленные имъ помощники при другихъ случаяхъ привѣтствовали его съ совершенно другою энергіею и теплотою. Теперь были даже цѣлыя группы, которыя не кричали вмѣстѣ съ другими или же открывали ротъ только для вида.

Его ухо было чутко къ подобнымъ вещамъ.

Какое основаніе имѣли они быть недовольными послѣ подобной добычи, тогда какъ имъ еще не было извѣстно, что начинается война съ парянами, которая многимъ разбогатѣвшимъ будетъ не по нутру?

Это надлежало изслѣдовать, хотя и не сегодня.

Ихъ преданность была ему обезпечена, потому что она принадлежала тому, кто давалъ больше всѣхъ, а онъ позаботился о томъ, чтобы во всей имперіи не было человѣка, средства котораго равнялись бы его собственнымъ. Но ему было досадно, что они выказали такое равнодушіе. Именно сегодня на него благодѣтельно подѣйствовали бы бурные, восторженные крики. Имъ слѣдовало бы понять это. И онъ вошелъ въ свою спальню съ безмолвнымъ гнѣвомъ.

Тамъ ожидалъ его отпущенникъ Эпагатосъ, старый Адвентъ и ученый индѣйскій рабъ императора Арьюна. Послѣдній никогда не говорилъ, не будучи спрошенъ, а двое другихъ остерегались заговаривать съ императоромъ. По этому въ обширномъ покоѣ было совершенно тихо въ то время, какъ индѣецъ раздѣвалъ повелителя.

Каракалла часто говорилъ, что пальцы этого человѣка по ихъ нѣжности и осторожности не имѣютъ себѣ подобныхъ; но сегодня они дрожали, снимая вѣнокъ съ головы императора и разшнуровывая его подбитый волосомъ панцырь. Душу этого человѣка, которому на его индѣйской родинѣ съ дѣтства было внушено величайшее уваженіе къ жизни даже животныхъ, потрясло до глубины то, что произошло сегодня. Онъ, который питался только растеніями и гнушался всего кроваваго, почувствовалъ теперь глубокое отвращеніе ко всему, что окружало его, и тоска по тихому спрятному жилищу ученаго, изъ котораго его похитили, когда онъ былъ еще юношею, овладѣла имъ съ постоянно возрастающею силой.

Здѣсь не было ничего такого, къ чему прикосновеніе не осквернило бы его, и его пальцы боязливо сжимались,

когда обязанность принуждала его прикасаться къ тѣлу того, кто въ представленіи индійца сочился кровью и кого проклятіе боговъ и людей какъ бы покрывало проказой.

Арьюна спѣшили, чтобы какъ можно скорѣе уйти отъ сосѣдства съ ужаснымъ человѣкомъ. Цезарь позволилъ ему это и не замѣтилъ ни его блѣдности, ни дрожанія его маленькихъ рукъ, потому что изобиліе своихъ собственныхъ мыслей сдѣлало его глухимъ и слѣпымъ ко всему, его окружавшему.

Эти мысли сначала вращались около случившагося; но когда индеецъ снялъ съ него согрѣвавшій его панцырь, то врывавшійся въ комнату ночной воздухъ повѣялъ на него прохладой, и онъ вздрогнулъ.

Что если это духъ убитаго Таравтаса, который нашель себѣ путь чрезъ отворенное окно? Холодное дыханіе, обвѣвавшее его щеки, конечно, не было просто сквознымъ вѣтромъ. Оно дуло на него, какъ человѣческое дыханіе, однако же оно было не теплое, а холодное. Если оно исходило отъ духа убитаго, то онъ долженъ былъ находиться совсѣмъ близко отъ него. И эта мечта быстро приняла болѣе твердыя формы и показала ему колеблющуюся человѣческую фигуру. Эта фигура кивала ему и положила ему на плечо легкую холодную руку.

Онъ, цезарь, связалъ свою судьбу съ судьбою гладиатора, и теперь этотъ послѣдній пришелъ, чтобы предостеречь его.

Но Каракалла не былъ расположенъ слѣдовать за нимъ и громко, повелительно крикнулъ призраку:—вонъ!

При этомъ восклицаніи индеецъ вздрогнулъ и попросилъ цезаря, почти не способнаго говорить, сѣсть, чтобы онъ, рабъ, могъ снять съ него башмаки. Теперь Каракалла понялъ, что онъ встревоженъ только почудившимся ему призракомъ и, пристыженный, пожалъ плечами. Между тѣмъ какъ рабъ развязывалъ ему сандали, онъ вытеръ свой вспотѣвшій лобъ и сказалъ себѣ самому съ улыбкою, что духи не являются при свѣтѣ и въ присутствіи другихъ.

Наконецъ онъ отпустилъ индійца и легъ въ постель.

Голова его горѣла, а быстрое біеніе сердца мѣшало ему заснуть.

Эпагатосъ и Адвентъ послѣдовали по знаку индійца за нимъ, въ боковую комнату, потушивъ лампу.

Каракалла остался одинъ въ темнотѣ.

Въ ожиданіи сна онъ вытянулся, но ему не хотѣлось спать, какъ днемъ.

Онъ принужденъ былъ думать о случившемся. Даже его врачъ, думалъ онъ, не можетъ отрицать, что это было его обязанностью, какъ человѣка и императора, подвергнуть строжайшему наказанію этотъ городъ, заставить его почувствовать его карающую руку; однако же онъ начиналъ чувствовать преступность того, что произошло. Онъ желалъ бы поговорить обо всемъ этомъ съ кѣмънибудь другимъ. Но Филостратъ, единственный человѣкъ, который понималъ его, былъ далеко: онъ послалъ его къ своей матери. И для какой цѣли? чтобы сообщить ей, что онъ нашелъ себѣ супругу по сердцу и чтобы расположить сердце матери къ его избранницѣ.

При этой мысли кровь закипѣла въ немъ отъ стыда и злости. Его избранница нарушила вѣрность къ нему еще до свадьбы. Она убѣждала отъ его объятій навсегда; онъ теперь зналъ, что ее постигла смерть.

Онъ охотно послалъ бы какуюнибудь галеру вслѣдъ за Филостратомъ, чтобы вернуть его въ Александрію, но корабль, на которомъ отплылъ философъ, принадлежалъ къ числу самыхъ быстроходныхъ судовъ императорскаго флота, и такъ какъ онъ притомъ далеко уже былъ впереди, то его едва ли можно было догнать.

Итакъ, философъ черезъ нѣсколько дней долженъ встрѣтиться съ матерью, и онъ лучше, чѣмъ ктонибудь, съумѣетъ изобразить красоту и достоинство Мелиссы блестящими красками. Въ этомъ не было никакого сомнѣнія.

Но гордая Юлія будетъ едва ли расположена принять дочь рѣзчика въ качествѣ своей дочери; мало того, она вообще не желала, чтобы онъ женился во второй разъ.

Да и что значить самъ онъ для ея сердца? Оно принадлежитъ ребенку ея племянницы Маммеи *), и по ея мнѣнію всѣ дарованія и добродѣтели соединились въ этомъ мальчикѣ.

Между женщинами при дворѣ Юліи будетъ великое торжество, когда онѣ узнаютъ, что избранная цеза-

*) Третій императоръ послѣ Каракаллы Александръ Северъ.

ремь невѣста пренебрегла имъ и вмѣстѣ съ нимъ и пурпурною мантией.

Впрочемъ эта радость не будетъ продолжительна, потому что извѣстiе о сотнѣ тысячъ александрійцевъ, наказанныхъ смертию, поразить женщинъ — онъ зналъ это — какъ ударъ хлыста.

Ему казалось, какъ будто онъ слышитъ ихъ вой и плачь, какъ будто онъ видитъ ужасъ Филострата и то, какъ онъ вмѣстѣ съ женщинами скорбитъ по поводу этого ужаснаго преступленiя. Философъ можетъ быть будетъ серьезно возмущенъ, и еслибы онъ, императоръ, имѣлъ его сегодня утромъ при себѣ, можетъ быть, все было бы иначе.

Но неслыханное совершилось, и теперь нужно нести послѣдствiя этого.

Лучше люди — они уже не участвовали въ его послѣднемъ ужинѣ — не допустили бы его до этого поступка. Зато къ нему подтолкнула его шайка, которую онъ приблизилъ къ себѣ. Θεокритъ и Пандiонъ, Антигонъ и Эпагатосъ, жрецъ Александра, который запутался въ Римѣ въ долгахъ и котораго покладистая совѣсть снова сдѣлала богатымъ человѣкомъ, крѣпко опутали его.

— Сволочь! пробормоталъ онъ про себя.

Еслибы только Филостратъ возвратился къ нему! Но онъ едва ли можетъ надѣяться на это.

Имѣть сношенiя исключительно съ этою шайкой — это отвратительно. Онъ, конечно, можетъ заставить каждаго находиться при немъ. Но къ чему ему послужать безмолвные и къ тому брюзгливые товарищи? И кто виноватъ въ томъ, что онъ отослалъ лучшаго изъ хорошихъ, Филострата? Она, отъ которой онъ ожидалъ счастья и мира, вѣроломная обманщица, увѣрявшая, что она чувствуетъ себя связанною съ нимъ, фиглярка, относительно которой онъ вообразилъ, что въ ней живетъ душа Роксаны...

На маленькомъ столикѣ у его постели, между его собственными украшенiями, лежала золотая змѣя, которую онъ ей подарилъ и которая украшала еще ея трупъ. Онъ видѣлъ ее даже во тьмѣ.

По членамъ его пробѣжалъ холодъ и ему казалось, что изъ мрака выдается женская рука, почернѣвшая отъ копоти, и что отъ ней отдѣляется золотая змѣя и направляетъ противъ него свое жало...

Онъ въ ужасѣ вздрогнулъ и спряталъ голову подъ одѣяло. Но сердясь на свою слабость и стыдясь ея, онъ скоро сбросилъ съ себя эту покрывку, и какой-то внутренней голосъ съ насмѣшкою поставилъ предъ нимъ вопросъ: неужели онъ все еще вѣритъ, что душа македонскаго героя избрала его тѣло своимъ жилищемъ.

Этому гордому убѣжденію долженъ былъ наступить конецъ; онъ имѣлъ съ Александромъ также мало общаго, какъ Мелиса съ Роксаной, на которую она была похожа.

Кровь горячо кипѣла въ его жилахъ. Продолжать жить такимъ образомъ казалось ему невозможнымъ.

Съ наступленіемъ дня должно было оказаться, что онъ тяжело занемогъ. Тогда, конечно, духъ Таравтаса появится снова — только уже не просто какъ ничтожный обманчивый призракъ — и положить конецъ его жестокому страданію.

Но пульсъ, который онъ пощупалъ самъ, бился не скорѣе обыкновеннаго. У него вовсе не было лихорадки, однако же онъ, должно быть, былъ боленъ, тяжело боленъ.

Затѣмъ ему сдѣлалось такъ жарко, что онъ думалъ, что задыхается.

Тяжело дыша, онъ приподнялся на постели, чтобы позвать врача. При этомъ онъ увидѣлъ свѣтъ сквозь притворенную дверь сосѣдней комнаты. Тамъ говорили, и онъ узналъ голоса Адвента и индѣйца.

Послѣдній былъ обыкновенно такъ несообщителенъ, что Филостратъ напрасно старался ближе познакомиться черезъ него съ ученіемъ браминовъ, среди которыхъ Аполлинарій Тіанскій нашель, какъ онъ увѣрялъ, высочайшую мудрость, и распроситъ его о нравахъ его народа. А между тѣмъ Арьюна былъ очень свѣдущій человѣкъ и понималъ писмена своего народа. Парейскіе послы въ особенности указывали на это обстоятельство, когда они представили индѣйца цезарю, какъ подарокъ своего государя. Но Арьюна не удостоивалъ своего довѣрія никого изъ окружавшихъ его людей. Только со старымъ Адвентомъ онъ вступалъ иногда въ продолжительный разговоръ, потому что старикъ заботился о томъ, чтобы индѣйца кормили растительной пищей, къ которой привыкъ онъ, не прикасавшійся губами ни къ какому мясу. Теперь онъ снова говорилъ съ Адвентомъ, и Каракалла приподнялся и началъ прислушиваться.

Индіецъ былъ погруженъ въ чтеніе писемъ своего народа, которыя онъ привезъ съ собою.

— Что ты тамъ читаешь? спросилъ Адвентъ.

— Одно писаніе, изъ котораго можно узнать, что сдѣлается изъ меня, тебя и всѣхъ послѣ смерти, отвѣчалъ Арьяна.

— Кто можетъ знать это? вздохнулъ старикъ, но Арьяна возразилъ рѣшительно:

— Здѣсь это написано, и тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Хочешь послушать?

— Разумѣется! вскричалъ старикъ, глубоко заинтересованный, и индіецъ началъ переводить изъ своей книги:

— Когда человѣкъ умираетъ, то его части возвращаются къ тому, къ чему онѣ принадлежатъ: его голосъ идетъ къ огню, его дыханіе — къ вѣтру, глаза — къ солнцу, умъ — къ мѣсяцу, слухъ — соединяется съ пространствомъ, тѣло — съ землей, его сущность — смѣшивается съ эфиромъ, его волосы — превращаются въ кустарникъ, кудри на его головѣ — въ вершины деревьевъ, его кровь — возвращается къ водѣ. Такимъ образомъ каждая часть человѣка снова присоединяется къ той части во вселенной, къ которой она принадлежитъ, а отъ него самого, отъ его собственнаго существа, не остается ничего, за исключеніемъ одного, но какъ называется это одно — это великая тайна».

До сихъ поръ Каракалла слѣдилъ за чтеніемъ индійца съ напряженнымъ вниманіемъ, его рѣчь правилась ему. Онъ зналъ, что его, цезаря, послѣ смерти сенатъ тоже причислитъ къ богамъ, однако же считалъ вѣрнымъ, что олимпійцы никогда и ни въ какомъ случаѣ не примутъ его въ свою среду. Онъ былъ философомъ въ достаточной степени для того, чтобы знать, что ни что существующее не можетъ превратиться въ ничто. Но возвращеніе частей его существа въ тѣ части вселенной, которымъ онѣ принадлежатъ, понравилось ему. Притомъ въ ученіи индійца не было мѣсто для отвѣтственности души передъ судомъ послѣ смерти.

Цезарь уже былъ готовъ приказать рабу открыть свою тайну, когда Адвентъ предупредилъ его восклицаніемъ:

— Мнѣ-то ты, конечно, можешь сказать, что останется отъ меня, если только ты не подозрѣваешь подъ этимъ червей, которые рождаются изъ меня и будутъ меня по-

жирать. Это тайна, разумѣется, не важная, и я не выдамъ ее никому.

Но Арьяна возразилъ торжественнымъ тономъ:

— Отъ тебя останется на всю вѣчность одно, что никогда не потеряется въ круговоротѣ міровой жизни, это одно есть дѣяніе.

— Я знаю это самъ, возразилъ старикъ и равнодушно пожалъ плечами; но на императора это слово подѣйствовало какъ ударъ молніи.

Онъ задыхаясь прислушивался къ словамъ индѣйца, чтобы узнать что нибудь больше, но Арьяна, устыдясь того, что онъ расточаетъ высочайшую мудрость на недостойнаго, уже снова углубился въ чтеніе, а старикъ улегся, чтобы немножко поспать.

Въ спальнѣ и вокругъ нея водворилась глубокая тишина; только ужасное слово »дѣяніе«
отдавалось въ ухахъ человѣка, который только что запятналъ себя самымъ неслыханнымъ изъ всѣхъ гнусныхъ дѣлъ. Онъ не могъ освободиться отъ этого ужаснаго слова, и все, въ чемъ провинился онъ съ дѣтскихъ лѣтъ, вернулось къ нему въ его воображеніи, накоплялось и превратилось въ гору, которая давила, подобно кошмару, его грудь.

Д-ѣ-я-н-і-е!

И его дѣяніе тоже будетъ существовать всегда и вмѣстѣ съ нимъ его имя, проклинаемое, ненавидимое дальнѣйшими поколѣніями. Души умерщвленныхъ принесутъ и въ Аидъ вѣсть о дѣяніяхъ, которыя онъ совершилъ, и если придетъ Таравтасъ и увлечетъ его туда за собою, то тамъ его встрѣтятъ легіоны возмущенныхъ тѣней — сто тысячъ — и впереди ихъ его строгій отецъ и другіе достойные мужи, со славой и мудростью управлявшіе Римомъ, и закричатъ ему въ лицо: »стотысячекратный убійца! грабитель государства! губитель войска!«
Они повлекутъ его къ суду и еще до произнесенія приговора эти сто тысячъ, съ достойнѣйшею изъ его жертвъ во главѣ, благороднымъ Папиніаномъ, кинутся на него и разорвутъ его въ куски.

Въ полуснѣ онъ чувствовалъ ихъ холодныя руки на головѣ, на плечахъ, всюду, гдѣ прохладное дыханіе наступившей ночи, проникая черезъ окно, касалось его тѣла, и съ громкимъ крикомъ онъ вскочилъ, пораженный ударомъ призрачной руки стараго Виндекса.

Адвентъ, индеецъ, а также и Эпагатось, услыхавшій изъ второй комнаты голосъ императора, прибѣжали къ нему въ испугѣ. Они нашли своего повелителя вспотѣвшимъ отъ страха, задыхающимся, съ неподвижными глазами, и отпущенникъ поспѣшилъ вонъ, чтобы позвать врача.

Когда послѣдній явился, императоръ съ досадою выслалъ его изъ комнаты, потому что не чувствовалъ никакого физическаго страданія.

Онъ neodѣтый подошелъ къ окну.

Оставалось еще три часа до восхода солнца. Однако же онъ приказалъ одѣть себя, приготовить ванну и позвать Макрина и другихъ.

Лучше сидѣть въ теплой водѣ, чѣмъ вернуться къ ужасамъ этого ложа!

День, оживленная дѣятельность должны были прогнать ихъ.

Но послѣ вечера опять наступить ночь, и если въ эту ночь и въ тѣ, которыя послѣдуютъ за нею, повторится то, что онъ только что выстрадалъ, то онъ лишится разсудка и тогда ему придется благословить духъ Таравтаса, если онъ явится, чтобы увлечь его съ собою въ область смерти.

Но »дѣянiе« это ужасное дѣянiе — индеецъ былъ правъ — оно останется послѣ него на землѣ и научить человечество проклипать его.

Не осталось ли еще время, не обладает ли еще онъ способностью заглядить происшедшее посредствомъ великихъ, прекрасныхъ дѣянiй?

Но эти сто тысячъ!

Точно стѣна это число становилось передъ каждымъ его намѣренiемъ, которое онъ пытался предпринять въ то время, какъ онъ шель, въ сопровожденiи льва, въ ванну, сидѣлъ въ теплой водѣ и наконецъ отдыхалъ подъ свѣжими полотняными простынями.

Никто не осмѣливался заговорить съ нимъ до сихъ поръ: онъ имѣлъ угрожающiй видъ.

Онъ велѣлъ подать себѣ завтракъ въ одномъ изъ боковыхъ пространствъ ванной комнаты. Завтракъ былъ простой, какъ всегда, но онъ могъ проглотить только немного кусковъ, потому что у него во рту все отзывалось горечью.

Префекта преторiанцевъ разбудили, и его появленiе было

пріятно императору. Среди дѣлъ онъ легче, чѣмъ когда нибудь, забывалъ о томъ, что его угнетало. Чѣмъ серьезнѣе были эти дѣла, тѣмъ было лучше, а по лицу Макрина было видно, что онъ имѣеть сообщить что-то важное.

Первый вопросъ императора относился къ парейскому посольству. Оно въ самомъ дѣлѣ оставило городъ—и нужно было готовиться къ войнѣ. Каракалла пожелалъ тотчасъ же установить назначеніе каждаго легіона и созвать легатовъ на военный совѣтъ. Но на предварительномъ совѣщаніи префектъ не принималъ такого живаго участія, какъ обыкновенно.

Онъ имѣлъ сообщить нѣчто такое, что — онъ зналъ это — будетъ для цезаря важнѣе всего. Когда это предположеніе подтвердится, то императоръ навѣрно совершенно оставитъ государственныя дѣла, и этого желалъ Макринъ, когда онъ, до своего распорядженія о созваніи легатовъ, какъ будто нехотя замѣтилъ, что цезарь прогнѣвается на него, если онъ замедлитъ дѣйствія совѣта сообщеніемъ новости, которая недавно дошла до его слуха.

— Прежде всего дѣла! вскричалъ Каракалла рѣшительно.

— Какъ тебѣ угодно. Я хотѣлъ сказать только объ увѣреніи одного изъ служащихъ въ этомъ домѣ, что дочь рѣзчика — ты вѣдь знаешь кто это — еще жива.

Но онъ не продолжалъ, потому что императоръ внезапно вскочилъ и, съ пылающею головою, потребовалъ, чтобы префектъ сообщилъ ему все.

Тогда Макринъ началъ свой разговоръ. Недавно одинъ изъ умертвителей жертвъ на жертвенномъ дворѣ сообщилъ ему, что вчера въ послѣполуденное время Мелиссу видѣли и что она находится въ Серапеумѣ.

Дальнѣйшихъ подробностей префектъ не зналъ, и потому цезарь тотчасъ же послалъ его увѣриться въ правдивости извѣстія, прежде чѣмъ онъ самъ займется разслѣдованіемъ этого дѣла.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ, точно возродившійся къ новой жизни.

Его глаза сверкали, и, ускоренно дыша, онъ усиливался привести въ порядокъ массу плановъ, желаній, намѣреній, нахлынувшихъ на него бурнымъ потокомъ.

Онъ долженъ былъ наказатъ бѣглянку, но еще вѣрнѣе

было то, что онъ не желалъ болѣе отпускать ее отъ себя; онъ долженъ былъ насладиться ею.

Еслибы было возможно сперва бросить ее дикимъ звѣрямъ, а затѣмъ снова призвать ее къ жизни, украсить императорскою діадемой и осыпать всѣми дарами богатства и власти! Каждое ея желаніе было бы угадываемо по ея глазамъ, еслибы только она снова рѣшилась класть руку на его лобъ, прогнать боль изъ его головы и призывать сонъ къ его ложу, наполненному всякими ужасами.

Но онъ не сдѣлалъ для нея ничего; онъ даже не исполнилъ ни одной изъ ея просьбъ... И предъ его воображеніемъ внезапно выступилъ образъ Виндекса и его племянника, которыхъ онъ предалъ палачу, несмотря на ея ходатайство за нихъ. И снова прозвучало въ его внутреннихъ ухахъ страшное слово «дѣяніе».

Неужели страшныя мысли будутъ преслѣдовать его и днемъ?

Но нѣтъ! въ бодрственномъ состояніи много такого, что дать ему силу разсѣять ихъ.

Доложили о приходѣ повара, но время ли было думать Каракаллѣ объ услажденіи своего вкуса теперь, когда онъ могъ надѣяться снова увидѣть Мелиссу. Поэтому онъ равнодушно предоставилъ искусному и изобрѣтательному человѣку полную волю.

За удаленіемъ повара скоро послѣдовало возвращеніе префекта.

Умертвитель жертвъ узналъ о Мелиссѣ отъ своего товарища, который вчера два раза видѣлъ ее у одного изъ оконъ комнатъ для мистерій въ верхнемъ этажѣ Серапеума въ послѣполуденное время. Онъ думалъ получить награду, обѣщанную за приведеніе бѣглянки, и общалъ другому умертвителю жертвъ, если тотъ поможетъ схватить дѣвушку, часть своей прибыли. Но первый умертвитель передъ захожденіемъ солнца, услыжавъ, что избіеніе прекращено, пошелъ въ городъ и тамъ былъ убитъ какимъ-то пьянымъ солдатомъ скинскаго легіона.

Трупъ несчастнаго былъ найденъ, и второй умертвитель увѣрялъ, что онъ твердо убѣжденъ въ правдивости рассказа своего убитаго товарища, который, по отзыву главнаго надсмотрщика надъ жертвоприношеніями, былъ человѣкъ трезвый и надежный.

Этихъ свѣдѣній было достаточно для цезаря. Макринъ долженъ былъ прежде всего привести къ нему верховнаго жреца и при этомъ позаботиться, чтобы тотъ ничего не успѣлъ предпринять для сокрытія Мелиссы.

Мясникъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, которые должны получить свою долю награды за выдачу дѣвушки, втайнѣ уже сторожилъ со времени солнечнаго заката всѣ ворота Сералеума и главную лѣстницу, которая ведетъ изъ комнатъ для мистерій въ нижній этажъ.

Префектъ послѣшилъ исполнить приказаніе императора. На порогѣ онъ встрѣтилъ повара, который возвращался, чтобы представить на одобреніе цезаря списокъ обѣденныхъ блюдъ.

Онъ нашель Каракаллу преобразившимся, какъ бы помолодѣвшимъ, и въ самомъ веселомъ настроеніи духа.

Быстро одобвивъ предложеніе повара, императоръ спросилъ его, въ какой части зданія находятся покои для мистерій, и когда узналъ, что лѣстница, ведущая къ нимъ, начинается около кухни, устроенной среди лабораторій храма, то обѣщалъ заглянуть въ поварню. Онъ приведетъ съ собой и льва, чтобы звѣрь поблагодарилъ за хорошее мясо, которое доставлялось ему оттуда постоянно.

Обрадованный необычайною милостью повелителя, гнѣвъ котораго обрушивался на него довольно часто, главный поваръ вернулся къ своему очагу.

Этотъ очагъ стоялъ въ обширной залѣ, которая первоначально была самою большою изъ лабораторій, гдѣ приготавлились куренія для храма и лекарства для больничныхъ его палатъ.

Она примыкала къ менѣе обширнымъ заламъ и комнатамъ, гдѣ работали жрецы, приготавливавшіе кифи и медикаменты.

Гордясь обещаніемъ цезаря, главный поваръ сообщилъ своимъ подчиненнымъ—какого посѣщенія можетъ быть онъ удостоится—и затѣмъ пошелъ къ двери ближайшей маленькой лабораторіи, чтобы сообщить работавшему тамъ старому пастофору, которому онъ былъ обязанъ разными добрыми услугами, что если онъ желаетъ увидать цезаря, то ему стоитъ только отворить маленькую дверь, ведущую на лѣстницу. Императоръ сейчасъ пойдетъ наверхъ, въ покои для мистерій, со своимъ знаменитымъ львомъ. Онъ руч-

ной, и императоръ любить его, какъ своего роднаго сына.

На это старый составитель лекарствъ пробормоталъ про себя отвѣтъ, походившій больше на проклятіе, чѣмъ на благодарность, которой ожидалъ поварь, и послѣдній пожалѣлъ, что онъ сравнилъ льва съ сыномъ при этомъ человѣкѣ, носившемъ темную траурную одежду, потому что два его сына, цвѣтущіе юноши, были вчера убиты вмѣстѣ съ другими.

Но главный поварь скоро забылъ старика: онъ долженъ былъ приказать своимъ подчиненнымъ поскорѣ привести въ порядокъ мѣсто ихъ дѣятельности и приготовить кухню къ приему высокаго посѣтителя. Между тѣмъ какъ онъ бросался туда и сюда, собственноручно помогая имъ, въ комнату вошелъ пасторъ и попросилъ позволить ему взять кусокъ бараньяго мяса.

Это ему было разрѣшено охотно. Поварь кивкомъ головы указалъ ему на только что убитыхъ барановъ, и старикъ долго возился, отрѣзывая кусокъ.

Наконецъ онъ отрѣзалъ то, что ему было нужно, и съ какою-то особенною нѣжностью посмотрѣлъ на красное отборное мясо.

Онъ быстро заперся въ своей лабораторіи и когда вышелъ оттуда опять нѣсколько минутъ спустя, то морщинистое лицо этого спокойнаго, безобиднаго старика имѣло злобное и злорадное выраженіе.

Передъ лѣстницей онъ пытливо осмотрѣлся, но вслѣдъ затѣмъ поспѣшно, какъ въ молодые годы, взбѣжалъ по ряду ступеней и положилъ кусокъ мяса при одномъ изъ ея поворотовъ нижней ступени.

Такъ же быстро вернулся онъ назадъ, бросилъ сквозь открытое окно лабораторіи скорбный взглядъ на Стадіумъ, гдѣ было убито то, что оставалось ему въ жизни, и провелъ рукою по своимъ мокрымъ щекамъ. Наконецъ онъ снова принялся за работу, но безъ своего обычнаго рвенія. Онъ дрожащими пальцами отвѣшивалъ можжевельныя ягоды и кедровую смолу и при этомъ, сдерживая дыханіе, прислушивался къ звукамъ на лѣстницѣ.

Тамъ теперь было шумно, и кухонные рабы кричали, что цезарь идетъ. Пасторъ вышелъ изъ лабораторіи вслѣдъ за другими, чтобы тоже увидать что нибудь, и одинъ изъ

поваровъ добровольно уступилъ мѣсто огорченному старику, чтобы не загораживать ему перспективы.

Неужели этотъ маленькій молодой человѣкъ, который тамъ, впереди своей свиты, рядомъ съ главнымъ жрецомъ, такъ весело и проворно всходитъ наверхъ — то мрачное чудовище, которое умертвило его цвѣтущихъ сыновей? Онъ совершенно иначе представлялъ себѣ наружность этого ужаснаго человѣка. Теперь цезарь даже смѣется, а тотъ величавый господинъ въ пурпурѣ позади него, — поварь сказалъ ему, что это римлянинъ, находящійся не въ ладахъ съ Теофиломъ, — даетъ ему какой-то веселый отвѣтъ.

Ужъ не смѣются ли они надъ главнымъ жрецомъ?

Теофилъ, котораго онъ зналъ такъ много лѣтъ, еще никогда не былъ такъ блѣденъ и разстроены.

И онъ имѣлъ основаніе сильно тревожиться, потому что догадывался — кого ищетъ императоръ въ комнатахъ для мистерій — и подозрѣвалъ, что его жена спрятала Мелиссу тамъ, куда онъ теперь указывалъ путь цезарю. Когда Макринъ позвалъ его къ императору, онъ не успѣлъ освѣдомиться на этотъ счетъ, потому что префектъ не отходилъ отъ него, и Эвріала находилась въ городѣ, чтобы вмѣстѣ съ другими женщинами позаботиться о помѣщеніи раненыхъ и уходѣ за ними.

Императора радовало измѣнившееся, угнетенное и мрачное, состояніе духа этого человѣка, который обыкновенно былъ такъ исполненъ чувства собственнаго достоинства, такъ какъ изъ этого обстоятельства Каракалла выводилъ заключеніе, что Теофилу извѣстно тайное убѣжище Мелиссы. Поэтому онъ шутилъ со жрецомъ Александра, префектомъ Макриномъ, любимцемъ Теоокритомъ и другими сопровождавшими его «друзьями», не обращая, повидимому, никакого вниманія на верховнаго жреца и не упоминая ни однимъ словомъ о дѣвушкѣ.

Едва они прошли мимо стараго пастофора и только что раздался привѣтственный кликъ кухонныхъ служителей «да здравствуетъ цезарь!» какъ къ нимъ подошла Эвріала, блѣдная какъ смерть, и дрожащимъ голосомъ спросила — не видѣли ли они ея мужа и куда онъ повелъ императора.

Она вернулась съ половины дороги, чтобы, повинувшись порыву своего сердца, прежде чѣмъ отдаться дѣлу милосер-

дія, привѣтствовать Мелиссу въ ея убѣжищѣ и обласкать ее въ началѣ этого новаго, одинокаго и тревожнаго, дня.

При данномъ ей отвѣтѣ колѣни ея задрожали, и главный поваръ увидѣлъ, что она шатается, поддержаль ее и проводилъ въ лабораторію, гдѣ эссенціи пастофора скоро возвратили ей ослабѣвшія силы.

Эвриала много лѣтъ знала старика и, замѣтивъ его траурную одежду, спросила его съ глубокимъ участіемъ:

— И тебя тоже постигло это?

— Оба сына погибли, отвѣчалъ онъ. — Ты была къ нимъ такъ добра. Зарѣзаны, какъ жертвенныя животныя... тамъ, въ Стадіумѣ. И слезы, одна за другою, потекли по морщинистымъ щекамъ старца.

Матрона подняла руки, точно призывая небо положить конецъ этимъ чрезмѣрнымъ злодѣяніямъ, и въ то же мгновеніе сверху послышался жалобный вой, за которымъ послѣдовали дикіе, смѣшанные крики мужскихъ голосовъ.

Эвриала, растерянная, запаталась у лѣстницы.

Если Мелиссу нашли въ ея убѣжищѣ, то ея мужъ пропалъ, и она будетъ виновна въ его гибели. Однако же комнаты для мистерій едва ли могли быть уже отворены, а дѣвушка умна и проворна и, можетъ быть, убѣжить вовремя, когда услышитъ приближеніе людей.

Она задыхаясь бросилась къ окну.

Тамъ внизу находился тотъ камень, который открывалъ выходъ для Мелиссы; но между нимъ и Стадіумомъ пространство кишѣло людьми, и у каждой двери Серапеума, даже у того гранитнаго входа, который былъ извѣстенъ только посвященнымъ, стояли ликторы и вмѣстѣ съ умертвителями жертвъ другіе служители храма, которые, повидимому, были здѣсь размѣщены въ качествѣ стражей.

Если Мелисса выйдетъ теперь изъ Серапеума, то она будетъ схвачена и тогда обнаружится—кто открылъ для нея убѣжище, гдѣ она скрывалась.

Теперь Θεокритъ большими прыжками сбѣжалъ съ лѣстницы и закричалъ ей:

— Левъ! Врача! Гдѣ мнѣ найти врачей?

Тогда матрона указала на стараго пастофора, принадлежавшаго къ числу врачей храма, и любимецъ торопливо крикнулъ ему: — наверхъ! и затѣмъ побѣжалъ дальше,

не обращая вниманія на вопросъ Эвриалы о Мелиссѣ; старикъ же хриплымъ голосомъ засмѣялся ему вслѣдъ:

— Я врачъ не для звѣрей!

Затѣмъ онъ повернулся къ матронѣ и серьезнымъ тономъ сказалъ:

— Мнѣ жаль льва. Ты вѣдь меня знаешь, госпожа. До вчерашняго дня я не могъ видѣть страданій даже какой нибудь мухи. Но этотъ звѣрь! Онъ былъ все равно, что родной сынъ для этого кровопійцы, и злодѣй долженъ хоть одинъ разъ почувствовать настоящую скорбь. Левъ былъ частью его самого. Никакое лекарство въ мірѣ не возвратитъ его къ жизни.

Съ этими словами онъ, склонивъ голову, пошелъ назадъ, въ лабораторію, и въ матронѣ родилось подозрѣніе, что этотъ спокойный добрый человекъ, несмотря на свои сѣдые волосы, сдѣлался отравителемъ, и что онъ былъ виновникомъ смерти прекраснаго и ни въ чемъ неповиннаго звѣря.

По тѣлу ея пробѣжала холодная дрожь.

Гдѣ появляется этотъ несчастный, думала она, тамъ доброе превращается въ злое; страхъ, бѣдствіе, смерть заступаютъ мѣсто мира, счастья, жизни.

Она тоже была принуждена къ нехорошему поступку: къ сопротивленію волѣ своего мужа и господина.

Мелисса была втайнѣ спрятана ею, вопреки его запрещенію, и теперь этотъ поступокъ получить свою кару.

Можетъ быть ея мужъ и она съ нимъ поплатятся за него своею жизнью; умерщвленіе этого звѣря должно внезапно возбудить всевозможныя дикія страсти въ цезарѣ.

Она знала, что Каракалла уважаетъ ее. Можетъ быть онъ ради нея пощадитъ ея мужа.

Но Мелисса?

Что станетъ съ нею, когда ее вытащатъ изъ ея убѣжища. А ее навѣрное найдутъ! Онъ грозилъ, что броситъ ее на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, и не будетъ ли для нея эта ужасная участь лучше, чѣмъ прощеніе и новое пробужденіе страсти императора?

Блѣдная, безъ слезъ, но потрясенная до глубины души, она прислонилась къ периламъ лѣстницы и проговорила молитву, въ которой просила помощи неба для себя, для своего мужа и для Мелиссы. Затѣмъ она поспѣшно пошла по лѣстницѣ вверхъ.

Обѣ половины двери, которая вела въ комнаты для мистерій, были отворены настежь, и первымъ человѣкомъ, котораго встрѣтила Эвріала, былъ ея мужъ.

— Ты здѣсь! тихо воскликнулъ онъ. — Возблагодаримъ боговъ за то, что твое мягкое сердце не заставило тебя спрятать здѣсь дѣвушку. Я уже трепеталъ за нее и за всѣхъ насъ. Но ни малѣйшаго слѣда ея ни здѣсь, ни на общей лѣстницѣ! Какое утро и что за день послѣдуетъ за нимъ! Вонъ тамъ лежитъ левъ цезаря. Если подтвердится его подозрѣніе, что звѣрь отравленъ, то горе нашему несчастному городу, горе намъ всѣмъ!

И видъ цезаря оправдывалъ самыя страшныя опасенія. Онъ только что снова кинулся на полъ воалѣ своего умерщвленнаго друга и съ какими-то странными визгливыми и жалобными стопами спряталъ свое лицо въ его великолѣпную гриву. Затѣмъ онъ приподнял неподвижную голову льва и поцѣловалъ его искаженные глаза. Но когда тяжелая голова звѣря выскользнула у него изъ рукъ и ударилась объ полъ, онъ снова вскочилъ, потрясъ съ угрозою кулакомъ и вскричалъ:

— Да, онъ отравленъ! Сюда виновника, не то вы всѣ послѣдуете за нимъ!

Тогда Макринъ сталъ увѣрять, что если дѣйствительно какойнибудь злодѣй изъ злодѣевъ лишилъ жизни этого великолѣпнаго царя звѣрей, то убійцу счумѣютъ найти; но Каракалла бросилъ ему въ лицо вопросъ:

— Найти! вы осмѣливаетесь говорить, что найдете? развѣ вы привели мнѣ ту, которая скрывалась здѣсь? Нашли ли вы ее? знаете ли вы гдѣ она? Ее видѣли, и она должна быть здѣсь!

Съ этими словами онъ быстро сталъ переходить изъ одной комнаты въ другую, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, подобно рабу, ищущему драгоценную бездѣлушку, потерянную его господиномъ, перерылъ всѣ шкафы, взглянулъ за всѣ занавѣсы, сорвалъ съ крюковъ всѣ одежды, за которыми могла скрываться Мелисса, велѣлъ показать себѣ всѣ потайныя двери, сбѣжалъ съ лѣстницы, по которой она спускалась, чтобы выйти изъ Серапеума, и снова взбѣжалъ наверхъ.

Въ залѣ, гдѣ теперь враги и многочисленная свита императора окружали льва, Каракалла, весь въ поту, бро-

сился на стулъ и, глядя неподвижно въ землю, сталъ выслушивать врачей, изъ которыхъ многіе были болѣею частью александрійцы и которые, чтобы не возбуждать еще больше ярости повелителя, увѣряли, что левъ, который при маломъ движеніи ѣлъ слишкомъ много, издохъ отъ разрыва сердца. И такъ какъ ядъ въ самомъ дѣлѣ произвелъ болѣе быстрое дѣйствіе, чѣмъ какое когда либо случалось видѣть придворному врачу, то и онъ, желая подобно другимъ успокоить цезаря, присоединился къ ихъ мнѣнію. Однако же это объясненіе врачей, сдѣланное съ доброю цѣлію, подѣйствовало совершенно иначе, чѣмъ они ожидали. Въ смерти льва онъ увидаль новой ударъ судьбы противъ его собственной особы, и съ глухимъ гнѣвомъ, терзая себя самого, онъ бормоталъ про себя дикія проклятія и съ насмѣшкою требовалъ отъ верховнаго жреца возвращенія жертвъ, принесенныхъ имъ, цезаремъ, его богу, который такъ же коваренъ и враждебенъ ему, какъ все въ этомъ проклятомъ городѣ. Затѣмъ онъ всталъ снова, приказалъ другимъ отступить отъ львинаго трупа и долго, долго смотрѣлъ на него.

При этомъ возбужденное воображеніе показывало ему, какъ Мелисса гладила великолѣпнаго звѣря и какъ онъ билъ хвостомъ по твердому полу, слышавъ легкіе шаги ея маленькихъ ножекъ. Цезарь слышалъ пріятный звукъ ея голоса, когда она говорила со львомъ, лаская его, и онъ снова выпрямился, началъ осматривать длинныя комнаты и, не обращая вниманія на присутствующихъ, громко произносилъ ея имя. Наконецъ Макринъ рѣшился увѣрить его, что извѣстіе умертвителя жертвъ было ложно. Онъ, должно быть, принялъ за Мелиссу какую нибудь другую дѣвушку, такъ такъ вполнѣ удостовѣрено, что Мелисса сторѣла въ домѣ своего отца.

Каракала посмотрѣлъ стеклянными безумными глазами префекту въ лицо, и Макринъ въ ужасѣ отступилъ отъ несчастнаго, когда тотъ внезапно закричалъ: — дѣянія, дѣянія! и при этомъ ударилъ себя кулакомъ по лбу.

Съ этого мгновенія Каракала потерялъ способность отличать преслѣдовавшіе его пестрые фантастическіе образы отъ дѣйствительности.

XXXV

Восемь дней спустя Каракалла оставилъ Александрію, чтобы отправиться на войну съ пареянами.

Этого несчастнаго выгналъ такъ скоро изъ ненавистнаго ему города мучительный страхъ — подвергнуться участи своего льва и быть отравленнымъ демонами, которые слышали здѣсь заданный имъ судьбѣ вопросъ вслѣдъ за умерщвленнымъ Таравтасомъ.

Совершенно помѣшаннымъ онъ не былъ; послѣ призраковъ, мучившихъ его фантазію, часто слѣдовали многіе часы, въ которые онъ говорилъ, собиралъ свѣдѣнія и отдавалъ приказанія со здравымъ умомъ.

Душу его въ особенности тревожило всякое воспоминаніе о матери, о Теоокритѣ и о всѣхъ, къ кому онъ прежде питалъ уваженіе, и мнѣніе которыхъ не было для него безразлично.

Въ постоянномъ страхѣ быть пораженнымъ кинжаломъ какого нибудь мстителя, страхѣ, который его врачъ боялся причислить, какъ разныя другія странности, къ болѣзненнымъ явленіямъ его духовной жизни, онъ показывался только воинамъ и его часто видѣли насыщающимся похлебкой, которую онъ варилъ самъ, чтобы избѣжать отравленія, постигшаго его льва.

Его никогда не оставляло чувство, что имъ гнушаются, что его ненавидятъ и преслѣдуютъ всѣ.

По временамъ онъ вспоминалъ, что какая-то прекрасная дѣвушка молилась о немъ; но когда онъ пытался возстановить въ своей памяти ея образъ, то видѣлъ только подымавшуюся противъ него почернѣвшую, обвитуя золотую змѣей, руку, которая такъ испугала его въ ночь послѣ страшнѣйшаго изъ всѣхъ его кровавыхъ дѣлъ. И каждый разъ при видѣ ея онъ вспоминалъ слово, которое еще и теперь мучило его больше всего — »дѣяніе«.

Окружавшіе его люди слышали, какъ онъ выкрикивалъ это слово про себя и днемъ, и ночью, но никогда не узнали, что онъ при этомъ думалъ.

Приговоренный къ смерти Цминисъ былъ растерзанъ звѣрями въ виду на половину пустаго пространства для зрителей, хотя нѣсколько легионовъ были посланы въ циркъ

для наполненія мѣстъ. Большая часть гражданъ была умерщвлена, а остальные оплакивали убитыхъ или держались вдали отъ всякихъ зрѣлищъ, чтобы не встрѣтить ненавистнаго человѣка.

Префектъ Макринъ почти неограниченно руководилъ дѣлами правленія, отъ которыхъ теперь устранился цезарь, прежде столь трудолюбивый и хорошо совнававшій свои обязанности властителя.

Высочка еще въ Александріи видѣлъ, что предсказаніе мага Серапіона приближается къ исполненію. По этому онъ оставался въ тѣсномъ союзѣ съ прорицателемъ будущаго; однако же послѣдній только одинъ разъ, незадолго передъ отъѣздомъ цезаря, согласился вызвать духовъ, потому что его ловкій помощникъ Касторъ погибъ во время великой рѣзни, когда онъ, побуждаемый обѣщаніемъ богатой награды и своею личной ненавистью къ Александру, разыскивалъ убѣжище живописца и его сестры.

Когда, наконецъ, въ одно дождливое утро, несчастный императоръ, прокливаемый безчисленнымъ множествомъ отцовъ, матерей, вдовъ, сиротъ и въ конецъ разоренныхъ работающихъ людей, оставилъ Александрію, то этотъ нѣкогда столь гордый веселый городъ точно освободился отъ тяжкаго, угнетавшаго его, кошмара.

На этотъ разъ ненастное небо, казалось, обѣщало новое счастье не цезарю, а гражданамъ, которыхъ онъ такъ злобно ненавидѣлъ, — и сотни тысячъ людей смотрѣли на жизнь съ благодарностью и надеждой, несмотря на траурныя одѣянія и вдовья покрывала, которыя они носили, несмотря на жестокія препятствія новому процвѣтанію ихъ города, которыя поставила злоба царствовавшего надъ ними помѣшаннаго человѣка.

Умственной жизни населенія, которой городъ обязанъ былъ частью своего величія, онъ тоже думалъ нанести смертельный ударъ, приказавъ уничтожить всѣ ученыя учрежденія и закрыть театры.

Воспоминанія, которыя оставилъ по себѣ этотъ несчастный въ Александріи, были возмутительны для сердца и ума, и граждане жимали кулаки при произнесеніи его имени. Но острые языки перестали шутить и насмѣхаться. Большинство сочинителей эпиграммъ было истреблено и умолкло навсегда, а легкомысленное остроуміе тѣхъ, кото-

рые остались въ живыхъ, было парализовано на цѣлые долгіе мѣсяцы страшными проклятіями или горькими слезами.

Теперь, четырнадцать дней спустя по отъѣздѣ »грознаго«, снова открылись лавки и магазины, которые были заперты изъ боязни разграбленія ихъ солдатами. Въ безмолвныхъ и оставленныхъ баняхъ и кабакахъ снова закипѣла жизнь, такъ такъ теперь уже нечего было бояться ни оскорбленій со стороны буйныхъ воиновъ, ни подслушивающихъ ушей доносчиковъ и сыщиковъ. Женщины и дѣвушки могли снова ходить на улицу; рынокъ наполнился торговцами, и изъ своихъ тайныхъ убѣжищъ вышли многіе, которые были замѣчены въ произнесеніи какихъ нибудь неосторожныхъ словъ или находились въ подозрѣніи по поводу свистковъ въ циркѣ или какого нибудь другаго проступка.

Мастерская ваятеля Главкіаса на землѣ Герона тоже отворилась.

Въ погребѣ подъ ея поломъ скрывался рѣзчикъ съ Полибіемъ и его сестрою Праксиллой, потому что изнѣженнаго старика невозможно было уговорить взойти на корабль, нанятый уже для него Аргутисомъ. Онъ готовъ былъ лучше умереть, чѣмъ оставить Александрію. Притомъ онъ чувствовалъ себя слишкомъ избалованнымъ и больнымъ для того, чтобы подвергать себя неудобствамъ морскаго путешествія. И эта упрямая настойчивость послужила ему къ добру, потому что хотя корабль, на которомъ онъ долженъ былъ отправиться, и ускользнулъ отъ приказанія запереть гавань, но былъ настигнуть императорскою галерой и приведенъ назадъ.

Напротивъ того приглашеніе Герона раздѣлить съ нимъ его убѣжище старикъ принялъ охотно.

Теперь оба вышли изъ своего заключенія; но послѣднія недѣли подѣйствовали на нихъ совершенно различнымъ образомъ: рѣзчикъ имѣлъ видъ своей собственной тѣни и потерялъ свою прямую осанку. Онъ зналъ, что Мелисса жива, а раненый Александръ отвезенъ Андреасомъ къ христіанину Зенону и выздоравливаетъ въ его домѣ, но смерть его любимаго сына Филиппа терзала его душу, къ тому же ему тяжело было примириться съ мыслью, что его домъ сожженъ и разрушенъ.

Его спрятанное и вмѣстѣ съ нимъ спасенное золото позволяло ему выстроить на мѣстѣ этого дома гораздо лучший, но то обстоятельство, что его разрушили собственные его сограждане, было для Герона прискорбнѣе, чѣмъ все другое.

Это удручало его душу и дѣлало его тихимъ и молчаливымъ.

Старая Дидо, не одинъ разъ рисковавшая своею жизнью для того, чтобы скрывавшіеся въ подвалѣ Главкіаса не терпѣли ни въ чемъ недостатка, видѣла Герона грустнымъ и молилась разнымъ богамъ, которымъ она поклонялась, чтобы они возвратили ея доброму господину силу снова бушевать и произносить громкія ругательства, потому что его кротость казалась ей неестественною, ужасною и предвѣщавшею близкую его кончину.

Вдова Праксилла тоже поблѣднѣла и похудѣла, но старая Дидо научилась отъ нея многому относительно приготовления кушаній.

Только Полибій былъ веселѣе, чѣмъ когда нибудь. Онъ зналъ, что его сынъ и невѣста послѣдняго избѣжали страшнѣйшей опасности. Это радовало его; къ тому же его сестра дѣлала чудеса, чтобы онъ не слишкомъ сильно чувствовалъ отсутствіе своего повара. Несмотря на это, трапезы не разъ бывали довольно скудны, и эта вынужденная умѣренность освободила его отъ подагры и вообще подѣйствовала на него такъ благотѣльно, что, когда Андреасъ вывелъ его на свѣтъ, то этотъ толстякъ вскричалъ: — я чувствую себя легкимъ, какъ птица. Еслибы у меня были крылья, то я сейчасъ же полетѣлъ бы черезъ озеро къ моему мальчику. Но и ты тоже способствовалъ къ тому, чтобы сдѣлать меня легкимъ, братъ мой.

При этомъ онъ охватилъ рукою плечо отпущенника и поцѣловалъ его щеки.

Это было въ первый разъ, и Андреасъ никогда еще не называлъ его »братомъ«. Но губы Полибія послѣдовали влеченію сердца. Это доказывали его влажные глаза, смотрѣвшіе въ глаза отпущенника, которые тоже не были сухими.

Полибій зналъ, что христіанинъ сдѣлалъ для его сына, для Мелиссы, для него самого, и его шутка, что Андреасъ сдѣлалъ легкимъ даже его, относилась къ послѣднему общенію отпущенника.

Новый намѣстникъ Юліанъ, который теперь, вмѣсто Тиціана, жилъ въ префектурѣ, воспользовался положеніемъ, угрожаемымъ Полибію, для вымоганія денегъ; и Андреасу удалось, посредствомъ уплаты ему большой суммы, уговорить его подписать письменный документъ, который освобождалъ Полибія отъ всякаго обвиненія и повелѣвалъ воинамъ и блюстителямъ безопасности оставить его личность и имущество неприкосновенными.

Этотъ документъ обезпечивалъ веселому старику спокойную будущность и переполнилъ мѣру благодарности, которою онъ былъ обязанъ отпущеннику. Андреасу же казалось, что поцѣлуй и братское привѣтствіе его бывшего господина въ первый разъ окончательно и вполне запечатлѣло его пріемъ въ число свободныхъ людей.

Онъ не желалъ другой награды, кромѣ той, которую только что получилъ, и было еще нѣчто другое, что переполняло радостью его сердце. Онъ теперь зналъ, что для дочери единственной женщины, которую онъ любилъ, время исполнилось въ истинномъ смыслѣ слова, что добрый пастырь призвалъ ее въ свое стадо.

И онъ могъ спокойно радоваться этому, потому что ему было сообщено, что и Діодоръ вступилъ на путь, на который онъ, Андреасъ, до сихъ поръ напрасно ему указывалъ.

Этого серьезнаго человѣка наполняла спокойная веселость, изумлявшая тѣхъ, которые его знали, потому что для него сущность христіанскаго ученія заключалась въ воскресеніи, и онъ съ изумленіемъ видѣлъ, что изъ смерти возникаетъ новая чудесная жизнь.

Для Александріи, казалось, время исполнилось, потому что и мужчины, и женщины толпами спѣшили креститься. Матери приводили съ собой дочерей, отцы сыновей. Изъ маленькаго союза христіанъ эти ужасные дни создали большую, доходившую до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ общину.

Для многихъ Каракала олицетворялъ собою язычество съ его кровавыми жертвами, съ его страстью къ борьбѣ, съ его обоготвореніемъ мести, съ его слѣпотою, которая для того, чтобы не мѣшать наслажденіямъ кратковременной жизни, устраняла заботу объ участи безсмертной души.

То обстоятельство, что мечъ, истребившій десятки ты-

сячь сыновъ александрійскихъ гражданъ, былъ посвященъ Серапису и принять имъ, отвратило многихъ отъ величайшаго изъ боговъ Александрии.

Вѣсть, что верховный жрецъ Теофилъ немедленно по удаленіи цезаря сложилъ съ себя это званіе и объ руку со своею всѣми уважаемою супругой Эвриалой принялъ крещеніе отъ ученаго священника Климента, своего друга, утвердила многихъ въ желаніи присоединиться къ христіанской общинѣ.

Послѣ этихъ кровавыхъ ужасовъ, этихъ оргій вражды и жажды мщенія, каждое сердце было наполнено страстнымъ желаніемъ любви, мира, братскаго единенія.

Кто, видѣвшій въ эти послѣдніе дни смерть въ лицо, не пожелалъ бы сколько нибудь ближе познакомиться съ вѣрою, которая учила предпочитать загробную жизнь земной, и исповѣдники которой увѣряли, что они ждуть смерти, какъ женихъ свадьбы?

Всѣ были свидѣтелями, какъ попирались личность и всѣ права человѣка, и широко открывали свой слухъ для ученія, которое признавало за человѣчествомъ высочайшее достоинство, возвышая даже самыхъ ничтожныхъ людей до степени чадъ Божіихъ.

Александрійцы привыкли молиться безсмертнымъ существамъ, которыя въ своей недоступной замкнутости вели безпорядочную, полную наслажденій, жизнь за золотыми столами въ пиршественной залѣ Олимпа, и вотъ теперь они услышали отъ христіанъ, что ихъ церковь есть общеніе вѣрующихъ съ Богомъ отцомъ и его сыномъ, который въ человѣческомъ образѣ жилъ между смертными и сдѣлалъ для нихъ больше, чѣмъ сдѣлалъ бы братъ, такъ какъ изъ любви къ нимъ онъ принялъ позорную и мучительную смерть на крестѣ.

Образованнымъ александрійцамъ, по множеству основаній, давно уже казалось безсмыслицей — покупать благоволеніе божества посредствомъ кровавыхъ жертвъ. Нѣкоторыя философскія общины, а въ особенности пиеагорейцы уже запрещали кровавые жертвоприношенія и повелѣвали приносить жертвы не для того, чтобы купить счастье, а только для того, чтобы почтить боговъ; теперь же имъ христіане говорили, что вмѣсто принесенія жертвъ нужно праздновать трапезу любви.

Это, говорили они, должно напоминать имъ о ихъ братской принадлежности другъ къ другу и о Распятомъ Учителѣ, кровь котораго, пролитая ради любви, была принята его Небеснымъ Отцомъ вмѣсто всякой другой жертвы. Добровольная мучительная смерть ихъ Спасителя избавила душу хрстіанъ отъ грѣховъ и осужденія, и многихъ, которые въ недавно миновавшіе часы ужаса стояли уже въ отчаяніи на порогѣ смерти, увлекало желаніе принять участіе въ этомъ дарѣ божественной благодати.

Одно прекрасное, мудрое, убѣдительное библейское изреченіе за другимъ переходило изъ устъ въ уста, и слова хрстіанина Климента, котораго великая ученость была извѣстна, оказались въ особенности дѣйствительными.

Онъ сказалъ, что вѣра есть знаніе божественныхъ вещей, приобрѣтенная посредствомъ откровенія; однако же наука должна представить доказательства ея; и это изреченіе побудило даже многихъ высокоразвитыхъ людей сдѣлать подобную попытку относительно новаго ученія.

Оно больше всего увлекало низшіе слои народа, бѣдныхъ и рабовъ, а съ ними печалующихся и угнетенныхъ, а ихъ было теперь много.

Народныя собранія были воспрещены новымъ начальствомъ, однако же законъ Элія Марціана разрѣшалъ сходки для религиозныхъ цѣлей, и ученый адвокатъ Іоаннъ указалъ на него своимъ единовѣрцамъ.

Вся Александрія была приглашена на эти собранія, и слова, которыми Андреасъ открылъ первое изъ нихъ — »но тогда время исполнилось« — переходили изъ устъ въ уста.

За исключеніемъ времени, предшествовавшаго рожденію Христа, ни къ какому другому эти библейскія слова не подходили лучше, чѣмъ ко времени убійства и ужаса, которое было только что пережито.

Развѣ когда нибудь были проводимы болѣе явственные границы между прошедшими и грядущими днями?

Изъ старой, суетной, безпечной жизни, для которой несслыханные ужасы приготовили конецъ, теперь возникла новая — жизнь мира, любви и благочестивой заботы объ участи души.

Правда, большинство гражданъ, съ богатыми и знатными во главѣ, еще наполняло языческіе храмы, чтобы

служить тамъ старымъ богамъ и покупать ихъ благоволеніе жертвами; однако же малочисленныя и необширныя христіанскія церкви не могли уже вмѣстить въ себѣ всѣхъ вѣрующахъ и приобрѣли новый видъ. Христіанская община не состояла теперь, какъ прежде, почти исключительно изъ простонародья и рабовъ. Нѣтъ, въ нее толпами стремились теперь мужчины и женщины изъ самыхъ значительныхъ фамилій города, и этой общинѣ, — какъ возвѣщали громогласно: краснорѣчивый епископъ Димитрій, превосходившій даже языческихъ философовъ въ силѣ и образованности ума, Оригенъ, пламенный Андреасъ и многіе другіе призванные, — этой общинѣ принадлежало будущее.

Никогда еще отпущенникъ не ощущалъ въ себѣ такого подъема духа, и когда онъ обращалъ свой взоръ назадъ, на свое прошлое существованіе, то ему съ полною благодарности радостью часто приходили на умъ слова о послѣднихъ, которые будутъ первыми, объ униженныхъ, которые возвысятся.

Еслибы мертвые на его глазахъ возстали изъ своихъ могилъ, это едва ли удивило бы его, потому что въ послѣдніе дни онъ встрѣчалъ одно чудо за другимъ. Большая часть того, чего пламенно желала его душа, чего онъ искалъ, о чемъ онъ молился, исполнилась такъ, что это далеко превзошло его надежды. И чрезъ какое множество крови и ужасовъ Господь провелъ своихъ избранныхъ, чтобы помочь имъ найти высочайшую цѣль.

Отъ Эвриалы онъ зналъ, что ея желаніе приобрести душу Мелиссы для христіанской вѣры исполнилось, и что дѣвушка желаетъ крещенія. Это еще не было подтверждено ему ею самою, потому что она въ теченіе девяти дней, лежа въ горячкѣ, находилась между жизнью и смертью, а съ тѣхъ поръ онъ цѣлую недѣлю оставался въ городѣ для приведенія дѣлъ Полибія въ порядокъ.

Теперь задача, которую онъ намѣревался довести до хорошаго конца, была разрѣшена. Онъ могъ оставить городъ и снова увидѣть молодыхъ людей, которыхъ онъ любилъ.

У сада Полибія онъ разстался съ нимъ и съ его сестрою и повелъ за тѣмъ Герона и старую Дидо къ маленькому дому, который его бывший господинъ назначилъ для нихъ на своей землѣ.

Рѣзчикъ не могъ навѣстить своихъ выздоравливавшихъ дѣтей до полученія на это позволенія отъ врача, и этотъ несчастный человѣкъ не могъ удержаться отъ удивленія и былъ глубоко тронутъ, найдя въ своемъ новомъ домѣ не только рабочій столъ съ орудіями его ремесла, воскомъ и камнями, но и нѣсколько клѣтокъ съ птицами и въ числѣ послѣднихъ одного скворца.

О принадлежностяхъ мастерской позаботился, по порученію Полибія, бывшій рабъ, а теперь свободный Аргутисъ; птицы же были подаркомъ христіанки Агаѣи.

Все это было утѣшеніемъ въ горести, и когда рѣзчикъ остался наединѣ со старою Дидо и осмотрѣлъ все это, онъ разразился громкимъ рыданіемъ. Раба невольно послѣдовала его примѣру; но онъ запретилъ ей это съ громкою и угромою бранью. Она сначала испугалась; но вслѣдъ затѣмъ изъ глубины ея вѣрнаго сердца раздалось радостное восклицаніе: — хвала богамъ! Этою бранью, утверждала она, — началось новое благополучіе Герона.

Солнце приближалось къ закату, когда Андреасъ подходилъ къ дому Зенона, очень длинному строенію, выкрашенному бѣлою краской. Путь велъ его черезъ пальмовую рощу, которая принадлежала уже къ имѣнію христіанина. Желаніе увидѣть милыхъ больныхъ побуждало его идти такъ быстро, что онъ скоро нагналъ другаго путника, который прохаживался здѣсь въ вечерней прохладѣ.

Это былъ врачъ Птоломей.

Онъ весело и радостно поздоровался съ Андреасомъ, и послѣдній понялъ о комъ говорилъ врачъ, когда, не дожидаясь съ его стороны вопроса, вскричалъ:

— Съ сегодняшняго утра мы перевалились черезъ гору! Горячка исчезла. Пестрые призраки оставили ее, и послѣ полудня она заснула. Когда я оставилъ ее часъ тому назадъ, она спала крѣпко и спокойно. До сихъ поръ ея потрясенная душа жила точно во снѣ, но теперь, когда горячка исчезла, скоро вернется и сознаніе. Она еще никого не узнаеть — ни Агату, ни госпожу Эвріалу, ни даже Діодора, которому я вчера могъ позволить на одно мгновеніе посмотреть ей въ лицо. Чтобы ее не беспокоилъ шумъ дѣтей, мы перенесли ее изъ большаго дома въ садъ, въ

маленькую виллу противъ мѣста молитвы. Тамъ спокойно и прекрасно, и воздухъ свободно доходитъ до нея черезъ широкую дверь веранды. Императрица не могла бы пожелать для себя лучшей комнаты во время болѣзни. И какъ Агаея ухаживаетъ за нею! Ты правъ, что шагаешь такъ скоро. Вонъ тамъ угасаетъ послѣдній отблескъ солнца, и скоро начнется божественная служба. Діодоромъ я тоже доволенъ, юность такая почва, на которой моему искусству легко пожинать лавры. Только когда душа потрясена такъ глубоко, какъ душа Мелиссы и ея брата, дѣло и при молодости подвигается не такъ быстро впередъ. Однако же, какъ я сказалъ, мы находимся по ту сторону болѣзни.

— Слава Богу! сказалъ Андреасъ, — подобныя вѣсти молодятъ, я могъ бы бѣгать, какъ мальчикъ.

Здѣсь они вступили въ хорошо содержавшійся садъ, который широко раскинулся позади длиннаго дома Зенона. На зеленыхъ лужайкахъ возвышались прекрасныя группы старыхъ высокихъ деревьевъ и великолѣпныхъ кустарниковъ. Вокругъ одного источника цвѣли на тщательно обработанныхъ грядахъ прекрасныя цвѣты. Пальмовая роцца замыкала садъ и бросала тѣни на садовую церковь Зенона — площадку, окруженную точно стѣной густыми кустами тамариса.

Маленькая вилла, гдѣ находилась комната больной Мелиссы, лежала среди зелени, и веранда, къ широко отворенной двери которой была перенесена постель страждущей, какъ только сдѣлалось прохладнѣе, была обращена къ саду, къ пальмовой роццѣ и къ мѣсту молитвы, окруженному нѣжными вѣтвями тамариса.

Агаея сидѣла около Мелиссы, и когда большія и малыя фигуры, которыя только что перешли садъ въ одномъ и томъ же направленіи, исчезли за томарисковой изгородью, молодая христіанка съ любовью посмотрѣла въ блѣдное, слишкомъ нѣжное, лицо своей страждущей подруги, осторожно прикоснулась губами къ ея лбу и прошептала спящей, точно та могла слышать ея голосъ:

— Я иду только для того, чтобы помолиться за тебя и за твоего брата.

Съ этими словами она вышла въ садъ.

Немного спустя послышались смягченныя, ради боль-

ной, удары въ мѣдную доску, которые возвѣщали маленькой общинѣ начало богослуженія.

Оно отправлялось каждый вечеръ, не безпокоя больную, но сегодня оно разбудило ее.

Она въ недоумѣннiи посмотрѣла вокругъ себя и хотѣла встать, но была слишкомъ слаба для этого.

Ужась, кровь, раненый Діодоръ, Андреасъ, осель, который везъ ее ночью, — таковы были образы, тѣснившіеся въ страшной путаницѣ ея проснувагося ума.

Въ Серапеумѣ она тоже часто слышала рѣзкій звонъ мѣди. Не тамъ ли она? Не во снѣ ли она видѣла свое ночное путешествіе со своимъ раненымъ женихомъ?

Можетъ быть она лишилась чувствъ въ этихъ страшныхъ комнатахъ для мистерій, и звонъ мѣди пробудилъ ее. При этой мысли по ней пробѣжалъ холодъ.

Она въ страхѣ не рѣшалась открыть глаза, чтобы не встрѣтить снова чудовищныхъ изображеній на стѣнахъ и повсюду.

Вѣчные боги! если ея бѣгство изъ храма и спасеніе Діодора Андреасомъ были только сномъ, то дверь могла открыться каждое мгновеніе, и могъ явиться египтянинъ Цминисъ или какойнибудь изъ его сыщиковъ, чтобы потащить ее къ самому страшному изъ людей.

Она уже не разъ просыпалась на половину, и когда при этомъ на нее нападали подобныя мысли, то она снова лишалась возвращавшагося сознанія, и ее снова потрясала лихорадочная дрожь.

Но на этотъ разъ ей казалось, что голова ея стала свѣжѣе, туманъ въ ея глазахъ разсѣялся, звонъ въ ушахъ исчезъ.

Уже при первой попыткѣ придти въ себя ея пробуждавшійся умъ сказалъ ей, что если она находится еще въ Серапеумѣ и откроется дверь, то Эвріала можетъ войти къ ней, чтобы ободрить ее, чтобы сжать ее въ своихъ материнскихъ объятіяхъ, чтобы и ей...

Здѣсь она внезапно вспомнила объ обѣщаніяхъ, которыя она нашла въ писаніяхъ христіанъ. Она вспомнила съ величайшею ясностью, какого любвеобильнаго утѣшителя она нашла во Христѣ, и съ какою радостью она призналась Эвріалѣ, что исполненіе времени теперь дѣйствительно наступило для нея, и что она ничего не желаетъ искреннѣе и глубже, какъ сдѣлаться христіанкой.

Лежа въ полномъ сознаніи со сложенными руками на груди, которую вздымало и опускало тихое, мѣрное дыханіе, она думала объ Учителѣ христіанъ и обо всѣхъ прекрасныхъ обѣтованіяхъ, которыя она нашла въ нагорной проповѣди и которыя, конечно, относились и къ ней. И Мелиссѣ казалось какъ будто голова ея покоится на плечѣ Эвриалы, и она видитъ, озаренный тихимъ свѣтомъ и обращенный къ ней, ликъ Спасителя.

Ея тѣломъ овладѣла какая-то пріятная истома. Она испытала уже совершенно такое же чувство, и она ясно вспомнила гдѣ и когда.

Совершенно такъ же она чувствовала себя послѣ того, какъ ея возлюбленный въ первый разъ открылъ ей свое сердце, когда она въ ночномъ мракѣ отдыхала на мраморной скамьѣ возлѣ него и мимо нихъ съ пѣніемъ проходила процессія христіанъ. Она тогда приняла ихъ за блуждающія души умершихъ и... какъ это странно!.. Нѣтъ, она не обманывается: она и теперь слышитъ пѣніе, которое тогда такъ радостно настроило ее, несмотря на строгую торжественность своихъ звуковъ.

Она не помнила, когда оно началось, но и на этотъ разъ оно пробудило въ ея душѣ какое-то горькое и вмѣстѣ сладкое чувство состраданія. Только это состраданіе охватило ее теперь глубже, чѣмъ тогда: вѣдь она теперь знала, что оно можетъ относиться ко всѣмъ людямъ, такъ какъ они дѣти одного и того же Отца, что они ея братья и сестры.

Только откуда слышатся эти дивные звуки? Неужели она—и легкая дрожь пробѣжала по ней при этой мысли—неужели она не находится въ числѣ живыхъ? Неужели сердце ея перестало биться тогда, когда Спаситель, послѣ Его путешествія на ослѣ ночью черезъ пролитую кровь, принялъ ее въ свои объятія и все потемнѣло вокругъ нея?

Не находится ли она теперь въ небѣ блаженныхъ? Андреасъ такъ прекрасно описывалъ его; однако же она вздрогнула при этой мысли. Но развѣ это не безуміе?

Если она дѣйствительно принадлежитъ къ числу мертвыхъ, то страхъ и бѣдствіе миновали навсегда. Она снова найдетъ мать, и, что бы ни случилось съ ея домашними, она можетъ помогать имъ отсюда, какъ она дѣлала это на землѣ, и навѣрно встрѣтитъ ихъ здѣсь, рано или поздно, снова.

Но нѣтъ! Сердце ея еще движется. Она чувствуетъ,

какъ сильно оно бьется. Гдѣ же она? Такого одѣяла не было на ея постели въ Серапеумѣ, и ея спальня тамъ была съ болѣе низкимъ потолкомъ.

Она начала осматривать все вокругъ себя и ей удалось повернуться въ ту сторону, откуда вѣялъ на нее такой чистый, мягкій и тихій вечерній воздухъ. При этомъ она прикоснулась своею нѣжною, исхудавшею отъ болѣзни, рукою къ головѣ и нашла, что ея густыхъ косъ уже нѣтъ больше. Значить она въ самомъ дѣлѣ ихъ обрѣзала, чтобы сдѣлать себя неузнаваемою. Но гдѣ же она? куда привело ее бѣгство? Все равно! Серапеумъ находится позади нея и ей теперь нечего бояться Цминиса и сыщиковъ.

Здѣсь ея взглядъ въ первый разъ обратился съ благодарностью вверхъ, затѣмъ она пытливо начала смотрѣть впередъ, и, между тѣмъ какъ она смотрѣла и ея взоръ наслаждался вполнѣ всѣмъ здѣсь видѣннымъ, съ губъ ея сорвалось тихое восклицаніе восторга. Передъ нею лежалъ въ серебряномъ сіяніи свѣтлаго серпа молодого мѣсяца великолѣпный цвѣтущій садъ, а надъ пальмами, которыя стояли тѣнистыми массаами на дальнемъ заднемъ планѣ, превышая все, всходила вечерняя звѣзда. Лунный свѣтъ блестялъ и сверкалъ въ подымавшихся и падавшихъ капляхъ фонтана, и между тѣмъ какъ она, охваченная до глубины души этимъ великолѣпіемъ, думала о ласковой Селенѣ, которая въ вышинѣ продолжала свой мирный путь, объ охотящейся въ лунную ночь Артемидѣ, о нимфахъ фонтана и о дриадахъ, которыя теперь, можетъ быть, скользятъ съ высокихъ густыхъ деревь, чтобы поплясать съ веселыми панами, — внезапно гѣніе раздалось снова торжественными ритмами, и до нея донеслось начало псалма, пропѣтаго мужскими голосами:

„Славьте Господа, призывайте имя Его, возвѣщайте въ народахъ дѣла Его,
Воспойте Ему и пойте Ему, повѣдайте о всѣхъ чудесахъ Его,
Хвалитесь Его святымъ именемъ, да веселится сердце ищущихъ Господа“.

Здѣсь мужчины умолкли, и, точно въ подкрѣпленіе хвалы Всевышнему, женскій хоръ запѣлъ съ живымъ одушевленіемъ восемьдесятъ девятый псаломъ:

„Господи! ты намъ прибѣжище въ родъ и родъ.
Прежде тѣмъ родились горы и ты создалъ землю и вселенную
отъ вѣка и до вѣка ты — Богъ“.

Затѣмъ снова запѣлъ хоръ мужчинъ:

„Небеса проповѣдаютъ славу Божию, и о дѣлахъ рукъ его воз-
вѣщаетъ твердь.
День дню передаетъ рѣчь, и ночь ночи отрываетъ знаніе“.

И снова прервали этотъ хоръ женщины, и снова вырвался изъ исполненныхъ благодарностью сердець псаломъ Давида:

„Благослови, душа моя, Господа и вся внутренность — святое
имя Его.
Благослови, душа моя, Господа и не забывай всѣхъ благодѣяній
Его.“

Онъ прощаетъ всѣ беззаконія твои, исцѣляетъ всѣ недуги твои,
Избавляетъ отъ могилы жизнь твою, вѣнчаетъ тебя милостью
и щедротами“.

Мелисса, затаивъ дыханіе, слушала эти гимны. Ни одно слово изъ нихъ не ускользнуло отъ нея. Какъ охотно она присоединила бы свой голосъ къ другимъ, чтобы поблагодарить Отца Небеснаго, который былъ теперь и ея отцомъ.

Боги, о которыхъ она только что вспоминала съ набожнымъ благоговѣніемъ, показались ей теперь прекрасными веселыми играющими дѣтьми, очаровательными людьми особаго вида, сравнительно съ могущественнымъ Творцомъ и Правителемъ вселенной, котораго святое имя, чудныя дѣянія, величіе и благость прославлялись въ этихъ хвалебныхъ пѣсняхъ. Дыханіе Его устъ разсѣвало весь сонмъ боговъ, къ которымъ она обращалась прежде, какъ осенній вѣтеръ пеструю листву поблекшихъ деревьевъ. Ей казалось, что Онъ сильными, но любвеобильными руками обнимаетъ лежащій предъ нею садъ и вмѣстѣ съ нимъ всю землю. Она любила и олимпійцевъ, но въ первый разъ теперь ею овладѣло истинное благоговѣніе передъ единымъ Богомъ, и она гордилась, что этого всемогущаго Господа, этого добраго Отца ей дозволено любить и что, какъ ей теперь извѣстно, Онъ любитъ ее.

Ея сердце билось все скорѣе, скорѣе, и она чувствовала, что при помощи этого Бога она не должна бояться никакой опасности.

Когда она снова стала смотрѣть на стоявшія позади кустовъ тамариса пальмы, надъ вѣровидными вершинами которыхъ уже сіяла вечерняя звѣзда на лазурной синевѣ ночнаго неба, — снова послышалось умолкнувшее передъ тѣмъ пѣніе, и она опять услышала привѣтствіе ангеловъ, которое она уже прочла въ евангеліи, причемъ оно

пролило въ ея душу утѣшеніе и надежду: »Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ чловѣкахъ благоволеніе«.

Ей казалось, что то, чего она пламенно желала тогда, теперь пришло.

Миръ, спокойствіе теперь наполнили ея сердце, и окружавшее ее было такъ спокойно и мирно! Ее проникало какое-то странное чувство, что она у себя и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденіе, что она должна опять увидать тѣхъ, по комъ тоскуетъ ея душа.

Она снова подняла глаза, чтобы осмотрѣться кругомъ, и увидѣла бѣлую фигуру, приближавшуюся со стороны тамарисковыхъ деревьевъ.

Это была Эвриала.

Она увидала Агаею среди молящихся и оставила божественную службу, боясь, что больная можетъ проснуться, не имѣя вблизи себя никого.

Она быстрыми шагами перешла черезъ лужайку. Вотъ она миновала фонтанъ; вотъ лунный свѣтъ упалъ на ея голову, и Мелисса увидала ея милое, доброе лицо.

Взволнованная, она испустила радостное восклицаніе на встрѣчу подругѣ, и матрона, войдя на веранду, услышала слабый голосъ выздоравливавшей.

Быстро, точно радость помолодила ее, Эвриала опустилась около постели, чтобы съ материнскою нѣжностью поцѣловать проснувшуюся дѣвушку и тихо прижать ее къ своей груди. Когда Мелисса затѣмъ забросала ее вопросами, то матрона принуждена была уговаривать ее, чтобы она успокоилась, и наконецъ сказала рѣшительно, что на этотъ разъ довольно спрашивать.

Прежде всего Мелисса желала знать, гдѣ она находится. И сердце ея переполнилось благодарностью, потому что Эвриала сдержаннымъ голосомъ рассказала, что отецъ ея живъ, что Діодоръ и ея братъ находятся въ домѣ Зенона и что съ Андреасомъ, Полибіемъ и со всѣми ими все опять благополучно послѣ тяжелыхъ дней. Городъ тоже давно освободился отъ императора, и Зенонъ соглашается выдать дочь свою Агаею за Александра.

Мелисса послушалась совѣта Эвриалы и нѣкоторое время оставалась спокойною; но радость, повидимому, удвоила ея силы, потому что она высказала желаніе увидать Агаею, Александра, Андреаса и—при этомъ она покраснѣла

и бросила трогательный, умоляющій взглядъ въ глаза матроны — Діодора.

Между тѣмъ вошелъ въ комнату врачъ Птоломей и позволилъ только дочери Зенона подходить къ постели ея подруги.

Его серьезные глаза были влажны, когда онъ, прощаясь съ Эвриалой, шепнулъ ей:— все хорошо и ея разсудокъ спасенъ.

Онъ былъ правъ. Выздоровленіе быстро подвигалось впередъ; съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ укрѣплялись силы Мелиссы. И неудивительно: ей пришлось видѣть и испытать много такого, что дѣйствовало подобно лекарству, хотя смерть брата и умерщвленныхъ друзей наполнила ея сердце новою печалью.

Какъ она, такъ и ея женихъ и Александръ были проведены по тернистымъ путямъ къ звѣздамъ, проливающимъ свой чистый свѣтъ въ сердца тѣхъ, которымъ открывается высшая истина.

То, что привлекло сердца многихъ александрійцевъ, привело также и ихъ къ новому ученію, и увѣренность, что они найдутъ своихъ невѣсть среди христіанъ, поддерживала рѣшимость двухъ друзей просить Зенона о назначеніи ихъ въ христіанской вѣрѣ. И оно имъ было дано съ такимъ пламеннымъ, увлекающимъ краснорѣчіемъ, что въ ихъ восприимчивыхъ сердцахъ, любовзательность и желаніе превратились въ твердое убѣжденіе.

Агаѣя сдѣлалась невѣстой Александра.

Презрѣніе согражданъ, которое безвинно навлекъ на себя юноша и относительно котораго онъ думалъ, что оно сдѣлаетъ недоступнымъ для него обладаніе любимою дѣвушкой, послужило ему въ пользу. Отецъ Агаѣи охотно отдавалъ свою дочь за человѣка, который ее спасъ, котораго она любила и въ которомъ онъ видѣлъ теперь одного изъ тѣхъ угнетенныхъ, коимъ предстояло возвыситься.

О смерти Филиппа не говорили Александру до тѣхъ поръ, пока рана его не закрылась; но въ тѣ дни онъ признался Андреасу, что рѣшился бѣжать далеко, чтобы не увидать Агаѣю снова и не похитить любимую дѣвушку у своего брата, на котораго онъ навлекъ столько бѣдствій.

Отпущенникъ выслушалъ его съ волненіемъ, и черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Андреасъ разсказалъ Зенону объ этомъ признаніи самоотверженнаго юноши, Зе-

нонь отправился къ выздоравливавшему художнику, чтобы привѣтствовать его, какъ сына.

Мелисса нашла въ Агаеѣ сестру, о которой она такъ долго мечтала, и какъ отрадно было ей видѣть, что глаза ея брата снова смотрятъ ясно и жизнерадостно!

Сдѣлавшись христіаниномъ и мужемъ дочери Зенона, Александръ остался художникомъ. Имущество, которое приобрѣлъ Андреасъ, было употреблено имъ на постройку новаго красиваго храма на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ домъ рѣзчика Герона.

Александръ украсилъ этотъ храмъ прекрасными картинами. А такъ какъ и этой церкви было мало для быстро увеличивавшейся христіанской общины, то явились и другія новыя церкви. Для нихъ Александръ тоже написалъ картины, славившіяся въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ и сохранившіяся по тѣхъ поръ, пока мрачное аскетическое рвеніе не изгнало искусства изъ христіанскихъ храмовъ и не уничтожило его произведеній.

Мелисса не могла оставаться безопасно въ Александріи.

Послѣ ея тихой свадьбы, отпразднованной въ домѣ Полибія, она отправилась со своимъ молодымъ мужемъ въ Карагенъ, гдѣ жилъ дядя Діодора. Но имъ не пришлось долго скрываться, потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ свадьбы императоръ былъ убитъ центуріономъ Марціаломъ, за которымъ скрывались трибуны Аполлинарій и Немезіанъ. Вскорѣ затѣмъ войска провозгласили императоромъ префекта преторіанцевъ Макрина.

Господство этого честолюбиваго челоуѣка продолжалось менѣе года, но предсказаніе мага Серапіона все-таки сбылось. Самому прорицателю будущаго оно стоило жизни; потому что его собственноручное письмо къ префекту, въ которомъ онъ напомнилъ о своемъ предсказаніи, попало въ руки матери Каракаллы, распечатывавшей письма, приходившія на имя ея несчастнаго сына въ Антиохію, гдѣ она жила, и магъ погибъ прежде, чѣмъ Макринъ успѣлъ его защитить.

Со вступленіемъ на тронъ новаго властителя прекратилось преслѣдованіе тѣхъ, которые возбудили неудовольствіе Каракаллы, и какъ Діодоръ и Мелисса, такъ и Геронъ съ Полибіемъ снова могли показываться среди толпы, не боясь никакого подсматриванія за ними.

Діодоръ и другіе друзья позаботились о томъ, чтобы подо-

зрѣніе въ предательствѣ, тяготѣвшее надъ семействомъ Герона, было признано неосновательнымъ. Мало того, смерть Филиппа и участь Мелиссы и Александра поставила ихъ въ глазахъ согражданъ наряду съ благороднѣйшими врагами тиранніи.

Когда императоръ Макринъ, черезъ десять мѣсяцевъ послѣ его вступленія на тронъ, вслѣдствіе пораженія его при Иммахъ, гдѣ только одни преторіанцы храбро сражались еще за него, былъ, послѣ позорнаго бѣгства, низвергнутъ, и армія провозгласила цезаремъ испорченнаго вначатнаго племянника Юліи Домны, подъ именемъ Гелиогабала, четырнадцатилѣтній императоръ велѣлъ поставить въ Александріи Каракаллѣ, за сына котораго ложно выдавали его, статую и ценотафъ. Этимъ двумъ произведеніямъ искусства пришлось много пострадать отъ ненависти тѣхъ, которымъ умерщвленный императоръ причинилъ такое страшное горе. Однако же, въ извѣстные дни поминовенія умершихъ оба памятника украшались прекрасными цвѣтами, и когда новый префектъ, по порученію матери Каракаллы, приказалъ разслѣдовать кому принадлежитъ этотъ даръ, то узналъ, что цвѣты приносятся изъ лучшаго сада въ городъ и что ихъ доставляетъ христіанка Мелисса, жена владѣльца этого сада. Это было отраднo сердцу Юліи Домны, и она еще съ большею теплотою благословила бы дарительницу, еслибы знала, что въ своихъ молитвахъ она поминаетъ душу ея заблудшаго сына.

Старый Геронъ, который былъ переселенъ въ имѣніе Діодора и менѣе ворчливый, чѣмъ прежде, продолжалъ создавать маленькія произведенія искусства, по поводу этихъ даровъ любви покачивалъ головою. Когда однажды послѣ подобнаго подарка онъ остался одинъ со старою вольноотпущенницею Дидо, то сказалъ съ досадою:

— Еслибы эта дура послушалась моего совѣта, то она называлась бы теперь императрицею, какъ Юлія Домна. Впрочемъ хорошо и такъ; но что Аргутисъ, на котораго они вообще смотрятъ, какъ на кровнаго родственника нашего стариннаго македонскаго рода, вчера, по порученію Мелиссы, отнесъ на ценотафъ Каракаллы цвѣты лучшіе, чѣмъ на могилу ея родной матери, — это да простить ей ея новый богъ. Я держусь призванныхъ, подлинныхъ боговъ, которымъ служила и моя Олимпія, а она дѣлала всегда только то, что изъ хорошаго было наилучшимъ.

Старый Полибій тоже остался язычникомъ; но дѣтямъ не препятствовалъ быть христіанами.

Онъ и Геронъ, оба не дѣлали никакихъ возраженій противъ того, чтобы внуки были воспитаны въ христіанской вѣрѣ; оба они предчувствовали, что новому ученію принадлежитъ будущее.

Андреасъ и въ старости былъ вѣрнымъ совѣтникомъ своихъ старыхъ и молодыхъ друзей. Въ солнечномъ свѣтѣ окружавшей его любви его суровое усердіе преобразилось въ заботливую кротость.

Когда, наконецъ, онъ приблизился къ смерти, и Мелисса незадолго до его кончины спросила его, какое изреченіе священнаго писанія онъ любитъ больше всего, то онъ нѣсколько подумалъ и затѣмъ отвѣчалъ твердо и рѣшительно: — »но такъ какъ время исполнилось«.

— Ради меня, замѣтила Мелисса съ влажными глазами.

Онъ, улыбаясь, кивнулъ ей утвердительно головой и сдѣлалъ Діодору знакъ, чтобы тотъ подаль ему кольцо съ печатью — единственную вещь, которую его отецъ сохранилъ отъ времени своей свободы, — и просилъ Мелиссу принять это кольцо на память о немъ. Глубоко тронутая, она надѣла кольцо на палецъ, и Андреасъ указалъ на надпись и проговорилъ замирающимъ голосомъ:

— Твой путь есть вашъ и мой... Любимое изреченіе отца... »Per aspera ad astra!..« Онъ велъ меня къ цѣли и тебя, и васъ... Но это изреченіе римское... Вы едва ли понимаете его... Оно значитъ: »по каменистымъ тропинкамъ къ звѣздамъ!..« Но нѣтъ: »подъ тяжестью креста вверхъ, къ блаженству здѣсь и тамъ« — вотъ къ чему оно призываетъ меня и — при этомъ онъ посмотрѣлъ въ прекрасное еще до сихъ поръ лицо своего любимца — тебя — я знаю это — и васъ!

Затѣмъ онъ глубоко вздохнулъ и, положивъ руку на голову Мелиссы, опустившейся на колѣни у его ложа, закрылъ глаза навсегда въ объятіяхъ Діодора.

К О Н Е Ц Ъ

Д. Л. Михаловскій

Н О В Ы Я К Н И Г И

D-r Ernst Schulze, Lebensbeschreibung des Prinzen Ludwig Gruno von Hessen-Homburg. Д-ръ Э. Шульце. Биографія принца Людвиг Груно гессенъ-гомбургскаго. Гомбургъ, 1892 г., X+168 стр.

Недавно появилось за границею это историческое сочиненіе, содержащее биографію одного изъ нашихъ фельдмаршаловъ прошлаго столѣтія, принца Людвигъ гессенъ-гомбургскаго, посвятившаго, подобно другимъ иностранцамъ того времени, всю свою жизнь и дѣятельность Россіи. Принцъ гессенъ-гомбургскій жилъ въ Россіи съ 1723—1745 гг. „Исторія Россіи“ С. М. Соловьева упоминаетъ, о немъ лишь въ немногихъ мѣстахъ и то очень кратко, такъ что по ней нельзя себѣ составить вѣрнаго взгляда на качества принца и справедливо оцѣнить значеніе его дѣятельности. Этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что принцъ гессенъ-гомбургскій занималъ у насъ высокія военныя должности и участвовалъ во многихъ походахъ: на Кавказѣ, въ Крыму и въ Польшѣ.

Историографія, для оцѣнки дѣятельности принца, до сихъ поръ пользовалась преимущественно записками Манштейна, стоявшаго очень близко къ генералъ-фельдмаршалу Миниху, могучему противнику принца гессенъ-гомбургскаго. Отсюда явился въ нашей историографіи, какъ намъ кажется, слишкомъ строгій и даже несправедливый взглядъ на принца гессенъ-гомбургскаго. Въ пристрастной оцѣнкѣ принца превзошелъ всѣхъ князь Петръ Долгоруковъ въ своихъ „Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow“, по которымъ принцъ гессенъ-гомбургскій игралъ у насъ ничтожную, чуть ли не смѣшную и позорную роль. Такое отношеніе князя Петра Долгорукова, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что принцъ гессенъ-гомбургскій находился въ плохихъ отношеніяхъ къ современнымъ ему представителямъ этого княжескаго рода, ибо принцъ въ 1731 г. въ качествѣ предѣдателя военной коллегіи велъ слѣдствіе надъ обвиненнымъ въ нечистой критикѣ правительственныхъ распоряженій фельдмаршаломъ Василюемъ Владимировичемъ Долгорукимъ, который сдѣлался жертвою опалы, постигшей его родичей князей Алексѣя Григоровича и Василя Лукича Долгорукихъ, извѣстныхъ участниковъ въ олигархическихъ замыслахъ 1730 года.

Въ виду указаннаго недостатка въ источникахъ для полнаго знакомства съ дѣятельностью принца Людвигъ Гессенъ-гомбургскаго новый трудъ г. Э. Шульце представляетъ весьма достойный вниманія вкладъ въ историческую литературу, такъ какъ онъ основанъ преимущественно на рукописныхъ матеріалахъ, которыми до его появленія никто еще не пользовался. Эти матеріалы состоятъ изъ писемъ, дневниковъ, записокъ, счетовъ и другихъ рукописей принца Гессенъ-гомбургскаго, находящихся въ Дармштадтомъ великогерцогскомъ архивѣ. На основаніи этихъ матеріаловъ авторъ жизнеописанія проверилъ свѣдѣнія Манштейна и другихъ источниковъ, изъ которыхъ до него черпала историографія. Указывая на несомнѣнное пристрастіе Манштейна и нѣко-

торыхъ другихъ источниковъ, авторъ разсматриваемой біографіи предлагаетъ читателямъ картину душевнаго и умственнаго развитія принца и описываетъ исторію походовъ въ прикаспійскихъ областяхъ (1732—1733 г.), въ Польшѣ (1734—1735 г.), въ Крыму (1736 г.) и на Украйнѣ (1737 г.). Въ этихъ походахъ принцъ участвовалъ сперва въ должности главнокомандующаго войсками, а затѣмъ въ должности генераль-фельдцейгмейстера. Хотя принцъ гессенъ-гомбургскій не проявлялъ особенно выдающихся способностей къ военному дѣлу, но должности свои онъ исполнялъ исправно. Изъ описанія взятія Очакова въ 1737 году видно, что принцъ дѣйствовалъ довольно удачно и тѣмъ оказалъ не малыя заслуги при взятіи крѣпости. Что же касается медленности и нерѣшительности военныхъ операций въ походахъ того времени вообще, то они зависѣли отъ плохой организаціи военнаго дѣла и отъ неблагоприятныхъ условій относительно климата и продовольствія войскъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ приходилось вести войну. Не мало, однако, вредили успѣшному ходу военныхъ предпріятій и частыя ссоры Миниха съ принцемъ гессенъ-гомбургскимъ и другими генералами.

Послѣ воцаренія Елизаветы Петровны принцъ гессенъ-гомбургскій занималъ видное мѣсто при дворѣ императрицы. Въ апрѣлѣ 1742 года, по поводу коронаціи императрицы, принцъ гессенъ-гомбургскій произведенъ былъ въ генераль-фельдмаршала, а супруга принца, урожденная княжна Анастасія Трубецкая, около того же времени получила отъ императрицы въ подарокъ домъ въ Москвѣ, затѣмъ очень драгоцѣнное кольцо и украшенные брилліантами часы. Въ день рожденія супруги принца гессенъ-гомбургскаго императрица присутствовала на обѣдѣ во вновь устроенномъ домѣ принца. Въ юлѣ 1744 года императрица, отправляясь на богомолье въ Кіевъ, явила новое свидѣтельство своего довѣрія принцу: она дала ему чрезвычайное полномочіе относительно надзора надъ столицею, дворомъ, арміею и сенатомъ. Этотъ фактъ доказываетъ, какъ высоко императрица Елизавета цѣнила принца Гессенъ-гомбургскаго. Къ концу 1744 года принцъ серьезно заболѣлъ и послѣ продолжительной болѣзни долженъ былъ для лучшаго восстановленія здоровья отправиться за границу, въ Монпелье. Однако онъ не достигъ цѣли поѣздки и умеръ 23 октября 1745 года въ Берлинѣ.

Авторъ разсматриваемаго сочиненія заключаетъ свой трудъ слѣдующею оцѣнкою личности принца гессенъ-гомбургскаго: „Нельзя отрицать, что въ умственномъ развитіи принца высказывается нѣкоторая поверхностность, но онъ не былъ лишенъ интереса къ наукамъ и искусству. Объ этомъ свидѣлствуетъ его переписка съ знаменитымъ юристомъ Августиномъ фонъ-Лейзеромъ въ Виттенбергѣ и съ поэтомъ Бартольдомъ Броккесомъ въ Гамбургѣ. Онъ отличался также гуманностью и снисходительностью по отношенію къ подчиненнымъ. Хотя онъ не былъ гениальнымъ полководцемъ и не владѣлъ желѣзною стойкостью, которою обладалъ его противникъ Минихъ, онъ однако несомнѣнно оказалъ важныя заслуги въ походѣ на Кавказъ и при взятіи Очакова. Долголѣтняя болѣзненность сдѣлала его не способнымъ къ участию въ походахъ, на которыхъ приходилось подвергаться большимъ лишеніямъ. Кажется даже, что онъ избѣгалъ большихъ напряженій силъ, трусомъ же онъ никогда не былъ.“

Къ разсмотрѣнному нами сочиненію приложены портреты принца Людвигъ гессенъ-гомбургскаго и его супруги.

Н. Ф.

М. Я. Хашкесъ. Стихотворенія. С.-Петербургъ. 1892 г.

Направленіе и характеръ творчества этого новаго стихослагателя какъ нельзя полнѣе обрисовываются въ слѣдующихъ строфахъ изъ его философской пьесы, напечатанной подъ заглавіемъ „Мысли“.

„Что спѣсивецъ кверху носъ свой задираетъ?
Или онъ на солнцѣ пятна открываетъ?“

* * *

Все, что разумно, то дѣйствительно для свѣта,
То правда въ будущемъ, какъ и во время это,
Но, что дѣйствительно, то до сихъ поръ, увн,
Не все рѣшаются, признать разумнымъ вы...

* * *

Должны мы поспѣшить: всѣмъ смерть сулить нашъ рокъ,
И пишемъ потому мы много тысячъ строкъ...“

Последнее двустишіе — повидимому, составляющее profession de foi автора — можетъ служить оправдательнымъ документомъ для всѣхъ тѣхъ 4000 строкъ, которыя онъ поспѣшилъ не только написать, но и обнародовать. Въ числѣ этихъ строкъ найдется много не только не хуже приведенныхъ нами, но и *лучше*. Одинъ только упрекъ мы, однако, должны сдѣлать новому стихотворцу. Номинальная цѣна его книжки назначена имъ 1 р. Цѣна эта сама по себѣ не очень высока, если вѣять въ расчетъ, что стихи г. Хашкеса — довольно цѣнный матеріалъ для изслѣдователей-психологовъ, которымъ предстоитъ изучать столь распространенное въ наше время явленіе, извѣстное въ психіатріи подъ названіемъ графоманіи. Но въ виду распространенности „даннаго явленія“, расходъ изслѣдователей, единственныхъ покупателей изданій, подобныхъ стихамъ г. Хашкеса, — становится обременительнымъ. Только поэтому мы вынуждены пожалѣть, что книжка г. Хашкеса стоитъ не дешевле.

Свой судъ. Разказъ В. Быстренина. — Счастливое открытіе.
Разказъ Каронина. М. 1892.

Было бы излишне говорить о томъ, — достигаютъ ли цѣли изданія „Посредника“ и т. п. фирмъ, — но дѣло выиграло бы несравненно болѣе, еслибы предлагающіе духовную пищу „для народа“ прежде всего обращали вниманіе на художественно-литературныя достоинства предлагаемаго, а не гонялись главнымъ образомъ за той или другой тенденціей. Нашъ читатель-*простецъ* въ достаточной степени одаренъ художественнымъ чутьемъ и всегда отдастъ предпочтеніе непосредственному плоду истиннаго творчества предъ скроенными по шаблону и сметанными на живую нитку претенціозными разсужденіями. Гораздо большее впечатлѣніе произведетъ на него одна дышащая жизнью, ярко-выписанная страничка, чѣмъ десятки страницъ, испещренныхъ за волосы притянутыми нравоченіями — какъ бы почтенны сами по себѣ ни были эти нравоченія. „Свой судъ“ В. П. Быстренина и „Счастливое открытіе“ покойнаго Н. Е. Каронина (Петропавловскаго), вошедшіе въ одну изъ послѣднихъ книжекъ изданій „Посредника“ (напечатанные раньше: первый — въ „книжкѣ Недѣли“, а второе — въ сборникѣ „Памяти В. М. Гаршина“), должны понравиться народу. Проникнутые одинаково гуманной идеей, эти два разказа даютъ цѣлый рядъ полныхъ жизни, говорящихъ не только уму, но и сердцу, удовлетворяющихъ не только запросамъ житейской нравственности, но и эстетическому чувству, страничекъ. Оба разказа построены на животрепещущей темѣ семейнаго разлада. Г-нъ Быстренинъ беретъ сюжетъ изъ купеческаго, очевидно, хорошо знакомаго ему, быта. Каронинъ — выводитъ на сцену крестьянскую жизнь и, что особенно заслуживаетъ вниманія, — это то, что онъ, безъ всякаго отношенія къ излюбленной нашими народолобцами „власти земли“, выводитъ жизнь какъ она

есть, безъ всякихъ оговорокъ. „Свой судъ“, обрисованный мрачными красками, удручающій читателя тяжелыми сценами изображенной талантливимъ авторомъ семейной драмы (мученія ревности, измѣна, убійство жены, покаяніе и проч.), — весьма предумотрительно включенъ въ одну книжку со „Счастливымъ открытіемъ“, своей благополучной развязкой какъ бы проясняющимъ впечатлѣніе, оставляемое первымъ рассказомъ. Вообще, эта книжка одна изъ наиболѣе удачныхъ въ серіи, изданной названной фирмой въ настоящемъ году.

Ап. К—скій

Евгеній Бѣлозерскій. Правда и вымыселъ. Рассказы. М. 1892. Ц. 1 рубль.

Авторъ этихъ одиннадцати „правдивыхъ“ и „вымышленныхъ“ рассказовъ пробовалъ свои силы чуть ли не во всѣхъ родахъ литературы. Во-первыхъ онъ — поэтъ, во-вторыхъ онъ — драматургъ, затѣмъ — корреспондентъ и, наконецъ, беллетристъ, о чемъ на обложкѣ разсматриваемой книги и доводится до всеобщаго свѣдѣнія. Плоды бесѣдъ г. Бѣлозерскаго съ музами напечатаны имъ въ 1886 или 1887 г. отдѣльнымъ сборникомъ, озаглавленнымъ „На зарѣ“, о которомъ своевременно упоминалось въ нашемъ журналѣ, такъ что теперь было бы излишнимъ добавлять что нибудь къ сдѣланной тогда опѣнкѣ этихъ удивительно неуклюжихъ произведеній неудавшагося поэта. Увидѣвъ, что поэзія ему не по плечу, г. Евгеній Бѣлозерскій, задумавъ посвятить свои дарованія на пользу сценическаго искусства, дебютировалъ изданной имъ самимъ пятиактной драмой „Безъ матери“, причѣмъ и эту мертворожденную „пробу пера“ постигла также грустная участь, какъ и вошедшій въ обширные списки нашей книжной макулатуры сборникъ „На зарѣ“. Послѣ второй неудачи непризнанный драматургъ превратился въ беллетриста, предпочитая и на этотъ разъ выпустить свои творенія прямо отдѣльною книгой, руководясь должно быть тѣмъ, что расбрасываемые въ періодическихъ изданіяхъ мелкіе рассказы не могутъ произвести на читателей такого цѣльнаго и аснаго впечатлѣнія, какъ собранные воедино. Беллетристика эксъ-поэта-драматурга передъ нами. Впечатлѣніе получается, дѣйствительно, цѣльное: и *правда и вымыселъ* изъ-подъ пера г. Бѣлозерскаго выходятъ въ такой небеллетристической формѣ, что, читая его книгу отъ альфы до омеги (начиная „Станнымъ пари“ и кончая „Калейдоскопомъ провинціальныхъ типовъ“) вы ясно видите, что и на этотъ разъ неунывающий дебиантъ взялся не за свое дѣло.. Остаются „Письма изъ Персіи“ (поставленныя на обложкѣ „Правды и вымысла“), съ которыми мы, къ несчастію, незнакомы. Неужели же и въ качествѣ корреспондента г. Евгеній Бѣлозерскій выступить съ такими же сомнительными данными, какъ и на арену поэзіи, драматургіи и беллетристики? Это было бы совсѣмъ неутѣшительно какъ для него самого, такъ и для его предполагаемыхъ читателей!

Ап. К—скій

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 22-го августа 1892 г.
Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

3 2044 022 486 088

